A 201/1148

А 201
А 148

ЖИЗНЬ
ПАТРІАРХА НИКОНА
ВЪ ССЫЛКѢ
и
ЗАКЛЮЧЕНІИ ПОСЛѢ ОСУЖДЕНІЯ ЕГО НА МОСКОВСКОМЪ СОБОРѢ
1666 года.

Историческое изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла патріарха Никона.

Э. о. профессора С.-Петербургской духовной академіи
протоіерея Павла Николаевскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Ѳ. Елвонскаго и К°. Невскій пр., 134.
1886.

ЖИЗНЬ
ПАТРІАРХА НИКОНА
ВЪ ССЫЛКѢ
и
ЗАКЛЮЧЕНІИ ПОСЛѢ ОСУЖДЕНІЯ ЕГО НА МОСКОВСКОМЪ СОБОРѢ
1666 года.

Историческое изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла патріарха Никона.

Э. о. профессора С.-Петербургской духовной академіи

протоіерея Павла Николаевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій пр., 134.
1886.

(Изъ «Хр. Чт.» за 1886 г.).

Печатать позволяется. Мая 12 дня 1886 г. Ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Иванъ Троицкій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Объявленіе соборнаго приговора п. Никону и отправка его въ заключеніе (стр. 1—11). Характеристика ссыльной жизни п. Никона (11—14). Десятилѣтнее пребываніе Никона въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ при приставахъ Аггеѣ Шепелевѣ (14—16), Степанѣ Наумовѣ (16—37), Самуилѣ Шайсуповѣ (37—90) и Иванѣ Одадуровѣ (90—93). Назначенные для надзора за п. Никономъ архимандриты (7—9. 15. 17. 26—27. 30—31). Помѣщеніе и кельи Никона (15. 18. 19. 22. 24. 38. 42. 49. 53. 54—55. 65. 69—72. 78. 82. 101. 120—121). Келейные его старцы и служки (8. 18. 22. 23. 25. 28—29. 42. 44—47. 49. 72. 73. 77. 91—92. 96. 100. 101. 110—111. 112. 116—117). Средства содержанія (15. 19. 21—22. 25. 30. 42. 43. 50—53. 56—70. 78. 80—88). Строгость Ѳерапонтовскаго заключенія п. Никона и свобода выхода изъ келій (15. 17. 18. 19. 24. 29. 38. 43 45. 48. 114). Выходы и выѣзды п. Никона за монастырь (48. 72. 74. 102. 113). Сношенія его съ посторонними лицами (18. 23—24. 27—28. 37. 49. 64. 116—117). Отправленіе имъ келейнаго правила и выходы въ церковь (17. 24. 25. 26. 36. 38. 47. 49. 54—55. 62. 65. 69. 73. 78. 82—83. 101. 111). Благотворительность п. Никона и лѣченіе имъ болящихъ (49—50. 54. 62. 79. 99. 101—102. 109—110. 112—113. 117). Письма и челобитныя его царю Алексѣю Михайловичу (16. 19—20. 28—29. 36—39. 44—46. 50—51. 55—57. 58. 60—63. 67—71. 76. 81—84. 86—87). Распоряженія царя Алексѣя Михайловича въ пользу п. Никона и царскіе подарки (6. 18—19. 21. 25. 27. 35. 36. 37. 39. 43. 45—46. 47. 51. 57. 63—65. 70. 78. 79—80. 88. 89). Лица, враждебно относившіяся къ п. Никону, и вліяніе ихъ на жизнь опальнаго патріарха (15. 17. 20. 23—24. 26—28. 29—30. 44. 56. 58—59. 62—63. 70. 73. 76—77. 84—87). Отношенія между патріархами Никономъ и Іоакимомъ (74—76. 77. 78—80. 90. 111. 115. 119. 122. 126. 129—130. 132. 134. 138—139). Новые соборные приговоры противъ Никона (26—27. 77—78. 95). Обвиненія Никона въ сношеніяхъ съ Стенькою Разинымъ (30—33. 35—36. 37. 40—42. 97—99. 108—109) и съ восточными патріархами (33—35. 99. 109). Смерть царя Алексѣя Михайловича и ухудшеніе участи Никона (88—93). Соборный приговоръ и указъ 15 мая 1676 г. о переводѣ Никона изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кирилло бѣлозерскій (93—107). Объясненія п. Никона по поводу предъявленныхъ ему въ указѣ обвиненій (107—114). Суровость Кирилловскаго заключенія Никона (114. 118—123). Перемѣна въ отношеніяхъ царя Ѳедора Алексѣевича къ п. Никону (123—125) и хлопоты о переводѣ послѣдняго изъ Кирилло бѣлозерскаго монастыря въ Воскресенскій (125—126). Грамоты о томъ къ восточнымъ патріархамъ (126—128). Болѣзнь Никона (9. 36. 38. 43. 44. 45. 123. 129), возвращеніе его въ Воскресенскій монастырь, смерть и погребеніе (128—134). Разрѣшительныя грамоты восточныхъ патріарховъ и возстановленіе патріаршаго сана и славы п. Никона (134—141).

Жизнь патріарха Никона въ ссылкѣ и заключеніи послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 г.

По приговору московскаго собора 1666 года всероссійскій патріархъ Никонъ за разныя вины присужденъ былъ къ низверженію изъ патріаршаго сана и къ ссылкѣ въ заточеніе въ одинъ изъ дальнихъ монастырей Россіи, чтобы здѣсь до самой своей кончины онъ безпрепятственно и безмолвно оплакивалъ свои грѣхи [1]). Но еще при самомъ объявленіи этого приговора встрѣтились большія затрудненія къ точному его выполненію. Патріархъ Никонъ продолжалъ пользоваться любовью народа, не смотря на осьмилѣтнее удаленіе отъ дѣлъ церковнаго управленія. Величіе его имени поддерживалось не только величіемъ его сана, но и величіемъ дѣлъ, совершенныхъ имъ въ церкви и государствѣ, памятью о прежней близости его къ государю, особенно же благодарною памятью объ обширной благотворительности его бѣднымъ людямъ. Потому 12 декабря, когда Никонъ вызывался выслушать соборный приго-

[1]) Главными источниками для настоящей статьи служатъ неизданныя бумаги изъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла п. Никона. Часть этихъ бумагъ, относящихся ко времени его заключенія, находится въ XII свиткѣ изъ этого дѣла въ московской синодальной библіотекѣ; большая же часть ихъ находится въ государственномъ архивѣ. Нѣсколько документовъ хранилось въ библіотекѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря; при переносѣ этой библіотеки въ 1859 году въ с.-петербургскую духовную академію документы по дѣлу п. Никона оставлены были въ Кирилловскомъ монастырѣ, но послѣ были отсюда похищены; содержаніе ихъ извѣстно только по описанію ихъ въ статьѣ архимандрита Варлаама, помѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1858 г., кн. 3 подъ заглавіемъ: «О пребываніи патріарха Никона въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ и Кирилловѣ-бѣлозерскихъ монастыряхъ».

воръ, толпы народа еще съ утра наполняли кремлевскую площадь, желая можетъ быть въ послѣдній разъ видѣть своего великаго патріарха. Власти опасались при этомъ какой-либо демонстраціи со стороны народа и противъ нея приняли строгія мѣры. Патріархъ Никонъ ѣхалъ съ архангельскаго подворья, гдѣ онъ жилъ во все время суда надъ нимъ, на саняхъ подъ прикрытіемъ усиленной стражи стрѣльцовъ; передъ нимъ шли мстиславскій епископъ Меѳодій и архимандритъ печерскаго нижегородскаго монастыря Іосифъ, посланные звать его на соборъ для выслушанія приговора; сзади его шли приближенные къ нему келейные его иноки Ѳеодосій и Маркъ. Соборное засѣданіе открыто не въ столовой государевой палатѣ, гдѣ прежде происходилъ судъ надъ Никономъ, но въ маленькой Благовѣщенской церкви на заднихъ воротахъ Чудова монастыря, гдѣ временно проживали восточные патріархи. Впечатлительный государь не могъ присутствовать при низложеніи патріаршаго достоинства съ бывшаго своего „собиннаго друга“ и вмѣсто себя назначилъ быть при этомъ своимъ боярамъ; во главѣ ихъ стоялъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, давній врагъ патріарха Никона. Духовные члены собора присутствовали въ полномъ составѣ, имѣя во главѣ двухъ восточныхъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго; но изъ архіереевъ не всѣ охотно присутствовали на соборѣ: по словамъ Шушерина, вологодскій архіепископъ Симонъ, сочувствовавшій Никону, сказался больнымъ, но былъ приведенъ на соборъ насильно, и во все время чтенія приговора плакалъ объ участи любимаго имъ патріарха; другой епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, бывшій свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища, послѣ отозвался о немъ и о своемъ душевномъ состояніи такимъ образомъ: „зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха; я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило“ [1]). Когда доло

[1]) Письма Лазаря Барановича Черниговъ 1865 стр 46.

жено было о прибытіи Никона, члены собора вошли въ церковь, патріархи и всѣ архіереи, кромѣ Аѳанасія иконійскаго, бывшаго тогда подъ запрещеніемъ, облачились въ мантіи, возложили на себя омофоры и митры, а остальныя духовныя лица одѣли ризы; Никонъ совершилъ обычное поклоненіе иконамъ и членамъ собора и сталъ посреди церкви. Послѣ краткаго молитвословія патріархи велѣли читать соборное опредѣленіе по дѣлу Никона; приговоръ читался сначала погречески экономомъ антіохійской церкви, пресвитеромъ Іоанномъ, потомъ громогласно порусски личнымъ недоброжелателемъ Никона, рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ. Слушая приговоръ, видоизмѣненный противъ объявленнаго ему прежде словесно на судѣ, Никонъ возражалъ противъ обвиненій и дѣлалъ личныя обращенія къ Иларіону. Восточные патріархи спѣшили прекратить эти замѣчанія и укоры Никона и приступили къ обряду низверженія его изъ патріаршаго сана. Сначала они приказали Никону снять съ себя патріаршій клобукъ; но Никонъ отказался самъ это сдѣлать, указывая на то, что онъ принялъ патріаршій санъ не добровольно, но по просьбѣ государя, принялъ его открыто въ соборной церкви при множествѣ бояръ и народа, и теперь протестуетъ противъ такого низложенія его въ отсутствіе государя, не при народѣ и въ такой маленькой церкви, которую онъ же устроилъ: „Если бы я въ чемъ былъ повиненъ и осужденія достоинъ, то отъ чего вы это тайно творите, какъ татіе? Пойдемъ лучше въ соборную церковь, и тамъ дѣлайте со мною, что хотите". „Тамъ или здѣсь, все едино", отвѣчали ему патріархи, „мы исполняемъ только волю собора и государя; а что нѣтъ здѣсь царскаго величества, въ этомъ его вина". Затѣмъ александрійскій патріархъ Паисій, какъ вселенскій судія, подошелъ ближе къ Никону, самъ сбросилъ съ него клобукъ, украшенный серафимомъ, надѣлъ на него простой клобукъ, снявъ его съ находившагося тутъ греческаго монаха; торопливо сняли съ Никона и верхнюю богато украшенную патріаршую панагію, а другую панагію на немъ не замѣтили и снять позабыли. Никонъ при этомъ

не преминулъ посмѣяться надъ восточными патріархами: „Бѣдные, подневольные вы странники, пришли сюда изъ далека не на доброе дѣло, не миръ устроить, но чтобы найти себѣ денежную милостыню и ею потомъ заплатить дань своимъ поработителямъ; раздѣлите этотъ клобукъ и панагію между собою, вамъ достанется много жемчугу и золота на свои нужды и утѣшеніе; возьмите и мантію мою, если желаете". Услышавъ это, патріархи отдали снятые клобукъ и панагію стоявшему возлѣ Никона монаху его Марку, а о мантіи сказали: „Слѣдовало бы снять теперь съ тебя и мантію, но по просьбѣ государя дозволяемъ тебѣ носить ее на время, пока не пріѣдешь въ назначенную тебѣ обитель". Архіерейской мантіи и посоха не взяли тутъ у Никона „страха ради всенароднаго", добавляетъ Шушеринъ. Такимъ образомъ обрядъ низложенія Никона оставался далеко не выполненнымъ; даже объявленный теперь соборный приговоръ долго послѣ того не былъ окончательно оформленъ и подписанъ [1]).

---

[1]) Къ подписи соборнаго приговора члены собора приступили 14 генваря 1667 года, причемъ тогда же двумя русскими епископами заявлены сильныя возраженія и отказъ подписаться подъ приговоромъ соборнымъ; только къ 24 генваря приговоръ былъ подписанъ всѣми членами собора, хотя и заднимъ числомъ отъ 12 декабря 1666 г. (обстоятельства этого дѣла изложены въ «Исторіи русской церкви» м. *Макарія*, т. XII, стр. 754—760). Отъ того списки этого приговора имѣютъ разныя редакціи по содержанію и по изложенію. Одинъ изъ такихъ списковъ приговора изданъ *Н. А. Гиббенетомъ* (въ «Историческомъ изслѣдованіи дѣла п. Никона»; ч. II Спб. 1884 стр 1093—1097); это—можно думать - одинъ изъ первыхъ черновыхъ проектовъ соборнаго опредѣленія по дѣлу п. Никона, которое послѣ было исправлено и дополнено. Другой списокъ, весьма близкій къ нему по языку, но дополненный въ содержаніи, находится въ рукописномъ непереплетенномъ сборникѣ московской синодальной библіотеки № I (въ особой тетради на л. 9—13). Здѣсь соборный приговоръ дополненъ вставкою трехъ новыхъ обвиненій противъ п. Никона: 1) что онъ своимъ удаленіемъ съ патріаршаго престола заставилъ русскую церковь вдовствовать восемь съ половиною лѣтъ и тѣмъ содѣйствовалъ усиленію въ ней мятежей и раскольниковъ, 2) что онъ возвелъ обвиненіе на русскаго государя, царскій синклитъ и духовныхъ властей въ пристрастіи къ латинству главнымъ образомъ изъ зависти къ газскому митрополиту Паисію Лигариду, 3) что онъ, живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, мучилъ здѣсь иноковъ и мірянъ разными казнями до смерти. Въ концѣ соборнаго приговора

Обратное шествіе Никона съ собора на подворье въ патріаршей мантіи и съ посохомъ въ рукахъ, въ преднесеніи патріаршаго клобука и панагіи, давало возможность скрывать на время отъ народной толпы сущность соборнаго опредѣленія, только что выслушаннаго Никономъ; народъ по прежнему видѣлъ Никона въ патріаршемъ санѣ и продолжалъ считать его патріархомъ. Грубыя насмѣшки надъ Никономъ сопровождавшаго его спасо-ярославскаго архимандрита Сергія, направленныя къ униженію его чести и достоинства, едва не вызвали открытаго волненія въ народѣ; со стороны послѣдняго раздался протестъ противъ оскорбленій опальнаго патріарха; но окружавшая Никона усиленная стража поспѣшила замять это волненіе и протестовавшіе быстро были схвачены и выведены изъ толпы. Низложенный Никонъ видимо старался сохранить въ себѣ спокойствіе духа и, прибывъ на подворье, сѣлъ за любимое имъ чтеніе толкованій Златоуста на посланія апостола Павла въ назиданіе себѣ и своимъ приближеннымъ. Злобный архи-

по этому синодальному списку внесено опредѣленіе и объ избраніи новаго патріарха на мѣсто Никона. Къ этому синодальному списку по своему содержанію приближается и третій списокъ, изданный въ «собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ» (ч. IV за № 53); онъ полнѣе изданнаго Н. Гиббенетомъ, но отъ синодальнаго списка отличается тѣмъ, что въ немъ выпущены первое и третье изъ указанныхъ выше обвиненій противъ Никона; въ немъ нѣтъ и опредѣленія объ избраніи новаго патріарха. Но главное отличіе этого третьяго списка отъ двухъ предыдущихъ заключается въ изложеніи языкъ этого списка совершенно отличенъ отъ языка тогдашнихъ русскихъ оффиціальныхъ актовъ; видно, что этотъ списокъ соборнаго опредѣленія есть особый буквальный и неудачный переводъ съ соборнаго опредѣленія о низложеніи Никона, писаннаго на греческомъ языкѣ, и что переводъ этотъ составленъ неискуснымъ переводчикомъ, плохо знавшимъ и греческій и русскій языкъ тогдашнихъ оффиціальныхъ грамотъ. Подлинный же списокъ соборнаго приговора о низложеніи Никона на греческомъ языкѣ съ собственноручными подписями двухъ восточныхъ патріарховъ и всѣхъ членовъ собора въ печати не изданъ и находится въ московской синодальной библіотекѣ въ отдѣлѣ свитковъ и грамотъ за № 9. Что касается вопроса: какая редакція соборнаго приговора вошла въ употребленіе при послѣдующемъ развитіи дѣла п. Никона, то замѣтимъ кратко, что редакція приговора, изданная въ «собраніи грамотъ и договоровъ» вовсе не была въ употребленіи, а всѣ выписки изъ соборнаго приговора въ послѣдующихъ оффиціальныхъ грамотахъ приводятся по указанному выше списку синодальному.

мандритъ Сергій, подосланный слѣдить за дальнѣйшимъ поведеніемъ Никона, не одинъ разъ и въ кельи пытался раздражить Никона, но не имѣлъ въ томъ успѣха. А собравшіеся около Никона келейные и монастырскіе его старцы во время вечерни на ектеніяхъ продолжали по прежнему именовать его святѣйшимъ патріархомъ, не смотря на сдѣлавшееся теперь извѣстнымъ опредѣленіе собора и язвительныя напоминанія Сергія [1]).

Между тѣмъ московское правительство спѣшило отправкою Никона въ заключеніе, чтобы замедленіемъ пребыванія его въ Москвѣ не вызвать новыхъ народныхъ возмущеній. Мѣстомъ заключенія его назначался бѣдный Ѳерапонтовскій монастырь вблизи монастыря Кириллобѣлозерскаго. Для надзора за низложеннымъ патріархомъ назначено быть „благоискусному мужу архимандриту опасенія ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему и обиду творити, онъ же самъ (Никонъ) впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составляти. Еще же завѣщася при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ, всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніемъ не исходити“. 13 декабря еще передъ утромъ въ кельяхъ Никона быстро чередуются разные посланцы. Первымъ прибылъ окольничій Иродіонъ Стрѣшневъ съ царскими ему подарками, деньгами, собольими и лисьими шубами въ дальнюю дорогу и съ просьбою дать благословеніе царю и всему его семейству; душа добраго государя, какъ видно, не оставалась спокойною по низложеніи Никона и желала облегчить положеніе прежняго друга, смягчить предстоящую съ нимъ разлуку и вызвать его на взаимное примиреніе. Но Никонъ, замѣчая непослѣдовательность въ отношеніяхъ государя къ нему, отвѣтилъ: „если бы благовѣрный царь желалъ отъ него благословенія, то не оказалъ бы ему такой немилости“ низверженіемъ изъ сана; присланныхъ даровъ не принялъ и благословенія государю не далъ, не смотря на усиленныя

---

[1]) Извѣстіе о житіи п. Никона, составленное клирикомъ его Иваномъ Шушеринымъ. Изданіе Воскресенскаго монастыря. М. 1871 стр. 70—75.

просьбы о томъ Стрѣшнева. По удаленіи послѣдняго, явились къ Никону послы уже отъ патріарховъ и собора съ повелѣніемъ возвратить патріаршій клобукъ и панагію, снятые у него вчера на соборѣ; Никонъ тотчасъ же исполнилъ волю собора. Затѣмъ въ келью Никона явился стрѣлецкій полковникъ Аггей Шепелевъ, назначенный провожать его до мѣста заключенія, съ объявленіемъ о приготовленіи къ немедленному выѣзду изъ Москвы.

Морозное декабрское утро покрывало еще тьмою столицу; до полнаго разсвѣта оставалось нѣсколько часовъ. У кельи Никона стоялъ уже наскоро приготовленный собственный его возокъ, въ которомъ онъ прибылъ изъ Воскресенскаго монастыря на судъ и теперь долженъ былъ отправиться въ дальнюю ссылку; въ возокъ запряжены были лошади изъ царской конюшни. Жители Москвы, узнавъ объ отправкѣ Никона, направились въ кремль проводить бывшаго своего патріарха. Тогда приказано хитростію удалить народъ изъ стѣнъ кремлевскихъ; стрѣльцы „не яко съ яростію или отгнаніемъ, но съ тихостію“ передавали собравшемуся народу, что Никонъ пойдетъ изъ кремля чрезъ спасскія ворота по Срѣтенкѣ. Повѣривъ этимъ словамъ, народъ побѣжалъ въ Китай городъ, чтобы тамъ на просторѣ лучше увидѣть патріарха; между тѣмъ Никона наскоро посадили въ повозку и быстро повезли въ противоположную сторону на каменный мостъ въ арбатскія ворота. 200 стрѣльцовъ окружили его поѣздъ, не позволяли никому изъ постороннихъ подойти къ нему близко и въ такомъ видѣ провожали его черезъ Каменный и Земляной городъ; въ земляномъ городѣ было выстроено 1000 новыхъ стрѣльцовъ въ полномъ вооруженіи и съ горящими фитилями. За городомъ произошло трогательное прощаніе Никона съ провожавшими его старцами и нѣкоторыми собравшимися тутъ приверженцами его изъ мірянъ. Никонъ благословилъ ихъ и далъ имъ наставленіе. Колонны стрѣльцовъ возвратились назадъ, а приставъ Шепелевъ съ 50 стрѣльцами и съ новоспасскимъ архимандритомъ Іосифомъ быстро помчалъ Никона по дмитровской до-

рогѣ [1]). Добровольно отправились съ Никономъ раздѣлять его заключеніе два іеромонаха Воскресенскаго монастыря—Памва и Палладій, два іеродіакона—Іоасафъ и Маркеллъ, воскресенскій старецъ Флавіанъ и два бѣльца—клинскаго уѣзда воскресенскаго монастырскаго села Завидова дьячекъ Гераско Матвѣевъ и костромскаго уѣзда домоваго патріаршаго села Вятскаго Ипатко Михаиловъ [2]). Отъѣхавъ отъ Москвы 25 верстъ, приставъ Шепелевъ приказалъ остановиться близъ рѣки Клязьмы и здѣсь простояли два дня. Остановка произошла отъ того, что за быстрою отправкою Никона изъ Москвы не успѣли еще составить подробныхъ инструкцій, какимъ путемъ его весть, какъ содержать и охранять его въ заключеніи. 13 Декабря отъ имени патріарховъ и собора изданъ былъ наказъ на имя нижегородскаго печерскаго архимандрита Іосифа „ѣхать ему съ монахомъ Никономъ, что былъ московскій патріархъ, въ Ѳерапонтовъ монастырь и быть ему тамъ съ нимъ до указу и дорогою ему, архимандриту, беречь, чтобъ монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуды не посылалъ, также и въ монастырѣ беречь накрѣпко, чтобъ ему, Никону, никакого оскорбленія никто не чинилъ, а пріѣхавъ въ монастырь мантію архіерейскую и посохъ взять, а буде не дастъ, и велѣть мантію снять и посохъ дать и прислать ихъ къ Москвѣ, и святѣйшимъ патріархамъ и собору о томъ отписать; а монастырскимъ ему, Никону, владѣть ничѣмъ не велѣть, а пищу и всякой келейный покой давать ему монаху Никону [3]) по его потребѣ". 14 числа состоялся особый царскій наказъ на имя того же архимандрита съ тѣмъ же предписаніемъ ѣхать ему съ Никономъ до Ѳерапонтова—

---

[1]) Шушер. стр. 76—78.

[2]) Синодальный свитокъ № XII. Въ дѣлахъ государственнаго архива есть подлинная челобитная къ царю нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, отправившихся съ Никономъ въ Ѳерапонтово.

[3]) Въ черновомъ спискѣ этого наказа здѣсь зачеркнуты слова «съ подобающею честью»; внизу наказа приписка: «Таковъ наказъ за руками св. патріарховъ посланъ въ дорогу за архимандритомъ сего же числа въ 4 часу дня съ патріаршимъ боярскимъ Дмитріемъ Володимеровымъ». (Синод. свитокъ № XII).

„по которому пути и на которые городы велѣно ево весть по благословенію св. патріарховъ и всего собора и по подорожной на Дмитровъ и Углечь, какова нынѣ послана къ Агѣю Шепелеву“ [1]). По полученіи этихъ инструкцій и по смѣнѣ новоспасскаго архимандрита нижегородскимъ, Никона повезли дальше.

Въ дорогѣ Никонъ и свита его испытывали большія затрудненія. Холодное зимнее время сильно давало имъ чувствовать недостатокъ въ теплой одеждѣ, такъ что новоспасскій архимандритъ при своей смѣнѣ принужденъ былъ отдать Никону свою шубу и треухъ (особый родъ теплой шапки съ наушниками); приближаясь къ Угличу, Никонъ хотѣлъ было послать туда своихъ старцевъ купить себѣ и своей свитѣ теплую одежду, но приставъ Агтей Шепелевъ этого не позволилъ. Везли ихъ съ усиленною скоростію, останавливаясь только для перемѣны лошадей и на почлегахъ; сильныя царскія лошади по неустроеннымъ тогда проѣзжимъ дорогамъ и ухабамъ несли ихъ такъ быстро, что не одинъ разъ вываливали Никона изъ саней, и отъ ударовъ о стоявшія по дорогѣ и особенно въ лѣсахъ деревья Никонъ сильно разшибъ себѣ голову. Никона везли подъ сильнымъ конвоемъ и желали скрыть его отъ взгляда постороннихъ людей; для этого поѣздъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ постоянно стрѣльцами, никому изъ встрѣчныхъ лицъ или при остановкѣ поѣзда не позволялось подходить къ нему близко, тѣмъ болѣе разговаривать съ ссыльными. Жители Углича, узнавъ о проѣздѣ Никона, вышли къ нему на встрѣчу и хотѣли поднесть ему нужную одежду и пищу, но Шепелевъ съ побоями разогналъ всѣхъ вышедшихъ на встрѣчу и проѣхалъ городъ безъ остановки. 15 верстъ за Угличемъ стояло село, въ которомъ тогда была ярмарка; Шепелевъ впередъ послалъ разогнать съ улицы всѣхъ торговцевъ; такъ онъ дѣлалъ во всѣхъ деревняхъ и селахъ. Даже тѣ дворы, въ которыхъ приходилось останавливаться, всегда напередъ очи-

---

[1]) Внизу царскаго наказа приписка: «Такова великаго государя грамота отдана Чюдовъ монастыря архимандриту Іоакиму». (Синод. Свитокъ); тутъ же и росписка архимандрита Іосифа въ полученіи этого указа 15 декабря.

щались и всѣхъ людей жившихъ въ этихъ дворахъ удаляли изъ дома. Но не смотря на всѣ предосторожности пристава, окрестные жители разными путями успѣвали узнавать провозимаго мимо нихъ опальнаго патріарха и при случаѣ спѣшили оказать ему знаки своего вниманія и сочувствія. Разъ въ одной деревнѣ передъ Мологою изъ подполья дома, гдѣ остановился Никонъ и откуда напередъ выгнаны были его обитатели, вылѣзла спрятавшаяся здѣсь старуха и вручила ему 20 рублей деньгами и теплую одежду; близъ Мологи изъ приписнаго къ патріаршему дому Аѳанасьевскаго монастыря вышелъ привѣтствовать Никона строитель со всею братіею, хотя и прогнанъ былъ за то Шепелевымъ [1]). Въ 30 верстахъ за Мологою въ деревнѣ Березовѣ ночью подъ окномъ одного крестьянскаго дома постучались лица близкія къ Никону, бывшій его подъяконъ Иванъ Васильевъ и Николай Ольшевскій; они возвращались съ Крестнаго монастыря, куда были посланы Никономъ еще изъ Воскресенскаго монастыря для заготовки красной рыбы; попросивъ у крестьянина испить квасу, они отъ него узнали, что въ эту ночь въ этой деревнѣ стоитъ патріархъ Никонъ; и не смотря на то, что они не укрылись отъ вниманія Шепелева, были имъ схвачены, допрошены и потомъ выпровождены за деревню въ поле, они имѣли возможность сообщить о своемъ проѣздѣ Никону и вскорѣ получить отъ него вѣсть: на одной изъ слѣдующихъ деревень по дорогѣ къ Москвѣ ихъ догналъ неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся извощикомъ, спросилъ Николая Ольшевскаго, передалъ ему письмо и сказалъ: „подалъ де ему то письмо изъ окошка невѣдомо кто и велѣлъ отдать ему, Николаю“, а въ томъ письмѣ были роспись и наказъ Никона, чтобы прислать ему въ Ѳераноптовъ монастырь 10 бочекъ семги и сиговъ, остальную рыбу продать въ Ярославлѣ, а вырученныя за нее деньги прислать ему въ заключеніе [2]). Всѣ эти факты показываютъ, что у патріарха Ни-

---

[1]) Шушер. 78—80.

[2]) Синод. свитокъ № XII; здѣсь изложенъ допросъ Ивана Васильева по этому дѣлу въ Москвѣ 28 декабря 1666 года.

кона повсюду были сторонники, ему сочувствовавшіе и готовые облегчить его положеніе, не смотря на строгость отношеній къ нему правительства.

Въ восемъ сутокъ по выѣздѣ изъ Москвы, или правильнѣе, за исключеніемъ двухдневной стоянки близъ Клязьмы, въ шесть сутокъ Никонъ проѣхалъ около 700 верстъ съ такою скоростію, съ какою ѣздили тогда „на спѣхъ“ всѣ царскіе гонцы изъ Москвы до Ѳерапонтова. Приставъ Шепелевъ напередъ послалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь къ игумену Аѳанасію и братіи увѣдомленіе о привозѣ къ нимъ Никона и наказъ о заготовкѣ ему помѣщенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строго наказывалъ игумену, чтобъ кромѣ него никто изъ братіи не присутствовалъ при встрѣчѣ Никона. 21 числа декабря на разсвѣтѣ Никонъ былъ привезенъ въ монастырь. Тотчасъ по пріѣздѣ, когда онъ не успѣлъ еще осмотрѣться и разобрать своихъ вещей, явились къ нему приставъ Шепелевъ, архимандритъ Іосифъ при депутатахъ, игуменѣ монастыря Аѳанасіѣ и келарѣ Макаріѣ Злобинѣ, для вызова его въ монастырскую церковь и выслушанія соборнаго и царскаго повелѣнія. Утомленный съ дороги и больной отъ ушибовъ, Никонъ отказался къ нимъ выйти и чрезъ своихъ старцевъ спрашивалъ ихъ о сущности этого повелѣнія. Тѣ объявили, что имъ велѣно взять оставленную у него на время архіерейскую мантію и патріаршій посохъ; Никонъ тотчасъ же отдалъ ихъ безпрекословно. Такъ совершился послѣдній актъ лишенія Никона знаковъ и отличій патріаршаго достоинства и сана.

Началась для бывшаго патріарха тяжелая, по временамъ мучительно тревожная жизнь въ ссылкѣ и заключеніи, продолжавшаяся около пятнадцати лѣтъ. Тяжести и тревоги ея происходили отъ многихъ причинъ, скрывавшихся частію въ личномъ характерѣ Никона, частію внѣ его, въ окружавшей его обстановкѣ, въ приставленныхъ охранять его лицахъ, въ отношеніяхъ къ нему государя и высшихъ правящихъ сферъ, наконецъ въ современномъ ему ходѣ общественной жизни всего московскаго государства. Уединенная жизнь была знакома патріарху Никону и прежде; еще нахо-

дясь на высотѣ своего патріаршаго могущества, онъ любилъ по временамъ уединяться или въ свои патріаршія кельи, или въ устроенный имъ Воскресенскій скитъ. Но тогдашнее уединеніе представляло большую разницу съ нынѣшнимъ; тогда онъ уединялся добровольно для спокойной молитвы, для обсужденія задуманныхъ имъ церковныхъ реформъ, для подготовки себя къ предстоящей усиленной работѣ; теперь уединеніе его было подневольное. Душа его при воспоминаніи о тѣхъ трудахъ, которые онъ понесъ для блага церкви, оставалась неспокойною: его мучило сознаніе того, что главныя церковныя реформы его одобрены соборомъ, а мелкіе факты изъ его жизни, ошибки въ административной дѣятельности, обычныя въ то время, изъ-за личныхъ интригъ частныхъ лицъ подвергнуты сильному осужденію и послужили предлогомъ небывалому въ русской церкви наказанію—низложенію съ престола ея патріарха. Его мучила мысль, что самъ государь, прежде во всемъ ему довѣрявшій и такъ его любившій, одобрявшій прежде всѣ его дѣйствія и распоряженія, теперь обнаружилъ такую слабость характера, что вопреки собственному сознанію, противъ своей воли, уступилъ личнымъ интригамъ частныхъ лицъ, отдалъ его на поруганіе враговъ и унизилъ его въ глазахъ церкви и общества. Никонъ сильно чувствовалъ это свое униженіе, считалъ его несправедливымъ, сознавалъ вредныя послѣдствія его для церкви; могучая душа его, изъ дѣтства настроенная и пріученная болѣе къ практической, чѣмъ къ созерцательной дѣятельности, не могла потому примириться съ новою печальною долею, но постоянно ждала и искала выхода изъ заключенія если не къ прежней своей широкой дѣятельности, то по крайней мѣрѣ къ болѣе спокойной жизни и дѣятельности въ основанномъ, но не достроенномъ еще имъ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ онъ приготовилъ себѣ и могилу. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ постоянно поддерживалъ и подогрѣвалъ въ Никонѣ мечты о возможности перемѣны въ его положеніи; онъ часто посылалъ къ нему своихъ бояръ съ дорогими подарками, освѣдомлялся о его нуждахъ и выполнялъ разныя его

просьбы; вопреки соборному опредѣленію, называлъ его „святымъ великимъ отцемъ“, просилъ у него молитвъ и благословенія, желалъ возстановить съ нимъ полное примиреніе. Въ Москвѣ при дворѣ было нѣсколько лицъ изъ духовныхъ и бояръ, которыя также сочувствовали Никону, вели съ нимъ тайную переписку, сообщали ему о всемъ, что думаетъ о немъ государь, и съ своей стороны принимали разныя мѣры къ облегченію его участи. Наконецъ, величіе патріаршаго сана, которымъ прежде былъ облеченъ Никонъ, величіе совершенныхъ имъ дѣлъ, обаяніе имени его, не охладѣвшее въ народѣ, не смотря на усиленіе раскола, настолько привлекали общественное вниманіе къ ферапонтовскому узнику, что по временамъ онъ едва успѣвалъ принимать знаки сочувствія приходившихъ къ нему лицъ и не могъ избѣжать того несчастія въ жизни великихъ людей, когда враги общественнаго порядка спѣшили воспользоваться ихъ обаяніемъ и ихъ славное имя припутывали къ своему преступному дѣлу. Не дремали въ свою очередь и враги Никона; опираясь на соборное о немъ опредѣленіе, они старались помѣшать добрымъ отношеніямъ къ нему государя, постоянно слѣдили за сношеніями и жизнью Никона въ заключеніи, старались перетолковывать дѣйствія его въ худшую сторону, составляли на него ложные доносы, искали случая перевесть его въ болѣе дальнее и крѣпкое мѣсто. Пока былъ живъ царь Алексѣй Михайловичъ, дѣйствія враговъ Никона не имѣли большого успѣха: царь часто не давалъ хода ихъ жалобамъ и доносамъ. Весь вредъ этихъ доносовъ со стороны враговъ Никона ограничивался тѣмъ, что слабый характеромъ государь стѣснялся въ своихъ отношеніяхъ къ Никону, сулилъ ему перемѣну на лучшее и не исполнялъ своихъ обѣщаній; отправлялъ ему пословъ съ разными благожеланіями и словесными приказаніями, перемѣнялъ приставовъ стѣснявшихъ Никона, но не давалъ имъ въ руки никакихъ письменныхъ инструкцій и полномочій, которыми бы они могли вполнѣ заручиться. Отъ того тяжелое положеніе Никона въ ссылкѣ еще болѣе увеличивалось; онъ ставился подъ произ-

волъ назначенныхъ къ нему приставовъ, которые согласовали свои дѣйствія съ взглядами разныхъ сильныхъ при дворѣ лицъ и сообразно съ тѣмъ или увеличивали или ослабляли строгость своихъ отношеній къ Никону. Такая неопредѣленность въ положеніи еще болѣе мучила Никона. Неудовлетворенный въ своихъ стремленіяхъ и безпокоимый отовсюду, онъ во все время своего заключенія при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ попеременно или впадалъ въ раздраженіе, открытое рѣзкое порицаніе всего его окружающаго, или переходилъ къ мелочнымъ придиркамъ, жалобамъ на свое состояніе и унизительнымъ просьбамъ изъ-за вещей малозначущихъ. По смерти царя Алексѣя Михаиловича, съ перемѣною придворныхъ партій, противъ Никона тотчасъ же выступили всѣ силы, враждебно къ нему относившіяся; собраны были всѣ ложные доносы, поданные противъ него въ прежнее время; доносы эти вошли въ одинъ обширный по объему и сильный по содержанію и краскамъ обвинительный актъ, по которому Никонъ безъ слѣдствія и суда былъ переведенъ въ болѣе тяжкое заключеніе изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кириллобѣлозерскій. Пораженный этимъ новымъ ударомъ, ослабленный въ неравной борьбѣ съ обстоятельствами, годъ отъ году ослабѣвавшій въ силахъ отъ прежняго нравственнаго напряженія и отъ наступавшихъ тѣлесныхъ недуговъ, Никонъ въ это время впалъ въ то состояніе, когда постепенно притупляются у человѣка и чувство недовольства своимъ состояніемъ и чувство желаній; онъ достигъ глубокой старости и постепенно въ полномъ одиночествѣ, нѣсколько лѣтъ не встрѣчая ни откуда сочувствія, потухалъ, какъ потухаютъ послѣднія искры подъ пепломъ догоравшей свѣтильни; объявленная ему царская милость не могла уже воскресить его къ жизни, и возстановленіе его чести и славы могло произойти уже послѣ его блаженной кончины.

Патріархъ Никонъ на первыхъ же порахъ по прибытіи въ Ѳерапонтовъ монастырь встрѣтилъ для себя большія затрудненія. Братія монастыря съ неудовольствіемъ приняла къ себѣ опальнаго патріарха, тяготилась его присутствіемъ и содержаніемъ. Въ день

пріѣзда его она составила челобитную государю, въ которой такъ описывала свое затрудненіе: „Нынѣ присланъ къ намъ бывшій патріархъ Никонъ, а указу намъ нѣтъ, какова ему пища давать; а монастырь у насъ бѣдный и скудный, и погорѣлъ безъ остатку, и келейнымъ покоемъ истѣсненье великое, и хлѣбу не дорода—вызябъ весь; а крестьянъ твоего жалованья за монастыремъ 321 дворъ, и то въ разныхъ городахъ. И о томъ, государь, о келейныхъ покоехъ и о пищѣ что ты, великій государь, укажешь“ [1]). За недостаткомъ удобнаго помѣщенія, особенно послѣ пожара, не за долго до прибытія Никона истребившаго въ монастырѣ кельи и ограду, Никону со свитою отведены были находившіяся за монастыремъ больничныя братскія кельи „смрадныя и закоптѣлыя, еже и изрещи неудобно“ [2]). Неудобства такого помѣщенія сряду же вызывали ропотъ въ заключенныхъ. Никонъ жаловался государю на пристава Шепелева: „онъ, везя меня, многія напасти мнѣ дѣлалъ, и привезши посадилъ меня въ больничныя кельишки, и я въ нихъ съ угару и нужды едва не умеръ“ [3]). Келейные старцы Никона, добровольно согласившіеся раздѣлять съ нимъ заключеніе, жаловались въ свою очередь на то, что ихъ какъ въ дорогѣ, такъ и по пріѣздѣ въ Ѳерапонтово держали подъ строгимъ карауломъ и не давали свободнаго выхода изъ кельи. По этому поводу Никонъ въ первый же день по пріѣздѣ въ заключеніе сообщалъ приставленному для надзора за нимъ архимандриту Іосифу, и послѣдній доносилъ въ Москву восточнымъ патріархамъ и собору: „говоритъ монахъ Никонъ, чтобъ тѣхъ старцевъ и бѣльцовъ пускать по волѣ, куды они похотятъ ити или ѣхать, и воли бъ у нихъ не отъимать; а я тѣхъ старцевъ по воли и иныхъ приходящихъ къ

---

[1]) Подлинная челобитная игумена Аѳанасія и келаря чернеца Макарія Злобина съ братьею отъ 21 декабря; получена въ Москвѣ 27 декабря (Синод. свитокъ № XII).

[2]) Шушер. 81.

[3]) Письмо Никона къ царю послѣ 15 марта 1673 г. (въ госуд. архивѣ).

нему безъ вашего указу пущать не смѣю, и о томъ что вы прикажете" [1]).

19 генваря 1667 г. въ отвѣтъ на просьбы изъ Ѳерапонтова монастыря присланъ былъ сюда новый приставъ дворянинъ Степанъ Лаврентьевъ Наумовъ съ 20 стрѣльцами на смѣну прежняго пристава Аггея Шепелева. Ему не дано было особыхъ письменныхъ инструкцій для надзора за бывшимъ патріархомъ, но изъ приказа тайныхъ дѣлъ объявленъ словесный наказъ отъ царскаго имени склонять Никона къ примиренію съ государемъ и сообразно съ дѣйствіями Никона въ этомъ направленіи относиться къ нему или снисходительно или строго. Порученіе по своему характеру весьма затруднительное. Никонъ особенно на первыхъ порахъ никакъ не могъ примириться съ мыслію о своемъ заключеніи, считалъ себя несправедливо осужденнымъ и потому, увидѣвъ, что новый приставъ не привезъ ему царской милости, а только хлопоталъ о примиреніи и благословеніи для успокоенія смущенной совѣсти государя, сряду же въ рѣзкихъ формахъ отклонялъ это примиреніе. „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, писалъ онъ государю; но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прощу... Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы, ты присылалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему—ждать суда Божія. Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова; и я ему тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія. Ты меня осудилъ и заточилъ; и я трикраты тебя проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ паче Содома и Гомора: въ первый разъ, какъ уходилъ (въ 1658 г.) съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ; во второй разъ,

[1]) Донесеніе архимандрита Іосифа отъ 21 декабря получено въ Москвѣ 27 декабря, вмѣстѣ съ приведенною выше челобитною братіи Ѳерапонтовскаго монастыря; въ донесеніи Іосифъ сообщаетъ о келейныхъ старцахъ Никона, прибывшихъ съ нимъ въ Ѳерапонтово, о безпрекословной отдачѣ Никономъ патріаршей мантіи и посоха и объ отправкѣ ихъ въ Москву съ ѳерапонтовскимъ іеромонахомъ Варлаамомъ (Синод. свитокъ).

какъ приходилъ предъ Рождествомъ (въ 1664 г.) и былъ изгнанъ, во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ, какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ" [1]). 18 марта того же года произошла смѣна и архимандрита, приставленнаго къ Никону; на мѣсто нижегородскаго архимандрита Іосифа прибылъ новый, извѣстный уже намъ добротою своихъ отношеній къ Никону по отъѣздѣ его изъ Москвы въ Ѳерапонтово, отставной новоспасскій архимандритъ Іосифъ, жившій на покоѣ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ [2]). Сряду по прибытіи новаго архимандрита, приставъ Наумовъ посылалъ его съ стрѣлецкимъ сотникомъ Тихономъ Лабутинымъ уговаривать Никона, чтобъ онъ написалъ государю письмо въ примирительномъ духѣ и далъ ему свое благословеніе, обѣщая за то всякую милость отъ государя и возвращеніе изъ ссылки въ одинъ изъ построенныхъ имъ монастырей; но Никонъ остался по прежнему непреклоннымъ. Понятно, такой отказъ Никона отъ примиренія не могъ содѣйствовать облегченію его участи. Никонъ оставался жить въ прежнихъ кельяхъ и подвергнутъ въ нихъ большему стѣсненію. Стефанъ Наумовъ, по словамъ Никона, „приложилъ зло ко злу, свѣтъ келейный у меня отнялъ, окна заковалъ желѣзными крестами (рѣшеткой), такъ что и днемъ приходилось съ лучиной отправлять келейное правило; и изъ кельи не велѣлъ никуды ни ходить, и въ келью и близъ кельи проходить и подавать никому не велѣлъ, и такъ морилъ меня съ моими келейными старцами" [3]); близъ монастыря проходила тогда большая дорога на Каргополь:

[1]) Исторія Россіи *Соловьева*; т. XI., изд. 1870 стр. 328—329.

[2]) Черновые списки двухъ грамотъ патріарха Іоасафа II—одной въ Троицко-Сергіевскій монастырь объ отпускѣ архимандрита Іосифа въ Ѳерапонтово на смѣну нижегородскаго архимандрита (съ датою 28 Февраля) и другой въ Ѳерапонтовъ монастырь на имя послѣдняго (отъ 3 марта) и царской наказной памяти (отъ того же времени) на имя бывшаго новоспасскаго архимандрита съ такою же инструкціею о надзорѣ за Никономъ, какая дана и его предшественнику, находятся въ синод. свиткѣ № XII.

[3]) Письмо п. Никона къ царю въ мартѣ 1673 г.

приставъ велѣлъ отвесть ее на другое мѣсто, подальше отъ монастыря, чтобъ изъ постороннихъ никто не могъ проходить мимо кельи Никона [1]). Тягость такого заключенія особенно отзывалась на келейныхъ старцахъ и служкахъ Никона; іеромонахъ Палладій, іеродіаконъ Іоасафъ и два бѣльца Герасимъ Матвѣевъ и Ипатъ Михайловъ подали двѣ челобитныя на имя государя; въ нихъ писали, что, отправившись добровольно проводить бывшаго патріарха, они расчитывали на свободу своей жизни, но теперь сидятъ подъ карауломъ, а воли имъ и отпуску никуда нѣтъ, и потому просили государя объ освобожденіи ихъ изъ заключенія и возвратѣ на прежнія мѣста своего жительства. 15 марта состоялся приказъ государя объ ихъ отпускѣ; 5 апрѣля они выѣхали изъ Ѳерапонтова монастыря, 10 апрѣля были уже въ Москвѣ на допросѣ у патріарха Іоасафа, причемъ дали подробныя свѣденія о жизни Никона въ заключеніи; 22 числа изъ патріаршаго разряда отправлены въ Воскресенскій монастырь, куда они привезли собственноручную роспись Никона съ просьбою прислать ему въ Ѳерапонтовъ монастырь книгъ, денегъ, рыбы и всякаго хлѣбнаго запаса [2]).

Пріѣздъ изъ Ѳерапонтова непосредственныхъ свидѣтелей жизни заключеннаго патріарха и разсказы ихъ о тягости этого заключенія обратили вниманіе правительства на патріарха Никона; въ іюлѣ того же 1667 года государь послалъ въ Ѳерапонтово своего стряпчаго Ивана Образцова съ нарочною цѣлію провѣрить на мѣстѣ слухи о тяжеломъ положеніи Никона и насколько возможно облегчить его заключеніе. Образцовъ, явившись къ Никону, объявилъ, что приставъ Наумовъ держитъ его за желѣзными рѣшетками безъ царскаго позволенія и за то будетъ наказанъ; патріарху и старцамъ его дозволялся свободный выходъ изъ кельи и приходъ къ нему лицъ постороннихъ съ вѣдома пристава; вручилъ Никону большую денежную царскую милостыню [3]), а игумену, келарю и братіи Ѳе-

[1]) Шушер. 82. [2]) Дѣла въ госуд. архивѣ.

[3]) По словамъ Шушерина—1000 руб. (стр. 85), по другимъ даннымъ 500 р. лично патріарху и 200 руб. находившимся при немъ старцамъ (*Соловьева* исторія XI, стр. 333).

рапонтовскаго монастыря объявилъ царскій наказъ для улучшенія хлѣбнаго содержанія ссыльнаго патріарха дать ему во владѣніе бородаевское озеро и монастырскій неводъ съ ловцами, а въ бородаевской волости на рѣкѣ Шекснѣ дать ему право ловить красную рыбу—осетровъ и стерлядей [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ приказано выстроить ему новыя кельи [2]). За самоуправство приставъ Наумовъ былъ посаженъ Образцовымъ подъ арестъ—въ сторожку часа на три; патріархъ Никонъ былъ очень недоволенъ такимъ малымъ наказаніемъ пристава: „Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа"; но приставъ явился къ патріарху съ просьбою о прощеніи, оправдывалъ свои прежнія отношенія къ нему распоряженіями высшаго начальства: „я человѣкъ подневольный, какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ". Съ этихъ поръ приставъ на время пересталъ относиться къ Никону подозрительно, сталъ навѣщать его, бесѣдовать съ нимъ, передавалъ ему разные слухи о томъ, что происходитъ въ Москвѣ, при дворѣ, и въ государствѣ. Бесѣды эти принимали подчасъ интимный характеръ. Наумовъ постоянно сообщалъ Никону, что царь къ нему милостивъ, хочетъ не только освободить его изъ заключенія, но и возстановить его въ санѣ: „ты только дай государю благословеніе и прощеніе, а государь для тебя ни въ чемъ не постоитъ, клянусь головою" [3]). Смягченный такими завѣреніями Наумова, патріархъ рѣшился исполнить желаніе государя и написалъ ему письмо, въ которомъ заявлялъ: „Нынѣ 7 сентября приходилъ ко мнѣ Стефанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государевымъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государевому указу съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобъ я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, государь, меня богомольца своего милостію своею по своему разсмотрѣнію пожалуешь. И я тебя, великаго государя, и все твое

---

[1]) Изъ письма Никона къ государю въ мартѣ 1673 г. (въ госуд. архивѣ).

[2]) Шушер. 85.

[3]) Ист. Соловьева стр. 329—330. 338.

царское семейство благословляю и прощаю. А когда я, богомолецъ вашъ, ваши государскія очи увижу, и тогда вамъ государемъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, какъ святое евангеліе показуетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и дѣяніе святыхъ апостолъ, (которые) всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили. Смиренный Никонъ, милостію Божіею *патріархъ*, засвидѣтельствую страхомъ Божіемъ и подписалъ своею рукою". Для большей силы Никонъ просилъ пристава Наумова скрѣпить это посланіе и послѣдній подписалъ подъ нимъ: „Я Стефанъ Наумовъ, по указу великаго государя его милость сказывалъ, о умиреніи и благословеніи со упрошеніемъ молилъ и просилъ, и къ сему списку руку приложилъ" [1]).

Нравственное чувство добраго государя этимъ посланіемъ Никона было въ извѣстной степени удовлетворено; совѣсть его могла оставаться спокойной; примиреніе и благословеніе отъ заточеннаго патріарха было получено. Но трудно было удовлетворить личнымъ желаніямъ Никона, чтобы возвратить ему свободу и дать возможность лично благословить государя. Для этого нужно было уничтожить состоявшееся о немъ опредѣленіе собора и созвать новый соборъ, который бы перерѣшилъ дѣло его въ благопріятномъ для него смыслѣ. А объ этомъ тогда нельзя было и думать; осудившіе Никона восточные патріархи еще жили въ Москвѣ, хотя и сами находились въ затруднительномъ положеніи относительно возвращенія на свои престолы. Такимъ образомъ положеніе Никона оставалось по прежнему затруднительнымъ, а послѣ отправки приведеннаго посланія и невыполненія данныхъ ему обѣщаній, Никонъ считалъ себя нравственно униженнымъ и обманутымъ; хотя во внѣшней обстановкѣ своей жизни въ заключеніи онъ увидѣлъ нѣкоторыя облегченія, но душа его была неспокойна и онъ совершилъ нѣсколько новыхъ поступковъ, изъ-за которыхъ по временамъ испытывалъ новыя стѣсненія въ своемъ заключеніи.

---

[1]) Шушер. 83—84.

Матеріальное его положеніе съ 1667 года постепенно начало улучшаться. Еще 5 генваря 1667 г., сряду по полученіи изъ Ѳерапонтова монастыря донесенія о скудости монастырскихъ средствъ для содержанія Никона, изданъ былъ на имя властей Кириллобѣлозерскаго монастыря указъ помогать Ѳерапонтовскому монастырю въ содержаніи Никона и присылать туда все, что ни потребуетъ приставъ, находящійся при Никонѣ, а приставу велѣно удовлетворять всѣмъ требованіямъ послѣдняго. Всѣ хлѣбные и съѣстные запасы, одежда, обувь, все, что нужно было для домашняго обихода—посуда, мебель, свѣчи, все, что нужно было для отправленія келейнаго и церковнаго правила, даже рабочіе люди и слуги—все это доставлялось главнымъ образомъ изъ Кириллобѣлозерскаго монастыря, сначала по мѣрѣ надобности и по требованіямъ пристава, потомъ помѣсячно и понедѣльно. Для этого напередъ составлялась особая требовательная роспись самимъ патріархомъ и при извѣстной его точности и хозяйственной предусмотрительности въ росписи подробно отмѣчалось, какія вещи, въ какомъ количествѣ и какъ онѣ должны быть сдѣланы. Для многихъ вещей онъ составлялъ свои „образцы“; такіе образцы были посланы при заказѣ шести столовыхъ ножиковъ и вилокъ, „свѣчъ восковыхъ ручныхъ, что говорятъ по книгамъ“; для креста деревяннаго къ келейному и церковному правилу онъ самъ вырѣзалъ образецъ изъ бумаги и подписалъ его своею рукою; выписывая портныхъ и сапожниковъ, Никонъ требовалъ, чтобъ они умѣли дѣлать „доброе монашеское платье, обувь сафьяную по его, Никона, рукѣ“; требуя присылки рыбы, замѣчалъ, чтобъ рыба была „мѣрная“ указанной длины, доставлена „въ цѣлѣ, живая въ бочкахъ“ и при доставкѣ „у Ѳерапонтова монастыря не уснула“ [1]). За первое время заключенія Никона указанные расходы на содержаніе патріарха Кириллобѣлозерскій монастырь выполнялъ безпрекословно, потому что запросы на нихъ были еще не велики. До лѣта 1667 г.

[1]) Чтен. общ. ист. и древ. 1858, кн. 3 стр. 137—141. 150—158.

приходилось содержать опредѣленное число лицъ: самого Никона, трехъ только келейныхъ его старцевъ, пристава съ 20 стрѣльцами и архимандрита. Ѳерапонтовскій монастырь хотя и освобожденъ былъ отъ главныхъ расходовъ на содержаніе Никона, но и съ своей стороны значительно облегчалъ расходы Кириллова монастыря; онъ выставлялъ жизненные продукты первой необходимости—печеный хлѣбъ, мелкую рыбу, давалъ людей для домашнихъ услугъ и крестьянъ на рыбныя ловли для Никона. Но главная тяжелая статья для Ѳерапонтова монастыря изъ-за Никона заключалась въ усиленной почтовой гоньбѣ, когда постоянно требовались люди и лошади для отправки разныхъ лицъ пріѣзжавшихъ изъ Москвы по дѣлу опальнаго патріарха, для розыска и доставки разныхъ колодниковъ, замѣшанныхъ въ его дѣло. На эту тягость для Ѳерапонтовскаго монастыря всегда указываетъ самъ Никонъ и постоянно заботится объ ея облегченіи. Но всѣ эти тягости въ содержаніи Никона наступили съ конца іюля, со времени описаннаго выше пріѣзда Ивана Образцова.

Тогда приступили къ устройству новыхъ деревянныхъ келій для Никона, которыя и были закончены къ лѣту 1668 года. Невозможность доставки многихъ изъ требуемыхъ имъ вещей и продуктовъ, или доставка ихъ не въ указанной мѣрѣ, не по даннымъ образцамъ начинаетъ раздражать Никона; многія присланныя вещи онъ бракуетъ, отсылаетъ назадъ кириллобѣлозерскимъ властямъ и „въ томъ на нихъ досадуетъ, что они къ нему запасу не сполна посылаютъ“, жалуется на то приставу Наумову, грозитъ доносомъ на нихъ государю. По этому поводу завязывается длинная переписка и дѣло доходитъ до того, что и приставъ и архимандритъ должны были или сами лично присутствовать при пріемѣ и осмотрѣ присылаемыхъ Никону вещей и продуктовъ, или просить присылки изъ Кириллова монастыря особаго „грамотнаго человѣка“, для рукоприкладства на роспискахъ во время пріема посылокъ, „потому что старецъ Никонъ въ ихъ присылкахъ за-

пирается, будто-де онъ у ихъ присыльщиковъ никакихъ запасовъ не принимывалъ прежъ сего" [1]).

Послѣ пріѣзда Ивана Образцова открылся доступъ къ Никону и для лицъ постороннихъ. Къ нему начали стекаться съ разныхъ мѣстъ его почитатели; подходили къ нему подъ благословеніе и по прежнему величали его патріархомъ; привозили ему разныя вѣсти, подарки и деньги. Число келейныхъ его старцевъ опять увеличилось; съ 1668 года въ кельяхъ жило уже 6 старцевъ; а въ началѣ 1669 г. 10 старцевъ. Къ нему возвратился прежде ушедшій отъ него іеромонахъ Палладій и прибывали новыя лица: іеромонахи Тимоѳей, Варлаамъ, іеродіаконъ Мардарій, монахъ Виссаріонъ, Іоакимъ, Іона серебреникъ и другіе [2]). Они отправляли для Никона келейное правило, вели съ нимъ взаимную непринужденную бесѣду и дѣлили обычную будничную жизнь; они же, какъ близкія довѣренныя къ нему лица, употреблялись имъ для порученій и посылокъ въ разныя мѣста. Чаще всего Никонъ сносился съ своимъ любимымъ Воскресенскимъ монастыремъ; отсюда пріѣзжали къ нему монахи и монахини на нѣсколько времени, привозили ему денегъ и съѣстныхъ запасовъ [3]). Благодаря такому облегченію въ участи Никона, имя и слава его опять возрастаютъ въ глазахъ мѣстнаго населенія; думали, что Никонъ скоро будетъ возвращенъ изъ ссылки на патріаршество; къ нему начинаютъ пріѣзжать съ поклономъ гражданскія мѣстныя власти—посадскіе съ сосѣднихъ городовъ, земской староста съ Бѣлоозера, голова съ кружечнаго двора съ Каргополя; архимандритъ Іосифъ и ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій стали открыто величать Никона патріархомъ и позволяли такъ именовать его на ектеніяхъ. Но въ Москвѣ, зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ Ѳерапонтовѣ и были очень недовольны облегченіемъ жизни Никона въ заключеніи: узнали, что Никонъ безъ вѣдома пристава разсылаетъ своихъ стар-

---

[1]) Чтен. общ. ист. 152—154.

[2]) Чтен. общ. ист. и древн. 133. 150. 151. 152. Шушер. 88. 89.

[3]) Шушер. стр. 86.

цевъ и служекъ съ тайными порученіями; одного изъ этихъ служекъ въ августѣ 1667 г. велѣно арестовать и сослать, а Наумову сдѣланъ былъ выговоръ. Наумовъ опять сталъ строже относиться къ Никону, слѣдилъ за его перепиской, стѣснилъ доступъ къ нему постороннихъ лицъ; и когда Никонъ противъ того протестовалъ, то Наумовъ опять посадилъ его подъ крѣпкую стражу [1]).

Новый 1668 годъ былъ встрѣченъ и проведенъ Никономъ весьма тревожно. Первые мѣсяцы онъ проводилъ въ хлопотахъ по устройству своихъ новыхъ келій и возобновленію церковной утвари для отведеннаго ему храма во имя Богоявленія Господня, помѣщавшагося надъ воротами монастырскими; черезъ пристава отправлялъ въ Кирилловскій монастырь подробныя росписи о вещахъ, которыя нужны были ему для церкви и келій; на нѣкоторыхъ изъ такихъ росписей намѣренно выставлялись отмѣтки о суровомъ заключеніи патріарха; такъ на росписи отъ 7 февраля 1668 года, писанной рукою старца его Тимоѳея, значилось: „Роспись сѣдящему во тьмѣ и сѣни смертной, окованному нищетой и желѣзомъ, смиренному Никону, милостію Божіею патріарху“ [2]). Но кирилловскія власти многаго изъ этихъ требованій не успѣвали исполнить, многое дѣлали не по присланнымъ образцамъ, а потомъ, наскучивъ усилившимися требованіями Никона, совсѣмъ отказались ихъ выполнять, такъ что патріархъ принужденъ былъ многое покупать на свои деньги и содержаться трудами своихъ келейныхъ старцевъ. Прекрасную обрисовку жизни Никона за это время представилъ приставъ Наумовъ въ своемъ донесеніи государю передъ

---

[1]) *Соловьева* исторія; т. XI стр. 330.

[2]) Содержаніе этихъ требовательныхъ росписей подробно изложено въ «Чтен. общ. ист. и древн.» стр. 150—152. Кромѣ отмѣтокъ на росписяхъ патріархъ Никонъ въ это же время приказалъ своему старцу Іову вырѣзывать особыя надписи на своей келейной оловянной посудѣ и на крестахъ, поставленныхъ имъ на проѣзжей дорогѣ внѣ монастыря; во всѣхъ этихъ надписяхъ заявлялось о тяжеломъ заключеніи патріарха; на придорожныхъ крестахъ было вырѣзано: «Никонъ, Божіею милостію *патріархъ*, постави сей крестъ Господень, *будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь*, на Бѣлѣ озерѣ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ *въ тюрьмѣ*». (Шушер. стр. 88).

Пасхою 1668 года; онъ сообщалъ: „Нынѣ 1 марта по твоему государеву указу я писалъ въ Кирилловъ монастырь строителю старцу Ефрему Потемкину, чтобы онъ прислалъ бывшему патріарху старцу Никону для келейной и церковной его службы мѣсячную минею и прологъ съ марта мѣсяца, писалъ и про свѣчи восковыя и сальныя, что надобно ему въ келью на расходъ, и что ему надобно запасу муки на хлѣбъ и солоду на квасъ; и твоему указу строитель явился непослушенъ, старцу Никону ничего не присылаетъ и впредь посылать во всемъ отказался; прежнія кирилловскія власти твоему указу были послушны и запасы всякіе и свѣчи, и ладанъ посылали, и отказу отъ нихъ не бывало; а нынѣ старцу Никону и братіи его питаться стало нечѣмъ. А братіи, государь, съ нимъ живетъ въ келіи человѣкъ десять и больше; а Ѳераонтовъ монастырь мѣсто небогатое и раззоренное отъ пожару, хлѣбовъ у нихъ въ монастырѣ конечно скудно. Да говорилъ мнѣ словесно бывшій патріархъ старецъ Никонъ, чтобы ты, великій государь, его пожаловалъ, велѣлъ ему съ братіею выдавать хлѣбъ и пищу и на свѣчи и пшеницы на просфоры и всякій запасъ помѣсячно; и ты, государь, вели свой указъ о томъ учинить. А братія его, съ нимъ живущая въ кельи, священники, діаконы и клирошане, всякую келейную работу ему работаютъ, келіи нагрѣваютъ, и варятъ, и обшиваютъ; а Ѳераонтова монастыря слугъ и поваровъ по сіе время въ келью къ себѣ не имывали, тружается самъ съ братіею, и келейный обиходъ кромѣ хлѣба временемъ покупаючи ѣстъ“ [1]). Государь спѣшилъ исполнить желаніе опальнаго патріарха; тотчасъ же отправилъ въ Кирилловъ монастырь наказъ о доставкѣ помѣсячно всѣхъ нужныхъ ему запасовъ, а изъ своихъ рыбныхъ ловель велѣлъ послать Никону живыхъ осетровъ и стерлядей [2]). Патріархъ Никонъ, отказавшійся передъ тѣмъ отъ пріема царскихъ подарковъ, для дня святой Пасхи (22 марта 1668 года) рѣшился торжественно заявить о

---

[1]) Дѣло въ госуд. архивѣ. На донесеніи Наумова отмѣтка о времени полученія его въ Москвѣ: «176 г. марта 23».

[2]) Чтен. общ. ист. стр. 140.

своемъ примиреніи съ государемъ: сряду послѣ литургіи въ Богоявленскомъ храмѣ, въ которомъ съ этого времени стали совершать богослуженіе для него его келейные старцы, онъ пригласилъ къ себѣ въ келью пристава, архимандрита Іосифа, ѳерапонтовскаго игумена и келаря вкусить съ собою хлѣба-соли, за столомъ велѣлъ принесть присланное отъ царя еще къ сырной недѣлѣ вино и торжественно провозгласилъ здоровье государя [1]). Но не дремали и враги Никона. Узнавъ, что онъ до сихъ поръ продолжаетъ считать себя патріархомъ и открыто заявляетъ о своемъ будто бы невинномъ заключеніи „за слово Божіе" и ищетъ полнаго примиренія съ государемъ, а слѣдовательно и возвращенія изъ ссылки, они всѣми силами желали ему въ томъ воспрепятствовать. 9 апрѣля, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ получено было приведенное выше донесеніе Наумова о тяжеломъ положеніи Никона въ заключеніи и когда доставлено новое донесеніе пристава о торжественно заявленномъ Никономъ желаніи полнаго примиренія съ государемъ, въ Москвѣ происходило новое соборное совѣщаніе двухъ восточныхъ патріарховъ съ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ и архіереями по дѣлу Никона. На этомъ соборѣ рѣшено было отправить Никона въ болѣе дальную ссылку и подвергнуть его болѣе суровому заключенію. Приводимъ запись этого новаго соборнаго приговора во всей ея цѣлости: „186 (1668) года апрѣля въ 9 день патріархи Паисій, Макарій и Іоасафъ и митрополиты, и архіепископы, и епископы и весь соборъ, имже прилучися быти въ царствующемъ градѣ Москвѣ, о Никонѣ монахѣ, бывшемъ патріархѣ, нѣкіихъ ради винъ судиша быти сице: Изъ Ѳерапонтова монастыря, въ которомъ по повелѣнію святѣйшихъ патріарховъ и всего собора монаху Никону повелѣно жить, перевесть ево въ иной монастырь въ дальной. А Спасскаго монастыря бывшаго архимандрита Іосифа и иныхъ служебниковъ, которые посланы къ нему, Никону монаху, перемѣнить. А на его мѣсто на перемѣну послать изъ черныхъ же властей, кого великій государь укажетъ. А тому архиман-

---

[1]) Шушер. 85—87. Чтен общ. ист. стр. 141—142.

дриту или игумену, кто посланъ будетъ, приказать съ великимъ подкрѣпленіемъ подъ церковною казнію, чтобъ никого въ тотъ монастырь, въ которомъ указано будетъ Никону монаху быти, ни съ какими писмами и посылками къ нему Никону не пропускать, и никакія бъ писма ни съ кѣмъ принесены къ нему не были. И отъ него Никона монаха никакихъ писемъ ни къ кому ни съ кѣмъ не было бъ. А пищу и питіе тому архимандриту или игумену, кому быть у него Никона до указу, святѣйшіе патріархи повелѣли имать изъ Кириллова и изъ иныхъ вологодскихъ и бѣлозерскихъ монастырей" [1]). Но такое строгое опредѣленіе собора, шедшее прямо въ разрѣзъ со взглядами и чувствами государя, не было одобрено государемъ и осталось безъ исполненія. Оно только наглядно обрисовало направленіе двухъ борющихся сторонъ въ дѣлѣ опальнаго патріарха и объясняетъ причины, почему облегченіе участи Никона надолго затормозилось.

Никонъ остался жить въ Ѳераноптовомъ монастырѣ, но подвергся самому строгому усиленному надзору со стороны пристава Наумова, и до смѣны этого пристава въ половинѣ 1671 года испытывалъ самыя тяжелыя душевныя муки. Разставленный около келій Никона и въ разныхъ мѣстахъ близъ Ѳераноптовскаго монастыря стрѣлецкій караулъ внимательно слѣдилъ за всѣми лицами, пріѣзжавшими къ Никону; всѣхъ этихъ лицъ приводили къ приставу для обысковъ и допроса. Многіе изъ пріѣзжавшихъ не умѣли или не хотѣли объявлять о цѣли своей поѣздки къ Никону; давали фальшивыя показанія, путались въ нихъ, и потому сряду же брались подъ арестъ, подъ карауломъ отправлялись въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ къ болѣе строгимъ допросамъ и пыткамъ, подвергались наказаніямъ и ссылкѣ. Все время съ лѣта 1668 г. по конецъ 1670 года проходило въ такихъ арестахъ, розыскахъ и ссылкахъ; по дѣлу Никона привлекались къ суду и разные монахи, монастырскіе служки и крестьяне, жившіе не только въ Ѳераноптовѣ и другихъ сѣверныхъ монастыряхъ, но и въ самой

[1]) Синод. свитокъ № XII.

Москвѣ [1]). Изъ такихъ розысковъ приводимъ здѣсь главные, особенно выдающіеся, характеризующіе внѣшнюю жизнь и душевное настроеніе Никона за это время, также рисующіе и дѣятельность его келейныхъ старцевъ и окружавшихъ его приставниковъ.

Въ петровомъ посту 1668 г. прибылъ въ Ѳерапонтово изъ Москвы старецъ Никона Палладій съ разными вѣстями; такъ какъ Никона особенно занимали вѣсти о томъ, что дѣлается теперь въ придворныхъ сферахъ, въ кругу людей, близкихъ къ государю и имѣвшихъ вліяніе на жизнь его въ заключеніи, то Палладій, со словъ одного іеромонаха Іоиля, принятаго за свое умѣнье лѣчить во многихъ боярскихъ домахъ, сообщилъ Никону о Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово, что онъ всѣми силами домогается быть у государя первымъ человѣкомъ. Вѣсть эта сильно встревожила Никона; въ лицѣ Хитрово онъ видѣлъ своего давняго злобнаго врага; опасался, что съ возвышеніемъ его онъ никогда не увидитъ перемѣны въ своей участи; и потому рѣшился предупредить государя и заявить предъ нимъ обычное въ то время „слово и дѣло". Въ октябрѣ онъ отправилъ въ Москву своего довѣреннаго старца Флавіана съ письмомъ на имя государя; письмо начиналось такими словами: „Иже живъ сый привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдяй во тьмѣ и сѣни смертней, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ, милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя, боюсь измѣнниковъ твоихъ: послыша такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а твое дѣло погаснетъ безъ вѣсти. Приставъ Наумовъ, приходя, сказывалъ мнѣ милость твою съ часу на часъ, со дня на день, съ мѣсяца на мѣсяцъ; но твоя милость удалилась отъ меня, зане прогнѣвахъ ярость твою. И я, видя, что дѣло твое замедлилось, 7 сентября призывалъ къ кельѣ архимандрита, стрѣлецкаго сотника, игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ, сказывалъ твое великое слово... и

[1]) Опись такихъ дѣлъ по документамъ Кириллобѣлозерскаго монастыря приведена въ Чтен. общ. ист. стр. 132, 134—135, 152—157.

дѣло имъ объявилъ твое безголовное, что на Москвѣ измѣнники твои хотятъ тебя очаровать или очаровали. Я просилъ дать подводу и провожатыхъ, съ кѣмъ бы мнѣ отпустить къ тебѣ своего человѣка. Но приставъ Наумовъ долго въ томъ съ крикомъ, бранью и угрозами мнѣ отказывалъ. Наконецъ отпустилъ своего человѣка, да вора стрѣльца, а меня велѣлъ заковать и около кельи поставить семь карауловъ". 20 октября въ присутствіи государя и бояръ Флавіану сдѣланъ былъ допросъ, въ чемъ состоитъ извѣщаемое имъ отъ имени Никона „слово и дѣло". Тотъ передалъ вѣсть, сообщенную Палладіемъ и слышанную имъ отъ инока Іоиля, но перепуталъ фамилію боярина, вмѣсто Богдана Хитрово придворные происки приписалъ окольничему Ѳедору Ртищеву. Призванные на очную ставку монахи Іоиль и Палладій отрицали всякій разговоръ между собою о бояринѣ Хитрово, а Палладій отрицалъ и передачу этого разговора Никону: „вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ", и при этомъ же донесъ, что Никонъ велѣлъ выгнать его, Палладія, изъ Ѳерапонтова за то, что онъ протестовалъ противъ утайки Никономъ денегъ, присланныхъ съ Иваномъ Образцовымъ на старцевъ. Сдѣланъ былъ обыскъ въ кельѣ Іоиля въ знаменскомъ монастырѣ и здѣсь нашли разныя русскія, латинскія и польскія книги и тетради большею частію астрономическаго и медицинскаго содержанія. Всѣ эти книги и тетради Іоиль призналъ своими, въ леченіи по этимъ книгамъ винился и возлагалъ свою судьбу на волю царя, патріарха и собора. По окончаніи допроса старецъ Флавіанъ и іеромонахи Іоиль и Палладій отданы подъ караулъ за приставомъ, а въ Ѳерапонтовъ монастырь въ началѣ ноября отправленъ стрѣлецкій голова Юрій Петровъ Лутохинъ допросить Никона лично по поводу его извѣта и разъяснить противорѣчія въ показаніяхъ, данныхъ монахами при обыскѣ. Никонъ подтвердилъ, что онъ доносилъ о замыслахъ Хитрово, а не Ртищева, и что Флавіанъ ослышался; относительно Палладія Никонъ показалъ: въ свое время „я его не задержалъ и не отправилъ къ государю потому, что

надѣялся вскорѣ самъ государевы очи видѣть. Сказывалъ мнѣ Наумовъ, что великій государь пожалуетъ, велитъ взять меня въ Москву скоро; выманилъ у меня Наумовъ великому государю и дому его благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Ѳерапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государевой милости не будетъ, то я по прежнему ничего отъ государя принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что говорилъ прежде съ клятвою". Лутохину поручено было провѣрить и другія жалобы Никона на недостатки въ содержаніи, чего ему не даютъ изъ кушанья, отъ чего онъ самъ носилъ въ келью дрова и воду. Никонъ показывалъ, что ему и теперь кромѣ щей и худого квасу ничего не даютъ и морятъ его съ голоду, что онъ дрова и воду носилъ прежде за отсутствіемъ прислуги, а теперь не носитъ. Монастырскія власти въ свое оправданіе указывали на садки съ всякой живой рыбой, заведенные Никономъ; тотъ объяснялъ, что эта рыба давняя, „изсидѣлась", что свѣжей привозной рыбы изъ назначенныхъ для него озеръ въ садкахъ нѣтъ. Лутохинъ осматривалъ и кресты, поставленные въ разныхъ мѣстахъ Никономъ съ извѣстною надписью [1]).

Присылка Лутохина въ Ѳерапонтовъ монастырь послужила началомъ обвиненія Никона въ болѣе тяжкомъ преступленіи, — въ государственной измѣнѣ. Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, приставленный къ надзору за Никономъ и сочувственно относившійся къ нему прежде, когда узналъ, что высшія духовныя власти недовольны имъ, архимандритомъ, и желаютъ перемѣнить его другимъ лицомъ, рѣшился самъ просить объ этой перемѣнѣ, чтобы

[1]) Дѣло въ госуд. архивѣ. Документальное изложеніе этого розыска по извѣту п. Никона приведено въ исторіи Соловьева т. XI стр. 331—334. Въ 1673 г. ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій приносилъ публичное покаяніе предъ п. Никономъ въ ложныхъ сообщеніяхъ о немъ Лутохину за время описаннаго здѣсь розыска.

предупредить тѣмъ всякія нареканія за свои дѣйствія. Въ октябрѣ онъ отправилъ двѣ челобитныя, одну на имя патріарха Іоасафа, другую на имя вліятельнаго тогда въ Москвѣ митрополита Павла сарскаго и подонскаго; въ челобитныхъ онъ заявлялъ: „въ прошломъ 1667 году марта въ 5 день велѣно мнѣ быть въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ съ бывшимъ московскимъ патріархомъ Никономъ до указу, и я живу здѣсь — животъ свой мучу на другой годъ восмой мѣсяцъ, испытываю нужду и болѣзнь: у меня ноги пухнутъ, а нынѣ на правую ногу и ступить не даетъ; прежде я писалъ тебѣ, патріарху, о всякой своей келейной нуждѣ; и указу мнѣ по се число никакого не бывало: вели святѣйшій патріархъ перемѣнить меня“ [1]). Не получая отвѣта на свою просьбу, архимандритъ Іосифъ воспользовался пріѣздомъ Лутохина и подалъ ему извѣтную челобитную, въ которой объявлялъ великое страшное государево слово и дѣло, измѣну бывшаго патріарха монаха Никона и пристава Наумова, и просилъ Лутохина теперь же взять его архимандрита съ собою въ Москву: „а въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ быть мнѣ не мочно для того, что за такія великія страшныя дѣла погубятъ занапрасно и отъ того государеву дѣлу сиона и поруха будетъ большая“. Съ этимъ извѣтомъ Іосифъ подалъ и челобитную на имя государя; въ ней указывалъ, что „есть за мною твои государевы великія слова и дѣла и всякая вѣдомость“, и просилъ взять его къ Москвѣ и распросить передъ собою. 20 ноября отправленъ въ Ѳерапонтово наказъ взять архимандрита Іосифа и съ провожатыми немедленно доставить его въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Здѣсь архимандритъ сообщилъ: „Весною 1668 г. были у Никона воры, донскіе козаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе козаки, и про другихъ

---

[1]) Эти двѣ челобитныя архимандрита Іосифа съ письмомъ его такого же содержанія на имя его брата священника Назарія Ѳедоровича находятся въ госуд. архивѣ; на оборотѣ послѣдняго письма надпись: «Отдатися грамотка на Москвѣ въ Чудовъ монастырь ризничему дьякону Андрею, а ему бы пожаловать отослать не замѣшкавъ за тверскіе ворота на Козье болото священномученика Фрола священнику брату Назарію».

сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: „Нѣтъ ли тебѣ какого утѣсненія, мы отсюда тебя опростаемъ". Никонъ говорилъ мнѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе козаки и говорили: если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей". Никонъ сказывалъ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію цареградскаго патріарха; писалъ ему объ этомъ Аѳанасій митрополитъ никопійскій". Начались новые розыски, пытки и ссылки. При этихъ розыскахъ одинъ монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ даже бѣжать изъ Ѳераонтова и обратиться къ народу съ жалобой на напрасное заточеніе [1]). Намъ неизвѣстны документы, въ которыхъ излагалась бы сущность этихъ розысковъ и ясно открывалась бы степень виновности Никона по первому изъ этихъ доносовъ. Но имѣются другіе факты, заставляющіе признать совершенно страдательное участіе Никона въ начинавшемся тогда общественномъ броженіи, вскорѣ завершившемся разинскимъ бунтомъ. Донскіе казаки свободно разгуливали тогда по окраинамъ Россіи и подготовляли смуту; ихъ много было и на сѣверѣ Россіи, гдѣ они принимали дѣятельное участіе въ соловецкомъ возстаніи; за начавшимися съ половины 1668 г. усиленными розысками по дѣлу Никона, за постояннымъ разгономъ приставленныхъ къ Никону стрѣльцовъ для отвоза разныхъ колодниковъ въ Москву, приставъ Степанъ Наумовъ нуждался въ пополненіи своей стражи новыми людьми, вызывалъ для того разныхъ монастырскихъ служекъ и въ числѣ ихъ попадались бродившіе тогда донскіе казаки [2]); въ Кирилловскомъ монастырѣ также появляются бродячіе монахи, побывавшіе въ шайкѣ донскихъ мятежниковъ и зазывавшіе мѣстныхъ монаховъ идти съ собой „на низъ на Волгу въ козачей полкъ воровской, что Разинъ слылъ, чтобы тамъ пошить" [3]). Такіе агенты Разина были и въ Ѳера-

[1]) *Соловьева* ист. XI, 334—335. Чтен. общ. ист. ст. 153—154.

[2]) Чтен. общ. ист. и древн. 152. 153.

[3]) Весьма интересный въ этомъ отношеніи документъ помѣщенъ въ «Лѣтописи занятій археографической коммиссіи». Спб. 1864 вып. II стр. 67—68.

понтовомъ монастырѣ; привлечь имъ на свою сторону опальнаго патріарха и именемъ его поднять бунтъ на всемъ сѣверѣ Россіи было заманчиво. Въ послѣдствіи на допросахъ самъ Никонъ не отрицалъ того факта, что при Наумовѣ со стрѣльцами приходили къ нему три казака и высказывали передъ нимъ свои нужды и жалобы на правительство; а въ обвинительномъ актѣ, составленномъ въ 1676 г. противъ Никона, прямо уже говорится, что „эти три козака звали его, Никона, съ собою, чтобъ онъ съ ними шелъ къ Кириллову монастырю, а ихъ-де пришло по него 200 человѣкъ, а есть де готово и 5,000 человѣкъ, и чтобъ Степана Наумова убить до смерти и Кирилловъ монастырь разорить и съ тою бъ казною и съ пушки и съ запасы идти на Волгу". Прибавимъ, что казаки могли и, можетъ быть, пытались употребить надъ Никономъ и насиліе. Не этимъ ли казацкимъ движеніемъ, развивавшимся на сѣверѣ Руси, нужно объяснять тотъ загадочный фактъ, что ночью 22 генваря 1669 года, когда происходили еще розыски по извѣту архимандрита Іосифа, оерапонтовскій келарь Макарій Злобинъ „собрался нарядным дѣломъ съ монастырскими служками, да съ приходящими ворами, пьянымъ обычаемъ, разбилъ караулъ стоящій у Никона, сотника и стрѣльцевъ побилъ на голову", такъ что Наумову для усиленія охраны пришлось просить государя о присылкѣ новыхъ стрѣльцовъ изъ самой Москвы [1]). Во всякомъ случаѣ, остается только тотъ голый фактъ, что донскіе казаки хотѣли воспользоваться обаяніемъ великаго патріарха, приглашали его перейти на свою сторону, послѣ отъ имени его разсылали преступныя прокламаціи [2]); но патріархъ Никонъ не только не измѣнилъ государственному долгу, не только не принялъ преступнаго предложенія, но вскорѣ предупреждалъ еще государя о начинающейся великой государственной смутѣ.

Что касается другого пункта въ доносѣ архимандрита Іосифа противъ Никона, вопроса о сношеніяхъ его съ своими привержен-

---

[1]) Чтен. общ. ист. и древн. стр. 154.

[2]) Соловьев. ист. т. XI стр. 377. 378.

цами въ Москвѣ и на Востокѣ въ видахъ пересмотра и отмѣны состоявшагося соборнаго о немъ опредѣленія, то этотъ пунктъ имѣетъ за собою нѣкоторое фактическое основаніе. Аѳанасій митрополитъ иконійскій, давшій важныя показанія въ пользу Никона противъ полномочій обоихъ восточныхъ патріарховъ, прибывшихъ въ Россію для суда надъ нимъ, хотя и былъ подвергнутъ строгому заключенію въ Симоновомъ монастырѣ, но и здѣсь въ 1666 г. не переставалъ вести тайную переписку съ патріархомъ Никономъ [1]). Во время суда надъ Никономъ Аѳанасій былъ освобожденъ изъ заключенія, оставленъ въ Москвѣ отправлять церковное богослуженіе при государѣ [2]), и въ такомъ положеніи имѣлъ болѣе возможности поддерживать сношенія съ Никономъ. Съ Востока была уже отправлена горячая просьба объ облегченіи участи Никона; 15 мая 1668 года бывшій константинопольскій патріархъ Парѳеній писалъ государю: „будь царемъ совершеннѣйшимъ, справедливымъ, тебя зовутъ милостивымъ, окажи эту милость требующимъ, изъ нихъ есть и одинъ много пренебрегаемый Никонъ; довольно, довольно для него такого изгнанія; молимъ тебя, возврати его въ монастырь свой; для наказанія ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большимъ, оставляя такого достойнаго человѣка въ такомъ великомъ пренебреженіи, возврати изъ ссылки крестившаго твою благословенную отрасль; не медли царь, молю тебя, но какъ можно скорѣе дай освобожденіе Никону, чтобъ возвратился въ монастырь свой, да радуется и вся вселенная скорбящая о немъ“ [3]). Но грамота эта пришла въ Москву (20 февраля 1669) спустя много времени послѣ того, какъ началось разслѣдованіе по извѣту новоспасскаго архимандрита Іосифа; по розыску Аѳанасій иконій-

---

[1]) Переписка эта издана въ «Русскомъ архивѣ» 1873 г. ч. II стр. 160 и слѣд.

[2]) Челобитныя его государю за время отъ 1666 по 1668 годъ о выдачѣ ему содержанія находятся въ «Греческихъ дѣлахъ» московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ за 7174 г. № 3 и 7176 г. № 2.

[3]) Грамота п. Парѳенія издана Н. Гиббенетомъ во II томѣ его «Изслѣдованія о дѣлѣ п. Никона». Спб. 1884 стр. 1116—1117.

скій опять оказался виновнымъ въ сношеніяхъ съ Никономъ и 11 декабря 1668 года отправленъ въ ссылку въ макарьевскій Желтоводскій монастырь на Унжу [1]), гдѣ и скончался въ 1670 г. [2]). А патріархъ Никонъ по прежнему оставленъ въ Ферапонтовѣ подъ строгимъ карауломъ.

3 марта 1669 г. скончалась царица Марья Ильинична; царь Алексѣй Михаиловичъ, разсылавшій повсюду милостыни для поминовенія любимой супруги, не забылъ и патріарха Никона и отправилъ ему съ окольничимъ Родіономъ Стрѣшневымъ 500 рублей денегъ. Но Никонъ, недовольный невыполненіемъ царскихъ обѣщаній объ его освобожденіи, отъ принятія царскихъ даровъ отказался, ссылаясь на то, что и безъ подарковъ по одному нравственному долгу онъ обязанъ совершать и совершаетъ церковное поминовеніе по усопшей царицѣ [3]). Въ разговорахъ со Стрѣшневымъ патріархъ, оправдываясь отъ нареканій за сношенія его съ донскими казаками, передавалъ ему и свои соображенія относительно движенія въ казачествѣ; онъ указалъ ему близость великой государственной смуты отъ воровъ и измѣнниковъ казаковъ; причину этой смуты онъ видѣлъ въ интригахъ и насиліяхъ бояръ, враждовавшихъ противъ государя и шедшихъ противъ его правительственныхъ распоряженій; эта боярская интрига грозитъ спокойствію царской семьи и государства; она и безъ того уже произвела смуту въ русской церкви несправедливымъ тяжелымъ заключеніемъ ея патріарха; и впредь, если эта неразумная запретительная клятва восточныхъ патріарховъ, осужденіемъ русскаго первосвятителя нало-

---

[1]) Указъ государя о ссылкѣ м. Аѳанасія изданъ тамъ же стр. 1113.

[2]) Родной братъ митрополита Аѳанасія, Юрій Антоновъ, въ челобитной поданной государю въ 1673 году, писалъ, что онъ по смерти митрополита оставался жить въ Желтоводскомъ монастырѣ, былъ свидѣтелемъ разоренія этого монастыря отъ казаковъ во время разинскаго бунта; послѣ смутнаго времени по указу п. Іоасафа взятъ въ Москву и помѣщенъ на Кирилловскомъ подворьѣ; жилъ здѣсь цѣлый годъ и послѣ царскаго указа о высылкѣ грековъ изъ Москвы на родину просилъ государя объ этомъ отпускѣ и для себя. (Греческія дѣла въ москов. иностр. архивѣ за 7181 г. № 12).

[3]) Шушер. стр. 90.

женная на весь православный россійскій народъ, не снимется, добра ждать нечего [1]). Замѣчанія Никона Стрѣшневу оправдывались; въ октябрѣ 1670 г. разсылаются по русской землѣ царскія грамоты, возвѣщающія о бунтѣ Стеньки Разина и убѣждающія народъ не переходить на сторону мятежниковъ [2]). Когда Разинъ былъ схваченъ и привезенъ въ Москву, то на пыткахъ и на огнѣ допрашивали его и о сношеніяхъ съ Никономъ, причемъ Разинъ, братъ его Фролка и товарищъ его Лазорка дали вынужденныя и неопредѣленныя показанія, которыя послѣ послужили матеріаломъ для новыхъ усиленныхъ обвиненій Никона въ государственной измѣнѣ. Положеніе патріарха Никона въ это тревожное время было ужасное; перенесенныя имъ сильныя нравственныя пытки отозвались и на его здоровьѣ. „Съ тѣхъ поръ, описывалъ послѣ Никонъ свою болѣзнь, я оцынжалъ и одряхлѣлъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать; за грѣхи мои въ лѣвой рукѣ боль настала и дѣйствовать нисколько не можетъ“. А приставъ Наумовъ 10 декабря 1670 г. писалъ къ кирилловскому архимандриту Никитѣ, что старецъ Никонъ волею Божіею „заскорбѣлъ гораздо“, желаетъ исповѣдаться и пріобщиться и для этого вызываетъ къ себѣ своего духовника, указаннаго архимандрита [3]). Съ слѣдующаго года произошло временное облегченіе въ положеніи Никона.

22 генваря 1671 г. царь Алексѣй Михаиловичъ вступилъ во второй бракъ съ Натальею Кирилловной Нарышкиной и по этому радостному случаю отправилъ въ Ѳераонтово къ патріарху Никону стольника Ларіона Абрамовича Лопухина съ свадебными подарками: прислалъ ему 700 рублей деньгами, три мѣха на шубы— соболій, лисій, бѣличій, сукно и тафту, 15 трубокъ тонкихъ полотенъ, 20 полотенцевъ; Никонъ дары эти принялъ и сряду же отвѣчалъ государю письмомъ, въ которомъ благодарилъ его за оказанное ему вниманіе и богатую милостыню, высказывалъ цар-

---

[1]) *Соловьева* истор. XI. стр. 335.

[2]) Акты археогр. экспед. IV № 178—180.

[3]) Чтен. общ. истор. стр. 148 и 156.

ской семьѣ разныя благожеланія и въ концѣ не преминулъ охарактеризовать царскихъ пословъ, къ нему отправляемыхъ [1]). 24 апрѣля совершилось другое радостное событіе. Разинъ былъ схваченъ и государь разсылалъ по Россіи новыя грамоты съ приглашеніемъ принесть благодарственныя молитвы Богу за прекращеніе смуты [2]). Вмѣстѣ съ ослабленіемъ этой государственной смуты должно было ослабѣть и опасеніе на счетъ ѳерапонтовскаго заключенника; представлялась возможность облегчить его положеніе. Въ Москвѣ признали нужнымъ перемѣнить пристава Наумова; 12 мая объявленъ указъ стольнику князю Самойлу Никитичу Шайсупову ѣхать на эту смѣну; черезъ мѣсяцъ Шайсуповъ прибылъ въ Ѳерапонтовъ монастырь съ новыми стрѣльцами и 15 іюня вступилъ въ отправленіе своей должности.

Первыя бесѣды патріарха Никона съ новымъ приставомъ вращались главнымъ образомъ около одного вопроса, продолжавшаго тогда занимать общественное вниманіе, вопроса о сношеніяхъ Никона съ донскими казаками; новаго здѣсь ничего и теперь не открыто, и Никонъ прямо свидѣтельствовалъ, что онъ „на воровскую прелесть казаковъ не поддался, во всемъ имъ отказалъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобы они принесли государю свою повинную, и они пропали невѣдомо куда“ [3]). Полгода жизнь Никона текла по прежнему; онъ держался въ строгомъ заключеніи и къ нему не допускали никого изъ постороннихъ. Никонъ жаловался Шайсупову на тягость своего заключенія, просилъ писать о томъ государю; Шайсуповъ доносилъ о томъ въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ, просилъ себѣ инструкцій; отвѣта ему не было. Тогда Никонъ рѣшился самъ обратиться съ просьбою къ государю и 25 декабря 1671 года отправилъ своего келейнаго старца іе-

[1]) Поблагодаривъ за присылку Иларіона Лопухина съ товарищами, Никонъ прибавляетъ: «Дай вамъ, государемъ, такихъ добрыхъ людей много добра вамъ желающихъ, а не дай Господи Ивана Образцова, Андрея Берегина и Юрія Лутохина». (Дѣло въ госуд. архивѣ).

[2]) Акт. археогр. экспед. IV № 183 и 185.

[3]) Ист. Соловьева XI, 335—336.

родіакона Мардарія съ замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ, подробно описавъ свои прежнія отношенія къ государю со времени возведенія своего на патріаршество до ссылки въ Ѳерапонтово, просилъ у государя ради праздника рождества Христова полнаго прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему въ прежнее время; затѣмъ Никонъ дѣлаетъ описаніе жизни своей въ Ѳерапонтовѣ и въ концѣ письма умоляетъ государя объ облегченіи своей участи. Приводимъ ту часть этого письма, въ которой онъ описываетъ свое заключеніе; это описаніе дополнитъ изложенныя доселѣ свѣдѣнія о жизни его при приставѣ Наумовѣ. „Ради моихъ винъ отверженъ я въ Ѳерапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ—тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ; стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ опыжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и они не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; ноги пухнутъ и потому не могу церковнаго правила править; а попъ у меня одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ... До тебя это дошло, и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого наказанія не учинилъ, какъ было велѣно, только въ хлѣбенной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ немного спустя началъ мучить меня пуще прежняго: служка мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! а если выглянетъ въ окно, съ шумомъ говоритъ: „я въ монастыря писалъ, чтобъ прислали запасное, но они не слушаютъ, а у меня приказа нѣтъ, чтобъ на нихъ кричать, пора прихоти

оставить, ѣшь, что дадутъ"... Когда къ Степану вѣсть пришла, что сына твоего, царевича Алексѣя, не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ". А теперь князь Самойло Шайсуповъ дѣлаетъ все по Степанову жъ. Прошу тебя: ослаби ми мало, да почію прежде даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего" [1]).

Письмо это произвело сильное и благотворное вліяніе на государя. Вскорѣ настаетъ большая перемѣна для Никона и самая лучшая пора жизни его въ заключеніи, продолжавшаяся до лѣта 1674 года, хотя царь Алексѣй Михайловичъ до самой своей смерти охотно выслушивалъ его просьбы и готовъ былъ исполнять почти всѣ, нерѣдко прихотливыя, его желанія.

Сряду по полученіи письма отъ Никона государь отправляетъ къ нему стрѣлецкаго голову Иларіона Лопухина и подъячаго приказа тайныхъ дѣлъ Артемія Степанова съ своею государевою милостынею—деньгами, шубами и рыбою. 18 генваря 1672 года посланные прибыли къ Никону и по данному имъ наказу сначала привѣтствовали Никона „святымъ и великимъ отцемъ", вручили ему царскіе подарки и затѣмъ держали предъ нимъ длинную рѣчь, въ которой отъ царскаго имени давали ему отвѣтъ на послѣднее его письмо государю. Рѣчь царскихъ пословъ и послѣдовавшее за нею объясненіе Никона весьма замѣчательны для характеристики установившихся теперь добрыхъ отношеній между царемъ и опальнымъ патріархомъ и для уясненія желаній и дальнѣйшей судьбы Никона. Царскіе послы говорили Никону: „Со времени удаленія твоего съ патріаршаго престола до суда надъ тобою восточныхъ патріарховъ государь всегда желалъ съ тобою примиренія, но этого не учинилось, потому что ты хотѣлъ совершить въ государ-

[1]) Это письмо и. . никона въ цѣломъ видѣ издано въ Истор'и Соловьева (т. XI 336—339).

ствѣ новое дѣло вопреки обычаю вселенскихъ патріарховъ, оставлявшихъ свои престолы. Теперь же, послѣ письма твоего, государь болѣе прежняго хочетъ уничтожить всякую вражду съ тобою, охотно желаетъ примириться съ тобою во всемъ и самъ у тебя проситъ прощенія. Посланъ ты въ Ѳерапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженья, а не для утѣсненія; если приставъ Наумовъ дѣлалъ тебѣ какое-либо притѣсненіе, то онъ дѣлалъ это самовольно, а не по указу государя, и о томъ теперь велѣно разслѣдовать. Родіонъ Матвѣевъ, посланный къ тебѣ съ дарами послѣ смерти царицы Марьи Ильиничны, былъ допрошенъ и съ клятвою извѣщалъ, что онъ настойчиво убѣждалъ тебя принять подарки и поминать царицу и никакихъ другихъ словъ и обѣщаній, описанныхъ тобою въ письмѣ, не говорилъ и не давалъ. Ты говорилъ приставу Шайсупову о приходѣ къ тебѣ при Наумовѣ донскихъ казаковъ; объяви, кто на Вологдѣ хотѣлъ начать кровопролитіе; ты это знаешь, воръ Ильюшка шелъ изъ Галича отъ тѣхъ мѣстъ недалеко; да и воръ Стенька Разинъ въ распросѣ на пыткахъ и съ огня показалъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ старецъ отъ тебя и приглашалъ его идти вверхъ Волгою, а ты съ своей стороны пойдешь къ нему, потому что тебѣ тошно отъ бояръ, они переводятъ государевы сѣмена; и что у тебя есть на готовѣ для того на Бѣлоозерѣ 5,000 человѣкъ; старецъ тотъ и на бою былъ, и въ глазахъ Разина закололъ своими руками боярскаго сына и потомъ ушелъ изъ подъ Симбирска. Всѣ пророчества о смутѣ, какія ты передавалъ Шайсупову, какъ Божіе тебѣ извѣщеніе, узнавалъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали; нужно думать, что и смятеніе и кровопролитіе произошли отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ дѣлать добро по заповѣдямъ Христовымъ, то ты объ такомъ великомъ дѣлѣ не скрылъ бы и тѣхъ воровъ-казаковъ, приходившихъ къ тебѣ, велѣлъ бы схватить и представить къ государю; а трехъ людей можно было тебѣ поймать, государевы слу-

жилые люди безпрестанно при тебѣ для береженья были. О всемъ этомъ объяви теперь подлинно; а то просишь у государя всякой милости и прощенья, а самъ ему правды не объявишь". На всѣ эти слова и замѣчанія патріархъ Никонъ отвѣчалъ по пунктамъ слѣдующее. Прежде всего онъ благодарилъ государя за оказанную ему милость и съ свой стороны заявлялъ: „Всякое враждотвореніе онъ разрушитъ и прощенія отъ великаго государя желаетъ, и прежде сего онъ писалъ государю прощеніе отъ всего своего усердія и нынѣ Богъ проститъ его, великаго государя, во всемъ; и чтобъ онъ великій государь милость къ нему простеръ, какъ онъ, государь, обѣщалъ, а навѣтамъ ложнымъ, что клеветали на него Романъ Боборыкинъ и иные, не вѣрилъ". Далѣе Никонъ отвѣчалъ на сдѣланные ему запросы: „Что я оставилъ свой престолъ и опять на него возвращался, это дѣло не новое, и прежде вселенскіе патріархи оставляли свои престолы и назадъ возвращались. Прежняго своего сана я не ищу, ищу только милости у государя и кромѣ основанныхъ мною монастырей ничѣмъ не владѣлъ. Соборъ судившихъ меня патріарховъ Паисія и Макарія я ставлю ни во что, потому что патріархи ушли съ своихъ престоловъ и на ихъ мѣста поставлены другіе; я повинуюсь константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ патріархамъ, занимающимъ свои престолы. Что при Степанѣ Наумовѣ и присланныхъ отъ государя я говорилъ много разъ досадительно и самому государю такъ писалъ, въ этомъ прошу милости и прощенія; а что великій государь за эти многія досадительныя слова мои не мстилъ мнѣ, за то онъ получитъ великую награду отъ Бога. Денегъ у Стрѣшнева я не принялъ потому, что государь меня укорялъ на соборѣ и говорилъ, будто бы я за 100 рублей снялъ со Стрѣшнева прежде наложенное на него запрещеніе; а я простилъ его по его челобитью, а деньги онъ прислалъ вкладомъ въ Воскресенскій монастырь полтора года послѣ прощенія. О смутѣ на Вологдѣ и о Разинѣ я ничего не знаю; три казака, приходившіе ко мнѣ передавали только о томъ, что по указу государя они посланы на Невль, велѣно устроить ихъ землями,

но они жить такъ и пахать землю не привыкли, государева жалованья и корму имъ не было, и они теперь идутъ искать себѣ воли; Наумову о нихъ я не донесъ потому, что они сказывали про свое многолюдство; я боялся, чтобъ смуты не учинить, а обороняться отъ нихъ было некѣмъ; государю же о нихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу передавалъ. Родіону Стрѣшневу я не говорилъ прямо про смерть царевича и смуту, а говорилъ, что по смерти царицы будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ ней еще хуже будетъ, такъ открыто мнѣ отъ Господа Бога; а я говорилъ эти слова сердито, досаждая государю; князю же Самуилу Шайсупову говорилъ о смерти царевича и смутѣ отъ казаковъ уже прямо, потому что это уже совершилось на дѣлѣ". Въ заключеніе Никонъ обратился къ посланнымъ царскимъ съ просьбою объ облегченіи его участи; указалъ сначала на трудности своего заключенія и продолжалъ: „Во всемъ я положился на волю великаго государя, а въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ жить ему страшно, ибо монастырь не огороженъ, и въ пищѣ и въ служебникахъ ему скудость; и монастырю отъ него и отъ дворянъ и стрѣльцевъ тщета великая, и въ хлѣбѣ недородъ и скудость, братію и трудниковъ и стрѣльцевъ кормятъ овсянымъ хлѣбомъ, и того на долго не будетъ; изъ Кириллова монастыря присылаютъ ему малую часть, ибо и тамъ скудость въ хлѣбѣ. Когда его Степанъ Наумовъ заключилъ въ кельѣ, то прежніе его старцы и келейники разошлись всѣ врозь, а иныхъ выслали, а впрозь никого и близко не пропустятъ. И чтобы государь его пожаловалъ, велѣлъ ему быть въ Воскресенскомъ монастырѣ; а буде почему либо государь быть ему въ томъ монастырѣ не укажетъ, онъ указалъ бы ему быть въ другихъ монастыряхъ его строенья, лучше въ Иверскомъ, такъ какъ этотъ монастырь не скуденъ и въ немъ ему можно прожить безъ всякой нужды; а Крестный монастырь его строенья скуденъ, крестьянъ немного и стрѣлецкаго хлѣба платить имъ не въ мочь, ибо на нихъ и безъ того наложено тягло большое—на дворъ по выти". Еще просилъ Никонъ, чтобы государь указалъ быть при немъ че-

лсвѣку, кому онъ государь вѣритъ, чтобъ надъ нимъ всякаго дурна смотрѣлъ; а худого у него, Никона, никакого намѣренія нѣтъ; да и лѣта его немалыя и постигло его увѣчье, а призрѣть его стало некому". На заявленіе пословъ, что государь указалъ освободить племянника его и иныхъ людей, которые изъ-за него держаны въ заключеніи, Никонъ благодаритъ государя за это и проситъ, чтобы государь пожаловалъ, простилъ и всѣхъ сосланныхъ изъ-за него по разнымъ мѣстамъ въ заключеніе и при этомъ перечислилъ имена всѣхъ своихъ сторонниковъ сосланныхъ: „буде Аѳанасій митрополитъ иконійскій и священникъ Сысой и Никита Зюзинъ, да крестникъ его Діонисій Нѣмчинъ, который посланъ въ Казань, да пѣвчій Савва, да поваръ его Савка, посланные въ Сибирь, изъ ссылки не освобождены, то великій государь указалъ бы имъ милость, какъ ему Богъ извѣститъ" [1]). Выслушавъ эти заявленія и просьбы патріарха, Лопухинъ и Степановъ обѣщали ему донесть о томъ государю; а съ своей стороны сдѣлали словесныя распоряженія къ облегченію участи патріарха: для улучшенія содержанія его, они велѣли ему брать запасы, нужные для келейнаго его обихода, не только съ Кирилловскаго, но и съ другихъ бѣлозерскихъ монастырей—съ Троицкаго на устьѣ рѣки Шексны, Новоезерскаго, и въ прибавку къ нимъ съ двухъ вологодскихъ—Спасокаменнаго и Прилуцкаго: на содержаніе приставленной къ Никону стражи велѣли выдавать изъ Кирилловскаго монастыря опредѣленные хлѣбные запасы помѣсячно и съѣстные запасы по запросу. Приставу Шайсупову приказано не дѣлать патріарху Никону никакого стѣсненія и открыть ему свободный выходъ изъ кельи, такъ какъ это стѣсненіе и заключеніе въ кельѣ при Наумовѣ было безъ царскаго повелѣнія.

Проходитъ мѣсяцъ послѣ этой присылки Лопухина и Степанова; Никонъ и приставъ Шайсуповъ обнадежены были скорою присылкою отъ государя письменныхъ указовъ объ облегченіи уча-

[1]) Ист. Соловьева т. XI 339 - 341 и выписка изъ донесенія Лопухина, представленная государю 11 іюня 1672, въ госуд. архивѣ.

сти заключенныхъ, но указовъ этихъ долго не присылали. Кончина патріарха Іоасафа II (17 февраля 1672 г.) и наступившіе затѣмъ переговоры о выборѣ ему преемника отвлекали вниманіе правительства отъ исполненія данныхъ Никону обѣщаній; а недоброжелатели Никона намѣренно препятствовали облегченію его участи. Тогда Никонъ рѣшился снова напомнить о себѣ государю и въ началѣ марта отправилъ ему собственноручное письмо, въ которомъ также, какъ и въ письмѣ отъ 25 декабря 1671 г., описывалъ свое заключеніе при Степанѣ Наумовѣ, особенно настойчиво указывалъ на отсутствіе точныхъ письменныхъ инструкцій приставамъ, которыя могли бы сдерживать ихъ своеволіе и насилія, просилъ себѣ милости у государя — присылки людей для услуженія, дачи имъ содержанія, а себѣ и той милостыни для помина души покойной царицы, какую онъ прежде не принялъ отъ Иродіона Стрѣшнева [1]).

[1]) Приводимъ это неизвѣстное въ печати письмо, интересное и по своему спокойному тону и по указаніямъ на многіе частные факты изъ жизни патріарха Никона. «Великому Государю Алексѣю Михайловичу богомолецъ вашъ государевъ смиренный Никонъ патріархъ о вашемъ государевомъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи Бога молю. Въ прошломъ государь въ 17: году сосланъ я, богомолецъ вашъ, въ Ѳерапонтовъ монастырь нагъ и босъ и людей мнѣ богомольцу вашему никакихъ обиходныхъ не вѣлено имать, только со мною поѣхало два человѣка черныхъ поповъ, да два дьякона, да чернецъ Флавіанъ; и попы и дьяконы побывъ со мною въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ по наговору Степана Наумова не захотѣли жить и изъ кельи вышли, а остался со мною одинъ чернецъ Флавіанъ, и нѣсколько тотъ чернецъ пожилъ и посланъ къ тебѣ великому государю съ моимъ письмомъ; и тотъ чернецъ ко мнѣ и не бывалъ; а въ тожъ время пришелъ ко мнѣ попъ Гарлаамъ, да черный дьяконъ Мардарій; и нѣсколько поживъ Мардарій дьяконъ отпущонъ къ тебѣ великому государю съ моимъ письмомъ; и тотъ дьяконъ ко мнѣ не бывалъ же, а со мною остался одинъ черной попъ Варлаамъ, а тотъ попъ слѣпъ; и по се число я богомолецъ на себя и на попа хлѣбы пекъ и варилъ самъ, а нынѣ я богомолецъ вашъ отъ многія злобы немилостиваго пристава Степана Наумова смирихся до конца; а се за грѣхи мои рука лѣвая боль настала и дѣйствовать нисколько не можетъ, пристроити пити и исти и принести нѣкому; а онъ Степанъ говаривалъ многажды, что мнѣ перемѣны не будетъ, покамѣста Никонъ не умретъ, невѣдомо для какова умыслу; а прежде съ пріѣзду я его Степана спрашивалъ, какъ ему Степану указано меня держать; и онъ Степанъ говорилъ, что де у меня наказу на писмѣ нѣтъ, а весь де у м на наказъ

Письмо это было доложено государю 21 числа марта; и въ тотъ же день отправленъ указъ государя на имя пристава Шайсупова: „Вѣдомо намъ учинилось, что у Никона монаха священникъ его Варлаамъ боленъ и слѣпъ, и служебниковъ у него для

на языкѣ: и я ему, Степану, говорилъ, да неужто тебѣ приказъ есть, что меня уморить; и онъ, Степанъ, до чово-де дойдешь, не пощажу-де; и въ первомъ году мало не уморилъ, аще не бы твоя великаго государя милость предварила съ Иваномъ Образцовымъ. А послѣ Ивана Образцова нѣсколько спустя по первому своему обычаю нялся, почалъ всякою нуждею нудить голодомъ и холодомъ, о чомъ ни пошлю ково, и онъ Степанъ къ себѣ не пустилъ; а коли и выглянетъ въ окно и на нашего посланника крячитъ, вопитъ и матерны лаетъ, и бить хочетъ и ходить къ себѣ не велитъ; а говоритъ: полно-де, прихотей тѣхъ пора-де покинуть; ѣшь-де, что дадутъ; а мнѣ не даютъ ничево; и тѣ посланные отъ насъ приходятъ отъ ево плачучи и впредь ходить къ нему Степану для нашихъ нуждъ не хотятъ; а у насъ ни хлѣба, ни соли, ни дровъ во многія времена не было. А въ нынѣшнемъ государь въ 180 году (sic) умысля онъ Степанъ затворялъ онъ со мною и работниковъ въ кельѣ невѣдомо для чего, и изъ кельи ходить никому никуда не велѣлъ; да которой былъ слушка давъ на посылку, и тому слушкѣ въ келью не велѣлъ ходить; а караулы поставилъ крѣпкіе около монастыря многіе и вдали отъ монастыря верстъ на пять и на шесть и на семь и больше, и тѣ караулы были, пока перемѣна ему Степану пришла. А какъ перемѣнилъ Степана князь Самойло Шайсуповъ и перемѣнивъ росписываючись спрашивалъ у Степана Наумова по твоей государевой грамотѣ наказъ, почему ему князю Самойлу вѣдать и почему ему князю Самойлу караулы ставить, потому что ему князю Самойлу велѣно по твоей государевой грамотѣ у Степана наказъ взять, и онъ Степанъ у себя наказу твоего государева не сказалъ; а сказалъ, что караулъ-де онъ ставилъ крѣпкой потому, что писалъ ему Степану сынъ ево Иванъ съ Москвы, что-де, батюшко, призывалъ ево Ивана ты, великій государь, и говорилъ-де ему ты, великій государь, чтобъ онъ Иванъ отписалъ ко отцу своему Степану, чтобъ поставилъ около кельи, гдѣ я посаженъ, караулъ крѣпкой, и я-де потому и караулъ крѣпкой держалъ. Да онъ-же де Степанъ ему князю Самойлу и грамотку сына своего казалъ, и онъ-де князь Самойло и грамотку челъ, и о томъ-де онъ князь Самойло къ тебѣ великому государю писалъ о всемъ въ разрядъ. А я богомолецъ вашъ за тѣ ево Степановы караулы одва со всякія нужды не умеръ, а съ тѣхъ мѣстъ оцынжалъ и одряхлѣлъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать; а священникъ слѣпъ, я же около ево ходилъ. Милостивый великій государь, буди подражатель щедрому своему Богу и Отцу, якоже и Господь нашъ Іисусъ Христосъ училъ: будите, рѣче, щедри, якожъ и Отецъ вашъ небесный щедръ есть; буди милостивъ, якожъ пишется: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ; Божіе сіе есть слово и не изнеможетъ, дондеже небо и земля мимо идетъ и іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будетъ. Сотвори Господа ради, великій государь, со

подачи питья и яствы нѣтъ; и какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ и тебѣ дать Никону для службы изъ тутошнихъ работныхъ людей человѣкъ двухъ или трехъ, чтобъ у него въ томъ никогда скудости не было". Получивъ этотъ указъ, Шайсуповъ объявлялъ его Никону и объ отвѣтѣ его сряду же доносилъ государю: „Грамота твоя прислана 27 марта и я того же дня къ монаху Никону ходилъ и твой указъ сказывалъ; а въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ черный попъ одинъ; и монахъ Никонъ мнѣ говорилъ: что де ему черные попъ или дьяконъ не его постриженники непадобны и въ келью къ себѣ ихъ не возметъ; а для всякой работы и послуженія тутошнимъ работникамъ быть у него не мочно, потому что, государь, отъ тутошныхъ людей въ кельѣ у него въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропажа, и вѣрить здѣшнимъ людемъ будучи у него въ кельѣ не мочно; а розыскивать про такія дѣла кромѣ крови нечѣмъ; а ему де, государь, такіе розыски и непадобны; а хлѣбъ печь и яствы варить и питье строить про него здѣшнимъ людемъ некому, а хлѣбъ по нуждѣ печетъ и ѣствы варитъ онъ монахъ Никонъ про себя самъ; и чтобъ де ты, великій государь, пожаловалъ монаха Никона, велѣлъ у него быть священнику и дьякону его постриженникамъ, а для всякой службы — ево же людямъ, которые у

мною милость, (вели) служащимъ единому или двумъ послужити нужнымъ нашимъ потребамъ, кто-бъ принесъ пити и ясти, да чѣмъ и имъ сытымъ и одѣтымъ быти; а азъ-же зѣло изнемогъ отъ многихъ скорбей моихъ, некому ясти сварить; а здѣсь таковыхъ людей нѣтъ; кои данные и бываютъ, и тѣ хотятъ взять, а такъ не хотятъ ничево дѣлать; да сказываютъ, что не умѣютъ. А что твоя великаго государя милостыня прислана съ Ларіономъ Лопухинымъ, и то все изошло, потому долженъ былъ многимъ, а иное олихоимствованнымъ и разореннымъ отъ Степана Наумова, съ тѣми подѣлился. Аще не тяжко тебѣ, великому государю, что милость твоя была съ Родіономъ Матвеевичемъ присылана, пришли нынѣ Господа ради въ память великія государыни царицы Маріи Ильиничны, а азъ вашъ государевъ богомолецъ долженъ о вашемъ государеве многолѣтномъ здравіи и о душевномъ спасеніи и о благородіи Господа ради Бога молити; да и церковныхъ людей, съ кѣмъ бы церковный обиходъ исправить; а я нынѣ одинъ не могу исправлять. Господа ради милостивъ буди». (Госуд. архивъ).

него были прежде въ Воскресенскомъ монастырѣ; а нынѣ, государь, дѣти боярскіе ево и поваренные и великихъ чиновъ люди изъ Воскресенскаго монастыря многіе живутъ на Москвѣ по разнымъ мѣстамъ. Да онъ же, Никонъ, говорилъ мнѣ, что онъ къ церкви не ходитъ четвертый годъ, а когда онъ и ходилъ, и то за карауломъ; когда отъ тебя пріѣзжали къ нему голова московскихъ стрѣльцовъ Иларіонъ Лопухинъ, да приказу тайныхъ дѣлъ подъячей Артемій Степановъ и онъ де монахъ Никонъ имъ о томъ и объ иныхъ своихъ нуждахъ велѣлъ у тебя великаго государя милости просить". Донесеніе Шайсунова получено въ Москвѣ 3 апрѣля: а 13 числа того же мѣсяца государь отправилъ къ нему стряпчаго конюха Степана Веригина съ приказомъ спросить Никона, какихъ лицъ изъ своихъ прежнихъ постриженниковъ онъ желаетъ имѣть у себя попомъ и дьякономъ и какихъ работниковъ изъ Воскресенскаго монастыря онъ желаетъ имѣть у себя, чтобы онъ сказалъ ихъ имена. Отвѣтить прямо на эти вопросы патріархъ Никонъ считалъ для себя неудобнымъ. По этому поводу Шайсуновъ доносилъ государю: „22 числа апрѣля грамоту я получилъ и того же числа сообщилъ о ней Никону, и Никонъ мнѣ сказалъ, что теперь онъ не знаетъ поповъ и дьяконовъ своего поставленія и работниковъ Воскресенскаго монастыря, кто изъ нихъ находится въ живыхъ: уже шесть лѣтъ прошло послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря, многіе оттуда уже разошлись за это время; а хотя бы онъ и зналъ о нихъ, но именъ ихъ указать ему теперь нельзя и въ неволю насильно вводить ихъ онъ не хочетъ, потому что и нынѣ живущій у него черный попъ Варлаамъ скучаетъ отъ великой нужды и хочетъ идти отъ него. Если же государь захочетъ прислать кого либо къ нему изъ Воскресенскаго монастыря, то нужно посылать такихъ по ихъ желанію, а не по принужденію, нужно дать имъ и средства къ пропитанію и свободу ходить и ѣздить, куда захотятъ безъ караула, чтобы они по желанію могли и оставить Никона". При этомъ Шайсуновъ со словъ патріарха доносилъ государю: „А здѣсь въ Ѳерапонтовомъ мона-

стырѣ мѣсто скудное; и запасы изъ монастырей присылаютъ сюда съ большею скудостію и съ великимъ ропотомъ; присылаютъ изъ монастырей гнилое и затхлое, что имъ самимъ не годно къ употребленію“ [1]).

Просьбы Никона о личной свободѣ его и келейныхъ его старцевъ наконецъ были уважены. Съ лѣта 1672 года онъ пользуется свободнымъ выходомъ изъ своихъ келій и совершаетъ прогулки по окрестностямъ Ѳерапонтовскаго монастыря. Въ началѣ іюня онъ требовалъ себѣ изъ Кирилловскаго монастыря присылки „лошади доброй съ ходью, ступистой, не шарахой, не спотытчивой, да сѣдла сафьяннаго съ приборомъ властелинскаго, добраго, на чемъ ему самому ѣздить, и сукна на полный снимальникъ“; когда кирилловскій архимандритъ Никита по этому требованію прислалъ ему лошадь, мерина сѣраго, прозвищемъ „Щеголь“, и сѣдло съ принадлежностями, то Никонъ этой лошади не принялъ, потому что „цвѣтна“, а велѣлъ прислать другую лошадь добрую—карюю, или гнѣдую, или вороную, или бурую изъ-темна, да конюха, который бы умѣлъ „стрянать около той лошади“, и присланнаго за тѣмъ мерина вороно-каряго, прозвищемъ „Москва“, принялъ; вскорѣ лошадь эта оказалась нездоровою, ее велѣли перемѣнить; но власти Кирилловскаго монастыря писали, что „лучше той лошади нынѣ у нихъ отнюдь никаковы нѣтъ“; въ августѣ того же года снова требовали прислать оттуда „верховую лошадь“ для Никона и другую лошадь съ телѣгой для его келейнаго старца [2]). Еще при Наумовѣ патріархъ Никонъ ѣздилъ въ пустынь Нила Сорскаго молиться; теперь онъ совершаетъ прогулки пѣшкомъ и на лошади на свои пруды и на дальнія рыбныя ловли; а въ послѣдствіи его обвиняли въ томъ, что онъ ѣздилъ въ гости къ разнымъ лицамъ и приставу Шайсупову; всѣ эти поѣздки совершались съ вѣдома

[1]) Послѣднее донесеніе Шайсупова прислано съ Верягинымъ въ Москву 11 мая и государю поднесено стольникомъ Иваномъ Голохвастовымъ. (Госуд. архивъ).

[2]) Чтен. общ. ист. стр. 136, 157—158, 160, 161.

пристава въ сопровожденіи сотника и стрѣльцовъ. Число келейныхъ старцевъ и слугъ у Никона теперь тоже умножилось. Шайсуновъ, прибывъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, засталъ у него одного черпаго попа Варлаама, еще ѳерапонтовскаго служку, дьячка и трехъ рабочихъ людей; лѣтомъ 1672 года у него было кромѣ Варлаама уже 4 старца; въ апрѣлѣ 1673 г. съ нимъ въ кельяхъ жили священникъ, дьяконъ, старецъ, нищій, двое служекъ, два повара и семь человѣкъ рыбныхъ ловцовъ и работниковъ. Въ іюнѣ 1674 г. кромѣ старцевъ у него было уже 22 человѣка рабочихъ и служекъ. Помѣщеніе его состояло изъ новой кельи, построенной послѣ пріѣзда Ивана Образцова близъ прежней больничной кельи и братской трапезной; въ этой новой кельѣ у него была устроена своя трапезная, въ которой онъ отправлялъ съ своими старцами келейное правило и суточное богослуженіе; для литургіи же по праздникамъ онъ ходилъ подъ карауломъ въ отведенную для него надворотную Богоявленскую церковь.

Съ облегченіемъ его участи опять стали приходить и пріѣзжать къ нему посторонніе лица съ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ то за благословеніемъ, совѣтами и наставленіями, то для того, чтобы навѣстить его и помочь ему въ его жизни, то за милостынею и помощью въ разныхъ болѣзняхъ. Обширная благотворительность патріарха, выражавшаяся прежде во времена его могущества въ разнообразныхъ видахъ матеріальной помощи бѣднымъ и нуждающимся людямъ, со времени его заключенія въ Ѳерапонтовскомъ монастырѣ хотя сократилась въ своемъ объемѣ, но не уничтожилась, онъ и теперь раздавалъ много денегъ бѣднымъ; благотворительность его теперь получаетъ особенное замѣчательное направленіе: онъ начинаетъ лѣчить болящихъ, читаетъ надъ ними молитвы, мажетъ ихъ освященнымъ масломъ, даетъ имъ разныя лѣкарства, и больные получаютъ выздоровленіе. Помощь его больнымъ дѣлается извѣстною въ народѣ, закрѣпляетъ за нимъ славу добраго цѣлителя и привлекаетъ къ нему массы больныхъ съ дальнихъ мѣстъ; бывали дни, когда предъ кельями его собиралось больныхъ изъ окрестныхъ во-

лостей мужчинъ и женщинъ человѣкъ по сорока и болѣе за одинъ разъ [1]).

Естественно съ предоставленіемъ большей свободы заключенному патріарху, съ приходомъ къ нему новыхъ лицъ увеличивались его потребности и запросы. Главный вопросъ заключался въ прочномъ обезпеченіи внѣшней, матеріальной его обстановки. Содержаніе патріарха Никона, его старцевъ, прислужниковъ и приставленной къ нему стражи возложено было на сосѣдніе сѣверные монастыри. Послѣдніе же тяготились этою возложенною на нихъ повинностію; годъ отъ года возраставшая повсюду дороговизна жизненныхъ продуктовъ давала себя чувствовать и на сѣверѣ, а увеличивавшіеся постепенно запросы на содержаніе Никона еще болѣе ставили эти монастыри въ трудное положеніе. Вслѣдствіе этого въ жизни патріарха Никона съ того же 1672 года, вмѣстѣ съ облегченіемъ его свободы, настаютъ усиленныя просьбы объ обезпеченіи своего содержанія и жалобы на недоставку его монастырями.

24 мая 1672 г. патріархъ Никонъ прислалъ приставу Шайсупову письмо за своею печатью для отправки его государю; въ немъ онъ писалъ: „Присланные тобою ко мнѣ 18 генваря нынѣшняго года стрѣлецкій голова Иларіонъ Лопухинъ и подьячій Артемій Степановъ сказывали мнѣ твою государеву милость, что ты велѣлъ брать всякой запасъ про нашъ обиходъ съ монастырей Кириллова, Троицкаго, Новоезерскаго, да въ прибавку къ нимъ и съ монастырей вологодскихъ — Каменнаго и Прилуцкаго; но съ монастырей этихъ прислано запасовъ не много; по новой моей просьбѣ о томъ къ Шайсупову — къ нынѣшней Пасхѣ мнѣ прислали изъ Кириллова монастыря 13 гривенокъ масла, 200 яицъ сырыхъ, 100 яицъ красныхъ, сметаны только съ братскую братину, и не много хлѣбныхъ запасовъ; а съ другихъ монастырей къ Пасхѣ ничего не прислали. Приставъ Шайсуповъ объявилъ мнѣ, что эти монастыри отказываются присылать и впредь. А жизнь въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ скудная; вотчинка за нимъ не большая, и крестьянишки

[1]) Чтен. общ. ист. и древн. 132, 145.

обнищали до конца; а рыбенка когда и уловится на братію, и то мелкая самая худая, ершишка да сорожка; а что съ весны я самъ собою добылъ рыбы въ Шексне, она въ саду вся померла. Здѣсь мѣсто пустое, отъ городовъ далеко и съ деньгами купить нельзя. А которая рыба на Бѣлоозерѣ и въ Шексвѣ покрупнѣе — осетры и стерляди въ уловѣ, той рыбы по твоему крѣпкому указу продать никто не смѣетъ, и по городамъ запасовъ ея и товаровъ продать на мое имя никто также не смѣетъ; потому что у кого было куплено, тѣмъ приставъ Наумовъ учинилъ великіе убытки. Да Лопухинъ и Степановъ сказали мнѣ на словахъ, что ты, великій государь, пожаловалъ нашихъ старцевъ и мирскихъ людей— велѣлъ освободить изъ-за приставовъ и изъ ссылокъ; а то, освобождены ли они, и по сіе число мнѣ невѣдомо. И ты, государь, учини свой о всемъ томъ милостивый указъ, да будетъ правда твоя правда во вѣкъ и слово твое истинно и милость твоя въ родъ и родъ. Царь государь, смилуйся" [1]).

Приставъ Шайсуповъ въ донесеніи къ государю, отправленномъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Никона, съ своей стороны сообщалъ: „Отъ Лопухина и Степанова я получилъ твой государевъ указъ о присылкѣ запасовъ монаху Никону изъ вологодскихъ монастырей, но отсюда прислали запасъ скудной не противъ запросу и нынѣ 15 марта писалъ ко мнѣ прилуцкій архимандритъ Исаія и келарь старецъ Сильвестръ съ братіею, что у нихъ скудость большая и посылать нечего; а Каменнаго монастыря архимандритъ Даніилъ съ братіею писали, что имъ не было извѣстія о посылкѣ Никону запасовъ; изъ бѣлозерскихъ монастырей прислали не много [2]); а людямъ, посланнымъ отъ Никона въ вологодскіе предѣлы для сбора и закупки запасовъ, Каменнаго монастыря архимандритъ Да-

---

[1]) Письмо Никона не собственноручное въ госуд. архивѣ.

[2]) Въ приходорасходныхъ записяхъ никитскаго бѣлозерскаго монастыря значится: «5 генваря 1672 г. куплено 20 окуней, да язь, дано 3 алт. 2 денги, и поднесена та рыба Никону монаху, да ему же послано на свѣчи и бумагу 3 алт. 2 д. Особо тогда же посланы приставу Шайсупову туши баранья, да пять языковъ говяжихъ цѣною 7 алт. 2 д.» (Чтен. общ. ист. 167—168).

пінлъ явился непослушенъ и въ подводахъ имъ отказалъ и про старца Никона говорилъ непригожія слова, будто у него мѣра воровская, а не прямая; а у старца Никона, государь, мѣра прямая московская таможенная, прислана изъ Кириллова монастыря за печатью. И я отписки изъ Прилуцкаго и Каменнаго монастыря и представленную мнѣ доѣзжую память чернаго попа Варлаама, посланнаго Никономъ для сбора, посылаю тебѣ, великому государю, и ты какой о томъ указъ учинишь" [1]). Такимъ образомъ, тягость содержанія патріарха Никона со старцами и пристава съ стрѣльцами по прежнему лежала больше всего на Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ, отсюда посылаются въ Ѳерапонтовъ монастырь всѣ хлѣбные запасы—мука, солодъ, хмѣль, рыба, мясо, келейные запасы, сукно для одежды, сапоги, свѣчи сальныя и восковыя, богослужебныя книги, припасы и люди для скотнаго двора, лошади, коровы, портные, рыболовы, рыболовныя принадлежности; нѣкоторые предметы патріархъ покупаетъ здѣсь на свои деньги; многое присылается ему въ подарокъ къ праздникамъ, Петрову дню, ко дню преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго. Но всѣ эти присылки не могли всегда удовлетворять потребностямъ ѳерапонтовскихъ жителей особенно при увеличеніи старцевъ и служекъ Никона; кирилловскія власти тяготились новыми запросами и стали на нѣкоторые изъ нихъ отказывать. Однажды на требованіе прислать для Никона „муки ржаные бѣлые, а рожь велѣть молоть отолокши съ водою", они отвѣчали, что у нихъ въ монастырѣ „ржи съ водою столкивать не умѣютъ"; на другое требованіе прислать 10 плотниковъ для постройки скотнаго двора, да 10 человѣкъ съ под-

---

[1]) Въ госуд. архивѣ; тутъ же при дѣлѣ и отписки изъ монастырей и заѣзжая старца Варлаама. Всѣ эти бумаги получены въ Москвѣ 11 іюня 1672 г. Въ отпискѣ Прилуцкаго монастыря говорится, что уже дважды были посланы Никону запасы, а нынѣ посылать нечего, потому что на монастырѣ значится долгу болѣе 1000 рублей, а хлѣбомъ очень скудны, и запасной хлѣбъ взятъ къ Москвѣ на государя. Въ отпискѣ изъ Каменнаго монастыря говорится, что государева указа о дачѣ запасовъ Никону у нихъ не было и безъ указа посылать не смѣютъ.

водами для возки бревенъ на дворовое строенье, они отвѣчали Шайсупову отказомъ и заявляли: „нынѣ (въ концѣ августа) время крестьяномъ работное, рожь къ переду сѣютъ и хлѣбъ съ полей убираютъ, а не дворы строятъ; да и въ указѣ государевомъ не сказано, чтобъ имъ давать въ Ѳерапонтовъ монастырь на дворовое строенье плотниковъ и людей рабочихъ". Такіе отказы не нравились и патріарху; прочитавъ одну отписку кирилловскихъ властей о томъ, что у нихъ нѣтъ требуемыхъ осетровъ, красной и бѣлой живой рыбы, онъ не велѣлъ принять посланныхъ ими другихъ запасовъ „для того, что и есть у нихъ, они того не присылаютъ, а что и пришлютъ, то не сполна" [1]). Но взаимныя неудовольствія между Никономъ и кирилловскими властями особенно усилились съ конца 1674 года; до тѣхъ же поръ въ жизни Никона выдѣляется особое обширное слѣдственное дѣло о расходахъ Ѳерапонтовскаго монастыря на его содержаніе. Въ этомъ дѣлѣ обнаружились и ропотъ ѳерапонтовскихъ властей на поселеніе у нихъ Никона, и злоупотребленія ихъ при выдачѣ ему содержанія, подлоги въ счетахъ и хлѣбныхъ мѣрахъ и разные безпорядки въ управленіи монастырскимъ хозяйствомъ.

Въ августѣ 1672 г. приставъ Шайсуповъ отправилъ въ Москву слѣдующую жалобу на ѳерапонтовскихъ властей. „Нынѣ по указу великаго государя велѣно мнѣ построить въ монастырѣ приказную келью, гдѣ бы мнѣ жить для оберегапья Никона; и я построилъ эту келью, близъ кельи Никона; объ отдѣлкѣ оконъ и замковъ въ этой кельи я говорилъ казначею старцу Іову, но онъ оказался непослушенъ и въ томъ мнѣ отказываетъ. Да 6 іюля били челомъ государю, а мнѣ словесно извѣщали ѳерапонтовскіе служки, что казначей Іовъ не платитъ имъ зажилыхъ денегъ, не даетъ имъ платья и обуви и изъ монастыря ихъ гонитъ, по этому поводу я посылалъ стрѣлецкаго сотника Ѳедора Есипова къ игумену Аѳанасію съ жалобами на казначея; но игуменъ отвѣчалъ,

[1]) Чтен. общ. ист. 157—162.

что ему нѣтъ до того дѣла, вѣдаетъ то казначей, и что они сами монахи должны идти вонъ изъ монастыря; на вопросъ сотника, отъ кого имъ идти, игуменъ сказалъ: какъ-де ихъ челобитье къ архіепископу будетъ, тогда и вѣдомо будетъ, а шестой годъ ихъ разоряютъ и имъ отъ того разоренья придется изъ монастыря идти вонъ". Въ то же время власти ѳерапонтовскія, ссылаясь на скудость монастыря, отказали Никону въ поставкѣ невода и рабочихъ для ловли рыбы на Бородаевскомъ озерѣ и на Шекснѣ; тогда Никонъ сдѣлалъ свой неводъ на деньги присланныя отъ государя и мелкую рыбу отдавалъ въ монастырскую столовую. Передъ началомъ 1673 г. Никонъ повторилъ свою просьбу о поставкѣ невода отъ монастыря, но игуменъ и братія опять ему въ томъ отказали. 4 февраля патріархъ Никонъ прислалъ Шайсупову жалобу на игумена Аѳанасія: „пріѣзжаютъ и приходятъ къ нему (Никону) болящіе, всякими болѣзньми одержимые, для исцѣленія; и отъ его молитвъ и отъ освященнаго масла помазанья и отъ лекарствъ исцѣленія получаютъ; и тѣмъ болящимъ доведется быть въ кельѣ до исцѣленія безъотходно дни по 2 и по 3 и по 4, и по недѣлѣ. Никонъ просилъ игумена, чтобъ для тѣхъ болящихъ, гдѣ имъ пребывать и ему, Никону, къ нимъ приходить, игуменъ очистилъ особую келью, потому что у него, Никона, свои кельи тѣсны и сами де съ нуждою пребываютъ; но игуменъ Аѳанасій въ томъ ему отказалъ" [1]). 7 апрѣля патріархъ Никонъ вновь заявилъ ту же просьбу о постройкѣ ему кельи надъ монастырскими воротами; по этому поводу приставъ Шайсуповъ отправилъ государю весьма любопытное донесеніе: „Нынѣ въ 181 (1673) г. апрѣля 7-й день призвалъ меня Никонъ къ себѣ въ келью и просилъ, чтобъ я написалъ тебѣ, великому государю: приспѣло де, государь, время къ его, монаха Никона, древней старости и къ скорбямъ, а кельи его отъ церкви удалены и поставлены внѣ монастыря: а въ соборной церкви Рождества Богородицы служба бываетъ съ

---

[1]) Изъ донесенія Шайсупова государю отъ 10 августа 1673 г.

весны и до зимы у игумена Аѳанасія съ братіею, а съ осени и до весны у нихъ бываетъ служба въ трапезѣ; а ему, Никону, за стужею и за дализною въ ту соборную церковь и въ то время ходить невозможно, а приходить къ соборной службѣ *за ихъ неисправленіемъ* немочно [1]), поютъ не по уставу, а на крылосахъ у нихъ бываютъ робята; а въ монастырѣ надъ св. воротами церкви во имя Богоявленія Господня, а въ придѣлѣ преп. Ѳерапонта; а въ стѣнѣ подлѣ той церкви на монастырѣ келья, что бывала келарская, ветха небольшая, нынѣ въ той кельѣ живутъ простые старцы. И Никонъ мнѣ говорилъ, чтобъ эту келью сломать, и на этомъ мѣстѣ строить ему у той Богоявленской церкви кельи, чтобъ изъ тѣхъ его келій въ ту церковь былъ ему ходъ для службы литургіи беззазоренъ. Если ты позволишь эту келью строить, то какими рабочими" [2]). Нельзя сказать, чтобы патріархъ Никонъ не сознавалъ тягости отъ своего содержанія для Ѳерапонтовскаго монастыря и не заботился объ облегченіи этой тягости; и прежде онъ писалъ государю о бѣдности этого монастыря и облегченіи наложенныхъ на него расходовъ; и теперь послѣ того, какъ монастырскія власти отказывали ему на его просьбы, онъ ходатайствовалъ предъ государемъ за монастырскія нужды и именно по тому пункту, который былъ для монастыря всего тяжелѣе. Послѣ 15 марта онъ отправилъ государю большое письмо, въ которомъ, указавъ, какъ ѳерапонтовскій игуменъ два раза отказывалъ въ постановкѣ рыбнаго невода, Никонъ продолжаетъ: „Въ прошломъ 180 (1672) году присланъ былъ твой государевъ стольникъ Дмитрій Давыдовъ въ Ѳерапонтовъ монастырь взять подводы для отправки изъ Кириллова монастыря твоего описнаго хлѣба къ тебѣ въ Москву; тогда же я писалъ тебѣ, чтобы ты, великій государь, пожаловалъ меня—подъ описной тотъ хлѣбъ съ Ѳерапонтова монастыря подводъ не бралъ, потому что монастырь этотъ назначенъ

---

[1]) Ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи къ расколу (Чтен. общ. ист. стр. 136. 161. Исторія Соловьева т. XI 342.

[2]) Это донесеніе Шайсупова получено въ Москвѣ 16 апрѣля 1673 г.

для нашего обиходу и крестьянишка его на монастырскомъ здѣльѣ безпрестанно съ работы не сходятъ, на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ постоянно гонцы гоняютъ и по городамъ для нашихъ покупокъ и по монастырямъ для нашихъ запасовъ на Ѳерапонтовскихъ подводахъ безпрестанно ѣздятъ, и для твоей приказной избы и караула и нашихъ келей и пристава и сотникова стоялыхъ дворовъ и стрѣлецкихъ стоялыхъ избъ и монастырскаго обихода берутъ всякія подводы; и тогда же по твоему милосердому разсмотрѣнію прислана твоя грамота къ стольнику Давыдову, чтобы подводъ съ Ѳерапонтова не брать. И нынѣ 181 (1673) года марта 10 прислана твоя грамота изъ стрѣлецкаго приказа на Бѣлоозеро къ воеводѣ Василью Дохтурову, и по этой грамотѣ на служкахъ и крестьянахъ Ѳерапонтова монастыря велѣно доправить 256 подводъ, а доправя, насыпавъ на тѣ подводы въ Кирилловѣ монастырѣ монастырскій хлѣбъ, описанный на тебя, тотчасъ отпустить ихъ къ Москвѣ; и я говорилъ приставу Шайсупову и просилъ его напомнить воеводѣ Дохтурову объ указѣ запрещавшемъ брать эти подводы. И 15 марта противъ такой отписки Шайсупова воевода Дохтуровъ прислалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь другого пристава съ строгою наказною памятью—взять подводы, а служекъ и крестьянъ ослушныхъ взять въ городъ Бѣлоозеро на правежъ. А по се число въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ къ приказной избѣ, карауламъ, кельямъ и дворамъ и на монастырской обиходъ дрова и лучина не ставлены за твоими и иными недосуги, ибо подводы монастырскія и крестьянскія постоянно въ разсылкахъ, а по монастырямъ для одного дѣла посылаются по дважды, трижды и болѣе; иные монастыри Ѳерапонтову ни въ чемъ не помогаютъ — и во всемъ ослушны, что и пришлютъ, и то на нашу потребу не годно, ибо многолѣтные запасы ихъ гнилы и горьки; а присылаютъ, государь, изъ одного Кириллова монастыря безъ ослушанья и то старые запасы. А изъ вологодскихъ монастырей прислали по твоему указу въ 180 году только однажды и то по оскуду и негодное. И по се число кормлюся я твоимъ жалованьемъ—покупнымъ

хлѣбомъ. А нынѣ въ 181 году посылалъ я для покупокъ и запасовъ на Бѣлоозеро своего чернеца, и воевода Дохтуровъ служку и крестьянина, посланныхъ съ нимъ, извременничалъ, а посадскіе люди устроили, чтобъ чернецъ ничего не покупалъ и впредь для покупокъ не пріѣзжалъ. Вели, государь, снова дать указъ, чтобы подводъ съ Ѳерапонтова монастыря не брать и воеводѣ за подводы на правежѣ ѳерапонтовскихъ крестьянъ не бить, а чтобъ изъ Кириллова монастыря намъ свободно было брать ржи и хлѣба" [1]).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ просьбъ и донесеній въ началѣ апрѣля 1673 г. присланъ былъ въ Ѳерапонтовъ монастырь государевъ стряпчій Козма Аврамовичъ Лопухинъ. Ему поручено было на мѣстѣ провѣрить нужды патріарха и собрать справки о расходахъ, сдѣланныхъ разными монастырями на нужды патріарха и его приставниковъ. Пріѣздъ его и послужилъ началомъ обширнаго слѣдствія о злоупотребленіяхъ со стороны ѳерапонтовскихъ властей въ содержаніи патріарха Никона. 8 числа апрѣля ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій вмѣстѣ съ казначеемъ и житничнымъ старцемъ Іовомъ представилъ Лопухину подробныя выписки изъ казенныхъ и записныхъ книгъ о тѣхъ расходахъ, какіе сдѣланы Ѳерапонтовскимъ монастыремъ на содержаніе патріарха, приставовъ и стрѣльцовъ со времени пріѣзда Никона въ заключеніе, т. е. съ 22 декабря 1666 года по 8 число апрѣля 1673 г. [2]). Получивъ эти выписки, равно и справки о томъ, что въ разныя времена посылалось для патріарха Никона, приставовъ и стрѣльцовъ изъ другихъ монастырей, Козма Лопухинъ представилъ эти выписки и справки

---

[1]) Въ госуд. архивѣ.

[2]) Въ этихъ выпискахъ показано: 1) на патріарха Никона и его служебниковъ вышло ржанаго и яроваго хлѣба 169 четей съ осминою и полуосминою, печеныхъ хлѣбовъ 2,105 и муки на нихъ 127 четей съ полуосминою. 2) на пристава Наумова ржанаго и яроваго хлѣба 204 чети съ получетверикомъ, печеныхъ хлѣбовъ 1,747 и муки на нихъ 95 четей; 3) на пристава Шайсупова ржанаго и яроваго хлѣба 51 четь съ полуосминою, печеныхъ хлѣбовъ 1000 и муки на нихъ 63 чети съ осминою; 4) на сотниковъ и стрѣльцовъ съ 22 декабря 1666 года по 21 февраля 1672 г. печеныхъ хлѣбовъ 10,200, а муки на нихъ 596 четей.

въ Москву 16 апрѣля. 22 числа того же мѣсяца эти выписки сдѣлались извѣстными и патріарху Никону, и онъ тогда же заявилъ приставу Шайсупову, что эти выписки ложны, содержатъ прибавку вдвое и втрое больше противъ подлинныхъ приходо-расходныхъ книгъ, находящихся у пристава. Въ маѣ объ этомъ было доложено государю. Въ іюнѣ игуменъ Аѳанасій, предчувствуя невзгоду, оставилъ игуменство и на его мѣсто келаремъ старцемъ Паопутіемъ и братіею былъ избранъ изъ своей среды іеромонахъ тоже Аѳанасій, которому, при возведеніи въ санъ игумена и пріемѣ монастыря въ управленіе, велѣно было вмѣстѣ съ строителемъ Кирилловскаго монастыря, Исаіею, счесть прежняго игумена, казначея и житника, переписать все монастырское имущество и перемѣрять весь находящійся въ житницахъ хлѣбъ. Послѣ этой провѣрки, произведенной 17 іюня, въ наличномъ хлѣбѣ оказался излишекъ противъ вѣдомости житничнаго старца Іова [1]). Всѣ эти обстоятельства дали патріарху Никону сильную опору для новаго протеста противъ злоупотребленій бывшаго игумена Аѳанасія. 18 іюля патріархъ пришелъ въ монастырскую трапезную, пригласилъ сюда пристава, бывшаго и настоящаго игуменовъ и братію, подалъ Шайсупову челобитную на имя государя, которую и просилъ прочитать тутъ же во всеуслышаніе. Въ этой челобитной Никонъ подробно описываетъ, когда и какіе хлѣбные запасы выдавались ему изъ Ѳерапонтовскаго монастыря бывшимъ игуменомъ Аѳанасіемъ, какъ Аѳанасій всегда его обсчитывалъ, какъ онъ представилъ невѣрныя записи Лопухину. „Въ пріѣздъ Юрія Лутохина 8 ноября 1668 г., говоритъ здѣсь Никонъ, велѣно мнѣ брать полные запасы со всѣхъ бѣлозерскихъ монастырей; съ тѣхъ поръ я не бралъ на себя хлѣбныхъ запасовъ съ Ѳерапонтовскаго монастыря, а между тѣмъ Аѳанасій ставитъ мнѣ на счетъ запасы за это время; въ доставкѣ пива на праздники онъ всегда мнѣ отказывалъ; я бралъ хлѣбы

---

[1]) Въ излишкѣ оказалось: ржи 45 четей съ осминою и полуосминою и получетверикомъ, овса 93 чети, ячменя 14 четей безъ четверика, пшеницы осмина съ четверикомъ.

всегда по записи пристава и у него есть на то свои счеты; а на меня много невѣрнаго присчитано". Въ заключеніи челобитной патріархъ просилъ розыскать о неправдахъ бывшаго игумена, допросить его на очныхъ ставкахъ съ монастырскими старцами и служками и сравнить мѣры монастырскія съ московскими. Шайсуповъ сряду же приступилъ къ допросу Аѳанасія по этой челобитной. Бывшій игуменъ здѣсь же въ столовой при всѣхъ просилъ у патріарха прощенія, многое въ своихъ записяхъ объяснялъ „невѣденіемъ", во многомъ винилъ казначея и прислужниковъ и такія свои показанія скрѣпилъ собственноручнымъ подписомъ. Послѣ игумена были допрошены казначей, монастырскій житникъ и служки. Затѣмъ стрѣльцами произведена провѣрка монастырскихъ мѣръ съ казенными московскими мѣрами, и мѣстныя монастырскія мѣры оказались не только меньше московскихъ, но и несходны другъ съ другомъ; отъ этого происходила большая разница въ записяхъ хлѣбнаго зерна и муки [1]). Къ началу августа провѣрка расходовъ Ѳерапонтовскаго монастыря на содержаніе Никона была закончена, и приставъ Шайсуповъ гото-

---

[1]) Въ актахъ указаны и способъ этой провѣрки и результаты добытые ею, весьма важные для сравненія мѣстныхъ мѣръ съ казенными московскими; приставъ Шайсуповъ велѣлъ «полуосминникъ московской мѣры, каковъ присланъ къ монаху Никону изъ Кириллова монастыря для пріему хлѣбныхъ запасовъ, припустить съ пріимочною и отдаточною мѣрами Ѳерапонтовскаго монастыря, и велѣлъ спечь хлѣбы братскіе, и муку въ квашни клали также по мѣрамъ. По этому «припуску» оказалось: «въ монастырскую *пріимочную* мѣру входитъ четь, а въ московскую мѣру 6 четвериковъ, въ монастырскую *отдаточную* мѣру въ мельничную, въ которую муку на хлѣбы выдаютъ, входитъ четь же, а въ московскую мѣру 5 четвериковъ. На братскіе хлѣбы входитъ въ квашню въ монастырскую мѣру по 4 четь безъ полъ-осмины, а въ московскую мѣру 2 четь съ полъ-осминою. Изъ той муки отъ квашни вышло отрубей въ монастырскую мѣру четь съ четверикомъ, а въ московскую мѣру 5 четвериковъ. А по счету и по привѣсу келаря Ѳерапонтовскаго монастыря изъ той сѣяной муки изъ московской мѣры изъ чети и изъ 5 четвериковъ изъ квашни, а изъ монастырской мѣры изъ 2 четей изъ пяти же четвериковъ вышло 51 хлѣбъ, а вѣсу въ тѣхъ хлѣбахъ 27 пудъ безъ 4 гривенокъ; а вѣсу тѣ хлѣбы не равны: хлѣбъ по 25 гривенокъ и меньше, а самые меньшіе по 20 гривенокъ хлѣбъ» (госуд. арх.).

вился донесть о томъ государю съ подробнымъ описаніемъ произведеннаго имъ слѣдствія и съ приложеніемъ подлинныхъ сказокъ допрошенныхъ по этому дѣлу лицъ. Но отсылка въ Москву этого донесенія на время была задержана новыми обстоятельствами. 9 августа патріархъ Никонъ подалъ приставу челобитную на имя государя съ новою жалобою на бывшаго игумена Аѳанасія; онъ писалъ въ челобитной: „Въ 160 (1652) году я былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами святителя Филиппа, и когда возвращался назадъ, то на онежскомъ устьѣ прибылъ ко мнѣ твой государевъ гонецъ Алексѣй Еропкинъ съ указомъ, чтобы мнѣ нигдѣ не мѣшкать и наскоро ѣхать къ Москвѣ. А у меня тогда были немалые запасы изъ разной муки, сушеной и вяленой рыбы и масла; идя мимо Ѳерапонтова монастыря, я для легкости оставилъ здѣсь эти запасы при бывшемъ игуменѣ Аѳанасіѣ. Нынѣ присланъ отъ тебя Козма Лопухинъ и ему велѣно взять записи о моемъ содержаніи: и Аѳанасій, стакнувшись съ ворами, далъ ему вѣдомости ложныя, обозначивъ расходъ втрое и четверо больше противъ того, что мнѣ давали; и то давали малою мѣрою монастырскою и запасы хлѣба давались гнилые и затхлые; о томъ я писалъ тебѣ много разъ и образцы негодныхъ запасовъ посылалъ. Нынѣ при перемѣнѣ игумена и провѣркѣ запасовъ объявился въ монастырѣ лишній хлѣбъ, и изъ того ясно, что на меня писали ложно. Вели, государь, Шайсупову допросить бывшаго игумена, куда онъ подѣвалъ оставленные у него мною при возвращеніи изъ Соловокъ всякіе хлѣбные и столовые запасы и сколько того лишняго хлѣба явилось“. Шайсуповъ потребовалъ у новаго игумена Аѳанасія и келаря Пафнутія вѣдомости о лишнихъ запасахъ хлѣба; стараго же игумена Аѳанасія и житничнаго старца Іова лично допросить не могъ: оба они сряду же, послѣ подачи Никономъ новой челобитной, сбѣжали изъ Ѳерапонтовскаго монастыря—Аѳанасій того же 9 числа августа въ 6 часу дня, а Іовъ въ ночь на 10 число, и оба пропали безъ вѣсти. Въ то же время открылись и другія злоупотребленія бѣжавшаго игумена и бывшаго при немъ келаря Макарія Злобина—

по управленію монастырскимъ хозяйствомъ; властями и братіею тогда же подано особое о томъ донесеніе на имя государя [1]). 26 августа въ Москвѣ получены были бумаги по этому слѣдственному дѣлу съ другими донесеніями Шайсупова и указанными челобитными патріарха Никона. 4 октября въ Москвѣ получена новая челобитная патріарха, въ которой онъ проситъ государя дать ходъ произведенному въ Ѳерапонтовскомъ монастырѣ слѣдствію, указываетъ, что имъ, патріархомъ, внесенъ денежный вкладъ въ Ѳерапонтовъ монастырь на 500 рублей и во вкладной написано „давать ему, патріарху, обиходъ противъ четырехъ братовъ, а которые старцы и мірскіе люди станутъ у него въ кельѣ жить, и имъ

---

[1]) Приводимъ это донесеніе для обрисовки безпорядковъ въ управленіи Ѳерапонтовскимъ монастыремъ за то время, когда патріархъ Никонъ испытывалъ здѣсь наибольшія затрудненія въ своемъ содержаніи. Новый игуменъ Аѳанасій и братія писали въ челобитной: «Въ прошломъ 177 (1669) году выѣхалъ онъ келарь Макарій къ Москвѣ и доселѣ живетъ тамъ, и въ 179 г. по указу государя ему отъ келарства отказано, и послѣ того онъ Макарій мститъ за то монастырю, и служкамъ и крестьянамъ чинитъ убытки и проторы большіе, и по зазывнымъ грамотамъ въ лѣтнюю рабочую пору волочитъ ихъ къ Москвѣ. Да будучи въ Москвѣ, онъ съ прежнимъ игуменомъ Аѳанасіемъ изъ монастырскихъ селъ хлѣбъ и скотъ продавали, а деньги брали себѣ, а на иные вино покупали и изъ казны монастырской деньги съ собою къ Москвѣ брали и отчету по се число не давали. Ѣдучи къ Москвѣ, взали они на Вологдѣ на кружечномъ дворѣ 15 ведеръ вина и дали кабалу, и съ монастыря взято по той кабалѣ 15 рублевъ. Изъ монастыря они взяли жеребца лучшаго; брали съ крестьянъ хлѣбной стрѣлецкой платежъ деньгами за 2 года, а хлѣба сами не купили, заняли еще въ Чюдовѣ монастырѣ и на кирилловскомъ подворьѣ въ кабалы; и монастырь уплатилъ за нихъ по этимъ кабаламъ. Игуменъ же Аѳанасій отдалъ монастырскую пожню архіепископу вологодскому безсрочно на многіе годы, а оброку было на ней по 10 рублевъ и многихъ крестьянъ съ тягла распустилъ и изъ монастыря ушелъ самовольствомъ. Келарь же Макарій, будучи на Москвѣ, умысля съ чернымъ попомъ Діонисіемъ, заложилъ ихъ монастырскій московскій дворъ человѣку боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова Ивану Епанчину,—въ 85 рубляхъ и закладную они дали безъ ихъ вѣдома, онъ еще хочетъ закладывать ихъ вотчины монастырскія; а служекъ и крестьянъ, кто на Москвѣ изъ Ѳерапонтова появится, онъ волочитъ и убытчитъ. И великій государь велѣлъ бы счесть прежняго игумена и келаря въ такомъ московскомъ расходѣ, и о закладѣ двора ихъ указъ учинить, чтобъ монастырю отъ засмыхъ ихъ кабалъ впредь напрасно не разориться» (госуд. архивъ).

также давать отъ братской нищи за тотъ вкладъ". Здѣсь же патріархъ проситъ въ дополненіе къ своему содержанію „дать ему съ богословскаго (цылинскаго) ѣзу на Шексне рыбки длинныя, что прежде давалось ему на пропитаніе въ монастырѣ Воскресенскомъ; а нынѣ на томъ ѣзу ловятъ рыбу на тебя, великаго государя; пришли и яблочковъ, сколько Господь извѣститъ тебѣ, а я того благословенія Божія седьмой годъ не ѣдалъ, потому что здѣсь они не родятся, да и купить негдѣ и не на что; я все прежнее жалованье твое роздалъ по заповѣди Божіей неимущимъ; да и въ память царевича Алексѣя Алексѣевича мнѣ милостыни не было, сотвори ее мнѣ". Всѣ эти просьбы Никона не оставлялись безъ вниманія; по нимъ дѣланы справки и выписки въ докладѣ къ государю. Изъ этихъ выписокъ и докладовъ узнаемъ, что патріархъ Никонъ въ это время прислалъ государю нѣсколько другихъ челобитныхъ, въ которыхъ просилъ: 1) „новгородскому митрополиту [1]) Иверскаго монастыря не вѣдать, а послать бы съ Москвы туда добраго дворянина и вѣдать ему этотъ монастырь для того, что изъ него старцы многую церковную утварь и казну отвозятъ въ Польшу": 2) изъ Воскресенскаго монастыря бывшую его, патріарха, келейную рухлядь, книги, платье и судки прислать ему въ Ѳерапонтово; 3) прислать ему также для келейнаго правила и церковнаго богослуженія книги [2]), полное церковное облаченіе для священнослужащихъ, кадило, церковные сосуды съ покрывалами и крестъ благословящій; наконецъ 4) Никонъ просилъ государя смирить богоявленскаго келаря Авраамія за то, что онъ пріѣзжимъ

---

[1]) Новгородскимъ митрополитомъ, съ 22 декабря 1672 года по 23 іюля 1674 г., былъ Іоакимъ Савеловъ одинъ изъ главныхъ недоброжелателей патріарха Никона, возведенный послѣ на престолъ патріаршій.

[2]) Вотъ перечень этихъ книгъ: напрестольное евангеліе, евангеліе воскресное толковое, бесѣды евангельскія, апостолъ и бесѣды на посланія апостольскія и дѣянія, библію, слѣдованную псалтирь, двѣ псалтири малойныхъ, октоихъ, обѣ тріоди, 12 книгъ миней, торжественникъ цвѣтной и постный, требникъ его правленья, служебникъ, прологи, творенія Григорія Богослова его переводу.

изъ Ѳераноптоваго монастыря на Москву для государевыхъ и монастырскихъ дѣлъ людямъ чинить волокиты и великіе убытки [1]).

На просьбы патріарха Никона государь отвѣтилъ 18 ноября 1673 г. новою посылкою къ нему стряпчаго Козмы Абрамова Лопухина. При отправкѣ ему дана замѣчательная инструкція изъ одиннадцати пунктовъ, ясно рисующая добрыя отношенія государя къ патріарху Никону и степень вниманія къ заявленнымъ имъ нуждамъ. Лопухину предписывается прежде всего справить поклонъ патріарху отъ всѣхъ лицъ царскаго семейства поименно, причемъ Никона должно величать „святымъ и великимъ отцемъ" и „поклониться ему отъ царской семьи по обычаю". Далѣе—заявить о присланной ему заздравной царской милостыни: „Великій государь и царица Наталья Кирилловна прислали тебѣ великому отцу для рожденья своихъ государевыхъ чадъ — царевича Петра Алексѣевича древо сахарное, ковришка на орелъ, хлѣбецъ черный, отъ царевны Натальи Алексѣевны—денегъ 200 рублевъ, ковришка сахарная, ковришка пряничная и хлѣбецъ черный"; чтобы сахарныя ковришки не зачерствѣли отъ дороги, ихъ велѣно сдѣлать передъ самымъ Ѳераноптовымъ монастыремъ, не доѣзжая 5 или 6 верстъ, а повара, сахаръ и иныя вещи послать съ Москвы съ аптекарскаго приказа. Затѣмъ велѣно поднесть патріарху заупокойную милостыню по царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ—въ 200 руб. деньгами, поднесть еще отъ царя и царицы по 10 арбузовъ тамбовскихъ и бѣлогородскихъ и по 600 яблоковъ изъ пѣжинскихъ и московскихъ садовъ. Государь велѣлъ объявить Никону, что на содержаніе ему теперь назначается брать изъ бѣлозерскихъ монастырей опредѣленное число годовыхъ разнообразныхъ запасовъ; всѣ эти запасы тутъ же перечисляются въ подробной росписи каждый отдѣльно и съ обозначеніемъ размѣра, въ которомъ они должны выдаваться [2]); при этомъ въ инструкціи замѣчалось: „буде Ни-

[1]) Дѣла въ госуд. архивѣ.

[2]) Роспись этихъ годовыхъ запасовъ приведена въ исторіи Соловьева т. XI стр. 412.

конъ, выслушавъ эту роспись, скажетъ, которыхъ запасовъ прибавить или убавить по разсмотрѣнію небольшое число, и изъ котораго монастыря брать и о томъ написать ему, Козмѣ, на росписи, и сколько за которымъ монастыремъ крестьянъ—о томъ провѣдать и тѣхъ монастырей властямъ сказать указъ великаго государя, чтобъ все старцу Никону давать по росписи безъ перевода". Далѣе велѣно объявить Никону, что по просьбѣ его назначено уже послать въ Иверскій монастырь дворянина Андрея Акинѳова съ подъячимъ для переписи находящейся тамъ церковной утвари и монастырской казны. На жалобу Никона о томъ, что проѣзжая дорога въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ отведена далеко отъ кельи его, объявить, что дорога эта и должна оставаться въ такомъ видѣ, „потому меньше ссоры будетъ, да и поговорить Козмѣ отъ себя, какая ему (Никону) будетъ въ томъ прибыль, что лишнія дѣла его будутъ извѣстны разнымъ людямъ и въ государствѣ молва безпрестанная будетъ, потому что всякіе люди мимо кельи его станутъ ѣздить и станутъ сказывать небывалыя рѣчи; а Шайсунову сказать, чтобъ онъ не слушалъ Никона въ той дорогѣ". На просьбу Никона о дачѣ рыбы изъ богословскаго (цылинскаго) ѣзу на Шексне объявить, что государь указалъ уже выдавать ему треть той рыбы, какая будетъ выловлена здѣсь каждый годъ. Также объявить, что велѣно розыскивать о тѣхъ запасахъ, которые по книгамъ взяты съ Ѳерапонтовскаго монастыря ложно, и о тѣхъ, которые оставлены здѣсь Никономъ при возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря. Сказать, что велѣно розыскать бывшаго игумена Аѳанасія и келаря Макарія Злобина по челобитной на нихъ нынѣшняго игумена Аѳанасія. Послѣдній пунктъ въ инструкціи Лопухину касался содержанія стрѣльцовъ: такъ какъ весною 1673 года отправлены были въ Ѳерапонтовъ монастырь новые стрѣльцы на смѣну прежнихъ и имъ впередъ выданы кормовыя деньги (85 рублей) съ 1 марта по 1 сентября сверхъ годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, между тѣмъ стало извѣстно, что они по прибытіи въ монастырь пользуются еще и братскою пищею, то Лопухину предписывалось розыскать, дѣйствительно ли

имъ выдавали кормъ изъ монастыря и если выдавали, то на какомъ основаніи? Разсматривая содержаніе этой замѣчательной инструкціи Лопухину по отношенію ея къ описаннымъ выше просьбамъ патріарха Никона, видимъ, что она отвѣчала на всѣ просьбы его кромѣ четырехъ, что тогда же отмѣчено было въ особыхъ выписяхъ при докладѣ государю: „да противъ своихъ монаха Никона письма Козмѣ Лопухину въ наказъ не написано: о строеньи келей его у церкви Богоявленія Господня на святыхъ воротахъ, о присылкѣ ему книгъ и утвари, объ отдачѣ ему изъ Воскресенскаго монастыря келейной его рухляди, о смиреніи Богоявленскаго монастыря келаря Авраамія". Въ остальномъ государь—видимо—желалъ высказать патріарху свое расположеніе и полную готовность въ возможномъ удовлетвореніи его нуждъ и просьбъ.

Козма Лопухинъ прибылъ въ Ѳерапонтовъ монастырь 20 ноября и точно исполнилъ данное ему порученіе. Патріархъ принялъ новую царскую милость съ великою радостію и полною благодарностію. Въ длинномъ спискѣ годовыхъ запасовъ онъ безкорыстно въ ущербъ своему содержанію сдѣлалъ значительныя измѣненія: большую часть щедро назначенныхъ ему запасовъ онъ сократилъ на цѣлую треть и даже на половину; и прибавилъ только незначительное число другихъ запасовъ, не внесенныхъ въ списокъ [1]). Тогда же составленъ былъ списокъ дворовъ у бѣлозерскихъ монастырей, согласно съ числомъ дворовъ на каждый изъ этихъ монастырей разложена доставка извѣстныхъ запасовъ и въ монастыри отправлены Лопухинымъ государевы о томъ наказы. Такой же наказъ о ежегодной доставкѣ Никону трети рыбы изъ богословскаго (цылинскаго) ѣзу отправленъ и на Бѣлоозеро. Въ Ѳерапонтовскомъ же монастырѣ стряпчій Лопухинъ производилъ дополнительный розыскъ о ложныхъ записяхъ расходовъ на содержаніе патріарха,

---

[1]) Запись этихъ измѣненій приведена въ исторіи Соловьева т. XI стр. 412—413: прибавлено изъ годовыхъ запасовъ только 4 пуда воску, ½ пуда ладону, 1 пудъ семги, 6 четвертей снетковъ, 20 пудовъ хмѣлю, 150 судаковъ, 500 свѣчъ сальныхъ.

данныхъ въ свое время бѣжавшимъ игуменомъ Аѳанасіемъ, и о тѣхъ хлѣбныхъ запасахъ, которые оставлены были при проѣздѣ Никона съ мощами святителя Филиппа; но этотъ дополнительный розыскъ не открылъ ничего замѣчательнаго противъ прежняго слѣдствія и далъ только нѣсколько мелкихъ штриховъ къ описанію жизни Никона въ ѳерапонтовскомъ заключеніи [1]).

---

[1]) Ѳерапонтовскіе старцы — казначей Іона, Козма, Митрофанъ, Власій, Исаія на допросѣ 26 ноября заявили: «съ прошлаго 175 года по 181 (1667—1673) игуменъ Аѳанасій написалъ книгу о дачахъ запасовъ на монаха Никона и послалъ къ великому государю въ Москвѣ съ стряпчимъ Козмою Лопухинымъ ложно, безъ нашего братскаго вѣдома. А къ Никону съ 175 года, какъ былъ привезенъ, монастырскихъ запасовъ или какихъ харчей про ево обиходъ не имывано, а для работниковъ, жившихъ у Никона, брали въ день изъ братскаго хлѣба по хлѣбу и по полухлѣбу; а овощу изъ нашихъ огородовъ никакихъ про ево обиходъ не имывано, а которые запасы у Никона оставались за обиходомъ, и тѣ запасы отдавалъ онъ намъ въ трапезу на братью; а какъ онъ шелъ изъ Соловецкаго монастыря и какіе запасы въ Ѳерапонтовомъ оставилъ, тому записки у нихъ нѣтъ».

Присылка Лопухина въ ноябрѣ 1673 года къ патріарху Никону съ богатою царскою милостынею и съ подробною росписью годовыхъ запасовъ, назначенныхъ на его содержаніе, на дѣлѣ не могла успокоить опальнаго патріарха и облегчить его ферапонтовскаго заключенія. Патріархъ Никонъ сомнѣвался въ доставкѣ всѣхъ назначенныхъ ему запасовъ и въ благодарственномъ письмѣ къ государю за присланные подарки прямо заявлялъ: „чаю, молва будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ; и въ прошлыхъ годахъ велѣно давать мнѣ изъ монастырей, но они давали малые запасы и то съ великими брюзгами; а въ выписи писали впятеро, вдесятеро, во сто и тысячу разъ больше, оболгали меня тебѣ, великому государю; а по твоей росписи многихъ запасовъ въ здѣшнихъ странахъ и не водится“ [1]). По отъѣздѣ Лопухина патріархъ пишетъ государю новыя челобитныя; въ одной изъ нихъ жалуется на неопредѣленность своего содержанія, на неумѣстность нѣкоторыхъ назначенныхъ ему запасовъ и на недоставку многихъ изъ нихъ съ монастырей. „Въ нынѣшнемъ 182 (1673) году ноября 24 дня присланъ ко мнѣ стряпчій Козма Лопухинъ съ твоимъ указомъ и росписью, что мнѣ указано брать на годъ хлѣбныхъ и столовыхъ всякихъ запасовъ съ Кириллова и прочихъ монастырей; да онъ же

[1]) Соловьева, исторія XI, стр. 412.

мнѣ объявлялъ отмѣтить, что нужно изъ нихъ прибавить или убавить. И я по твоей росписи изъ многихъ статей хлѣбныхъ и столовыхъ запасовъ убавилъ. А въ столовыхъ рыбныхъ запасахъ рыбѣ: бѣлугамъ, осетрамъ и стерледямъ, щукамъ, судакамъ и лещамъ, окунямъ и карасямъ, мѣры не написано. И изъ монастырей присылали ко мнѣ рыбы число небольшое; стерляди присылаютъ не большія вершковъ въ 5 и 6, больше 8 вершковъ не бывало; потому жъ и щучки и судачки и лещики небольшіе жъ, все присылаютъ рыбку ушную и неколотую вершочка въ 4, 5 и 6; а ушные окуньки вершечка вполтора и два; и я у нихъ не принималъ, потому что мнѣ нечѣмъ тѣмъ сыту быть съ братьею, а вмѣсто осетровъ присылали чалбышки маленькіе и я ихъ не принялъ. И нынѣ я покупаю рыбные запасы на твое жалованье и питаюсь съ братьею. Да въ твоей же росписи означено моимъ людямъ на пищу мяса 40 стяговъ и 150 полоть ветчины; въ то время я не смѣлъ прекословить твоему указу; а у меня такихъ людей нѣтъ, кому около мяса водиться, и въ келью вносить его не пристойно по писанному: его же плода отрекохомся вкусити, поне ни очима того зрѣти восхощемъ. Да по моему челобитью съ нимъ же, Лопухинымъ, прислана твоя, великаго государя, грамота на Бѣлоозеро къ рыбному Петру Юрлову, а въ ней велѣно съ цылинскаго (богословской онъ же) ѣзу дать мнѣ треть всякой рыбы изъ улова. Но Юрловъ въ этой рыбѣ отказалъ, будто она вся отпущена къ тебѣ, великому государю... Вели указать мѣру всякимъ рыбамъ, вмѣсто мяса вели присылать рыбу, и вмѣсто цылинскаго ѣзу вели Петру Юрлову выдать изъ своихъ государевыхъ бѣлозерскихъ рыбныхъ ловель" [1]). Въ другой челобитной патріархъ подробно

[1]) Въ поясненіе послѣдней просьбы патріарха приставъ Шайсуповъ доносилъ государю, что приказный бѣлозерскаго рыбнаго двора Петръ Юрловъ на отправленную ему еще 18 ноября грамоту о доставкѣ трети рыбнаго улова изъ богословскаго ѣзу на содержаніе Никона 27 ноября отвѣчалъ отпиской, что у него нынѣ рыбы вовсе нѣтъ, потому что одна часть этой рыбы раньше отправлена бѣлозерскому воеводѣ Чаплину, а другая истомилась въ садкахъ, заколота, посолена и отпущена въ октябрѣ къ Москвѣ на государевъ кормовой дворецъ.

описывалъ свои затрудненія, вчастности повторялъ указанія на тѣ нужды, которыя оставлены безъ удовлетворенія еще при отправкѣ къ нему Лопухина; настойчиво просилъ о присылкѣ ему изъ Воскресенскаго монастыря келейной его рухляди и богослужебныхъ книгъ, о постройкѣ новыхъ келій, житницы, амбаровъ и погребовъ для вновь присылаемыхъ запасовъ, о разложеніи расходовъ на эти новыя постройки, въ случаѣ ихъ разрѣшенія, на бѣлозерскіе и вологодскіе монастыри. Приводимъ эту интересную челобитную въ сокращеніи: „сосланъ я въ Ѳераѳонтовъ монастырь и посаженъ за караулъ въ больничныя кельишки въ самое худое мѣсто; и тому, государь, идетъ осмой уже годъ; а кельишка отъ церкви далече, благовѣсту и часовъ въ той кельишкѣ никогда не слышно; а которая, государь, кельишка и вновь построена, она подлѣ тѣхъ же больнишныхъ кельишекъ; а поварня братская передъ тѣми же больнишными кельишками близко, а изъ той поварни зимою и лѣтомъ всегда помои и всякое скаредіе льютъ къ той кельи, и отъ того зимою и лѣтомъ великой смрадъ бываетъ. А у меня въ новой кельишкѣ и трапеза, и церковь; въ ней отправляемъ полунощницы, утреню, молебны, часы, вечерню и повечерню. Да у меня книгъ церковныхъ и четьихъ никакихъ нѣтъ. А въ монастырь властямъ пишетъ приставъ о книгахъ церковныхъ и четьихъ дважды, трижды и больше, и власти изъ монастырей книгъ не присылаютъ долго; а если и пришлютъ, то они уже не годятся, потому что пройдетъ время, когда они чтутся; а которыя книги и присылаютъ, то ветхія и дробныя, и чести не мощно и многихъ писемъ въ нихъ не обрѣтается. Да у меня же часишковъ келейныхъ нѣтъ, а монастырскихъ не слышно. Да велѣно по твоему указу изъ Кириллова и иныхъ монастырей хлѣбные и столовые запасы урочные мнѣ давать погодно, а у меня житницы нѣтъ и ихъ класть негдѣ; нынѣ положено въ житницу монастырскую на время до лѣта; а она ветха, гнила и протекаетъ... Смилуйся, государь, вели изъ Воскресенскаго монастыря келейныя мои книги и церковныя четьи и всякую мою рухлядь и часы прислать... со-

держаніе мое вели возложить и на Корниліевъ и Павловъ монастыри; вели построить житницы для хлѣбныхъ запасовъ и погреба и для братскаго покою кельи старцамъ, которые со мною живутъ, и поваренную келью построить монастырямъ Кириллову, Прилуцкому, Каменному, Троицкому и Новоезерскому" [1]).

Государь согласился исполнить и эти просьбы патріарха; 30 апрѣля 1674 года опять прибылъ въ Ѳерапонтово стряпчій Козма Лопухинъ съ порученіемъ опредѣлить по просьбѣ Никона мѣру всякой рыбѣ, назначенной ему для обихода, объявилъ о разрѣшеніи построить для него новыя кельи и житницы и сообщилъ бѣлозерскимъ воеводамъ новый царскій наказъ о непремѣнной доставкѣ Никону трети рыбнаго улова съ цылинскаго ѣзу. Но послѣдній наказъ остался опять безъ исполненія; патріархъ въ началѣ іюля доносилъ государю, что „бѣлозерскіе воеводы, получивъ этотъ наказъ, объявили посланному къ нимъ стрѣльцу, будто у нихъ цылинскій ѣзъ не устроенъ и рыбы въ немъ въ уловѣ нѣтъ; я два раза посылалъ къ нимъ своего человѣка для справокъ и личнаго осмотра; въ первый разъ они ему сказали, что ѣзу и улову нѣтъ, а во второй разъ они не пустили его и до ѣзу; да они въ садки пищи для рыбы не кладутъ, и отъ того той рыбы много помираетъ, тогда ее закалываютъ и тебя облыгаютъ, будто та рыба заколота живая, а другую смердящую солятъ, и къ тебѣ посылаютъ рыбу живую худую, отъ того у тебя, государь, отъ той рыбы и болѣзни. Да нынѣ 1 февраля, и послѣ въ маѣ и іюнѣ бѣлозерскіе воеводы писали въ Ѳерапонтовъ монастырь къ игумену и братіи, чтобы прислали своихъ крестьянъ съ 30 дворовъ по человѣку съ лошадьми и рабочими орудіями на Бѣлоозеро для заготовки садковъ для живой рыбы; но, государь, крестьянамъ Ѳерапонтова монастыря и безъ того много работы для моего обихода: рыбу ловятъ, сѣно косятъ и возятъ, огороды строютъ, дрова сѣкутъ и возятъ и всякую работу работаютъ, а изъ другихъ мона-

---

[1]) Письмо въ госуд. архивѣ.

стырей ни въ чемъ имъ не помогаютъ. И въ 9 и 26 день іюня, и въ 1 день іюля они же воеводы писали приставу Шайсупову, обѣщаясь прислать мнѣ рыбы, но и по се число ея не присылали" [1]).

Пріятно было для патріарха видѣть исполненіе давней его просьбы о постройкѣ ему новыхъ келій. Постройка ихъ началась въ томъ же 1674 году и окончена къ концу слѣдующаго года, она производилась на деньги, собранныя съ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей; игуменъ и братія Ѳерапонтовскаго монастыря подрядились за 672 р. 26 алтынъ и 4 деньги построить жилыя кельи патріарху и къ нимъ служебную, поваренную и приспѣшную съ сѣнями на погребахъ и съ сушиломъ въ одной связи, да два хлѣбные амбара; „и кельи ему Никону и амбаръ у келей его построили, какъ ему годно; а другого амбара строить онъ, Никонъ, не велѣлъ: а вмѣсто того подряднаго амбара взялъ онъ себѣ два монастырскіе хлѣбные амбара съ сѣнями въ одной связи" [2]). Болѣе подробное описаніе внѣшняго вида этихъ келій находимъ въ донесеніи пристава Ивана Ододурова государю въ 1676 году: „у Никона монаха построены кельи многія житей съ 25; а изъ тѣхъ келей подѣланы сходы и всходы и окна большія въ монастырь и за монастырь; да у него жъ де сдѣланы переходы по монастырской стѣнѣ черезъ сушильныя палаты къ церквамъ, что на святыхъ воротахъ на 30 саженяхъ, а по тѣмъ переходамъ подѣланы окна большія на монастырь и за монастырь" [3]). Съ устройствомъ келій у патріарха увеличивалось и домашнее хозяйство. Кромѣ жилыхъ келій, амбара и погребовъ у него имѣлись: изба для храненія рыболовныхъ принадлежностей, скотный дворъ [4]), три сада съ

[1]) Письмо патріарха Никона получено въ Москвѣ 13 іюля 1674 года (въ госуд. архивѣ). Содержаніе его здѣсь приведено въ сокращеніи.

[2]) Изъ подлинной челобитной властей Ѳерапонтовскаго монастыря, поданной въ августѣ 1676 г. п. Іоакиму (Синод. свитокъ № XII).

[3]) Изъ обвинительнаго указа п. Іоакима противъ Никона отъ 16 мая 1676 г. (тамъ же).

[4]) На скотномъ дворѣ въ началѣ 1675 г. стояло 11 лошадей (изъ нихъ 6 меринов, жеребецъ и кобыла куплены на деньги патріарха, а другія доставлены изъ монастырей), 36 коровъ, козы и куры.

огородами [1]); близь монастыря выкопано 2 пруда, наполненныхъ рыбою, куда ходилъ удить самъ патріархъ, и гдѣ стояло еще 2 садка для привезенной къ нему живой рыбы; на оброчной монастырской пустоши обработывалась пашня, засѣянная ржанымъ и яровымъ хлѣбомъ [2]). Вслѣдствіе увеличенія хозяйства у патріарха должно было увеличиться и число рабочихъ людей. Приставъ Шайсуновъ лѣтомъ 1674 года писалъ государю: „какъ я пріѣхалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, то засталъ у монаха Никона въ кельи чернаго попа Варлаама, ѳерапонтовскаго служку, дьячка, да трехъ людей рабочихъ; въ мартѣ 1672 г. прислана была твоя государева грамота съ наказомъ давать Никону въ услуженіе тутошныхъ двухъ или трехъ людей; по пріѣздѣ стрѣлецкаго головы Иларіона Лопухина, Никонъ велѣлъ сдѣлать на твои жалованныя деньги три невода, и ими ловятъ по твоей ко мнѣ присылкѣ ловцы Кирилловскаго, Ѳерапонтовскаго и Троицкаго монастырей перемѣняясь. И нынѣ, 27 іюня 1674 года, Никонъ прислалъ ко мнѣ роспись людемъ, которые у него живутъ, а въ ней написано — ѳерапонтовскихъ въ кельи служка да подъячій, да дьячекъ крестовой, и работниковъ въ кельи жъ и по службамъ кромѣ кирилловскаго служки и повара и конюха 22 человѣка, и сверхъ того указа въ келью и по службамъ беретъ онъ иныхъ собою; онъ просилъ меня вмѣсто тѣхъ ѳерапонтовскихъ людей взять къ нему людей изъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей. Да прежде всѣ отписки и отправки лежали на ѳерапонтовскихъ людяхъ и лошадяхъ, а теперь Никонъ давать ихъ мнѣ никуды не велитъ, а приказываетъ мнѣ брать людей и лошадей для посылокъ съ монастырей вологодскихъ и бѣлозерскихъ; и какъ ты, государь, мнѣ о томъ прикажешь“ [3]).

Но въ то самое время, когда патріархъ Никонъ видѣлъ улуч-

---

[1]) Въ садахъ и огородѣ росли малина, смородa, дыни, огурцы, тыква, рѣпа, свекла, морковь, рѣдька, чеснокъ, лукъ, хрѣнъ, капуста, салатъ, горохъ и лѣкарственныя травы—мята, заря, девятисилъ.

[2]) Изъ описей имущества патріарха Никона въ 1676 году (синод. свитокъ XII).

[3]) Госуд. арх. Это донесеніе получено въ Москвѣ 13 іюля 1674 г.

шеніе своей внѣшней матеріальной обстановки, когда въ заботахъ объ устройствѣ новыхъ обширныхъ келій и увеличеніи своего хозяйства онъ повидимому склонялся къ примиренію съ своимъ опальнымъ положеніемъ, въ это самое время у него начинаются новыя сильныя столкновенія съ окружавшими его и вдали стоявшими отъ него лицами; эти столкновенія вновь нарушали душевное его спокойствіе и держали его въ раздраженномъ настроеніи до самой смерти царя Алексѣя Михайловича, не смотря на желаніе государя успокоить взволнованнаго патріарха. Въ этихъ новыхъ непріятностяхъ для Никона нельзя не видѣть и искусно веденной противъ него интриги со стороны его недоброжелателей.

Столкновенія у него начались прежде всего съ приставомъ Шайсуповымъ еще съ весны 1674 года. Объ этомъ приставъ такъ доносилъ государю: „нынѣ апрѣля 16 дня въ великій четвергъ на страстной недѣлѣ монахъ Никонъ пошелъ было къ обѣднѣ въ соборную церковь рождества Богородицы, а предъ нимъ пошли 2 человѣка стрѣльцовъ, а позади его шли сотникъ стрѣлецкій, да 6 человѣкъ стрѣльцовъ. И монахъ Никонъ, не дошедъ напертнаго рундука, не пошелъ къ обѣднѣ, осердясь съ монастыря воротился къ себѣ въ келью и идучи говорилъ сотнику и стрѣльцамъ, что де онъ за приставствомъ въ церковь идти не хочетъ. А прежде, государь, сего сотникъ и стрѣльцы хаживали передъ нимъ, а не позади его. И я въ праздникъ свѣтлаго Христова воскресенія послѣ заутрени приходилъ къ нему, Никону, къ кельѣ по прежнему обычаю, какъ прежде бывало, о Христѣ цѣлованіе получить; и онъ въ келью меня не пустилъ, а выслалъ келейнаго своего чернаго дьякона Мардарія со словами, будто я его, монаха Никона, въ великій четвергъ отъ святаго причастья отлучилъ. И съ того времени Никонъ яко отъ огня съ кручины разгорѣлся и видѣться со мною и христосоваться не похотѣлъ. И я съ Мардаріемъ къ монаху Никону приказалъ, что о выходѣ его къ обѣднѣ я не вѣдалъ, и вѣсти мнѣ отъ него противъ прежняго о томъ не бывало, а былъ я тогда въ церкви благовѣщенія у обѣдни, пріобщался; и

Никонъ, осердясь на меня, въ келью къ себѣ меня не пускалъ 2 недѣли. Да нынѣ же мая 8 дня Никонъ присылалъ ко мнѣ монастырскаго служку Ганку Никифорова, ѣдетъ де онъ, Никонъ, въ Ѳерапонтово село на Бородаву отъ монастыря въ 25 верстахъ на Шексну рѣку для досмотра монастырскихъ рыбныхъ ловель, гдѣ ты велѣлъ имъ ловить рыбу, и чтобъ мнѣ и сотнику стрѣлецкому и 10 стрѣльцамъ съ нимъ туда ѣхать; а прежде сего Никонъ ѣздилъ изъ Ѳерапонтова монастыря въ Ниловъ скитъ молиться и Степанъ Наумовъ, сотникъ и стрѣльцы съ нимъ ѣздили же; и чтобъ изъ Кириллова монастыря прислать для той его поѣздки лошадей и крытыя телѣги. И мая 10 по моей отпискѣ изъ Кириллова лошади и подводы были присланы, но Никонъ ѣхать не захотѣлъ и подводы велѣлъ отпустить назадъ". Шайсуповъ просилъ государева указа, какъ ему поступать въ такихъ случаяхъ на будущее время [1]). Послѣ того, доносилъ опять Шайсуповъ, „цѣлый годъ онъ не видался съ монахомъ Никономъ за его напраснымъ гнѣвомъ и за ссорами; а о всякихъ дѣлахъ и о своихъ потребахъ Никонъ пересылается съ нимъ чрезъ келейныхъ своихъ людей и монастырскихъ служекъ"; изъ-за этихъ непріятностей Шайсуповъ проситъ государя объ увольненіи его отъ службы въ Ѳерапонтовомъ, потому что здѣсь ему „для береженья Никона быть не мочно" [2]).

Другое обстоятельство, которое возбуждало и надолго поддерживало въ Никонѣ тревожное чувство, заключалось въ возведеніи на патріаршій московскій престолъ Іоакима Савелова. Іоакимъ въ первые годы своего монашества лично обязанъ патріарху Никону; благодаря покровительству послѣдняго выходцамъ изъ Кіева, онъ былъ принятъ имъ въ число братіи Иверскаго валдайскаго монастыря и исполнялъ здѣсь до 1663 года важную въ то время должность строителя монастыря. Когда дѣло патріарха Никона, по удаленіи его съ престола, явно клонилось не въ его пользу, Іоа-

---

[1]) Госуд. арх. Донесеніе Шайсупова получено въ Москвѣ 1 іюня и 4 іюня доложено государю.

[2]) Тамъ же. Выписка изъ донесеній Шайсупова для доклада государю.

кимъ оставилъ своего благодѣтеля, ушелъ въ Москву и благодаря личному знакомству съ царскимъ окольничимъ Михаиломъ Ртищевымъ въ августѣ 1664 года возведенъ въ санъ чудовскаго архимандрита, и съ этихъ поръ открыто перешелъ на сторону враговъ патріарха. Во время суда надъ Никономъ и послѣ онъ былъ главнымъ довѣреннымъ лицемъ, чрезъ котораго происходили всѣ тайные переговоры государя съ членами собора по дѣламъ Никона; въ 1672 году, по смерти патріарха Іоасафа II, когда на патріаршій престолъ возведенъ новгородскій митрополитъ Питиримъ, Іоакимъ занялъ его мѣсто; за болѣзнію и скорою смертію Питирима онъ нѣсколько мѣсяцевъ управлялъ дѣлами русской церкви и въ концѣ іюля 1674 года возведенъ былъ въ санъ патріарха. Это обстоятельство не могло не смущать Никона; въ новомъ патріархѣ Никонъ видѣлъ своего давняго и энергическаго недоброжелателя, который можетъ помѣшать недавно возстановленнымъ добрымъ отношеніямъ между нимъ и государемъ и въ жизнь его можетъ внесть новыя стѣсненія и огорченія. Опасенія Никона были не напрасны. По вступленіи Іоакима на патріаршество дѣйствительно обнаруживается перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ ѳерапонтовскому заключеннику; государь уже не оказываетъ ему такихъ большихъ милостей, какія онъ оказывалъ прежде; царскіе гонцы къ Никону пріѣзжаютъ уже съ новыми инструкціями, по которымъ имъ предписывается сокращать требованія Никона и дѣлать непріятныя ему замѣчанія на счетъ его жизни и дѣятельности. Патріархъ Іоакимъ съ своей стороны шлетъ особые наказы о разслѣдованіи разныхъ слуховъ о жизни и дѣятельности Никона и хочетъ во всей строгости возстановить дѣйствіе опредѣленій восточныхъ патріарховъ на московскихъ соборахъ 1666 и 1668 года [1]). Патріарху Никону это было

[1]) Въ рукописномъ сборникѣ императорской публичной библіотеки (Q. I № 612 л. 8—10) находится замѣчательно вѣрная характеристика отношеній п. Іоакима къ п. Никону: Іоакимъ «зѣло враждуя на блаженнаго Никона, еще бо егда бяше во иночествѣ сый и обитая у святѣйшаго патріарха во обители и почтенъ бысть икономства чиномъ, яко и самому царю ознанъ бысть отъ сего, обаче вся сія благодѣянія въ забытіи быша, и кромѣ злобы отъ него

непріятно; онъ не могъ сдерживать своихъ чувствъ и по временамъ открыто высказывалъ рѣзкія осужденія новыхъ правительственныхъ къ нему отношеній; а эти рѣзкіе его отзывы въ свою очередь давали поводъ и матеріалъ для новыхъ противъ него обвиненій.

Третьимъ обстоятельствомъ, нарушавшимъ покой патріарха Никона, послужила начавшаяся съ конца 1674 года и потомъ сильно обострившаяся распря его съ властями Кириллобѣлозерскаго монастыря изъ-за доставки этимъ монастыремъ средствъ на его содержаніе. Когда Никонъ приступилъ къ постройкѣ новыхъ келій и потребовалъ помощи себѣ отъ монастырей, то власти Кирилловскаго монастыря на первыхъ порахъ отказались дать эту помощь; а дворецкій монастырскій имѣлъ неосторожность грубо посмѣяться надъ патріархомъ: „что онъ съ Кирилловскимъ монастыремъ заѣдается? кому онъ хоромы строитъ? чертямъ что ли въ нихъ жить?“ Узнавъ о такой грубой насмѣшкѣ, Никонъ сряду же писалъ о ней государю и въ образномъ видѣ описывалъ кирилловскихъ монаховъ: „не вели, государь, кирилловскому архимандриту съ братіею въ мою келью чертей напускать; великія бѣды бѣсы мнѣ творили, являясь иногда служками кирилловскими, иногда старцами, угрожая мнѣ всякими злобами“ [1]). Вскорѣ кирилловскія власти пошли на сдѣлку съ патріархомъ; согласились уплатить ему наличными деньгами на постройку келій вмѣсто поставки запасовъ натурою. Но при увеличившихся расходахъ Никону нужны были и хлѣбные запасы и деньги; кирилловскіе плотники, первое время работавшіе на его строеньи, за неуплатою имъ содержанія и за новыми, наложенными на монастырь расходами, оставили работу и ушли [2]). Никонъ отправилъ въ Москву нѣсколько новыхъ жалобъ на кирил-

---

ничтоже явися... и егда (царь Алексѣй Михайловичъ) скончася, тогда подвижеся на него (Никона) Іоакимъ патріархъ московскій и сугубо вяще нача его озлобляти, и не довлѣ симъ, но преведе его въ Кирилловъ монастырь на вящее озлобленіе и томленіе».

[1]) Солов. истор. XI, стр. 341—342.

[2]) Тамъ же стр. 410.

ловскихъ властей за то, что они отказываютъ ему въ разныхъ запасахъ, и главнымъ заводчикомъ и руководителемъ монастырской братіи при составленіи приговоровъ съ такимъ отказомъ выставлялъ старца Іосифа Собакина съ товарищами.

Когда одна изъ такихъ жалобъ Никона была получена въ Москвѣ и въ январѣ 1675 года доложена государю, государь слушалъ ее со всѣми боярами, и по отпискѣ Никона великій государь указалъ и бояре приговорили „отпискѣ этой ни въ чемъ не вѣрить, а къ монаху Никону послать съ выговоромъ стольника Козму Лопухина и про все развѣдать подлинно, что онъ (Никонъ) писалъ великому государю не дѣломъ“ [1]). Суровость такого приговора станетъ понятною, если замѣтимъ, что во главѣ бояръ, докладывавшихъ челобитную Никона, стоялъ Богданъ Хитрово, и что вмѣстѣ съ этимъ суровымъ наказомъ Лопухинъ повезъ съ собою и другой наказъ уже отъ патріарха Іоакима на имя властей Кирилловскаго монастыря; въ послѣднемъ наказѣ предписывалось имъ допросить ѳерапонтовскаго игумена и братію, зачѣмъ они сосланнаго къ нимъ монаха Никона продолжаютъ именовать лично въ разговорахъ и въ отпискахъ „святѣйшимъ патріархомъ“ вопреки опредѣленію о немъ московскаго собора 1666 года. Лопухинъ прибылъ въ Ѳерапонтовъ монастырь въ послѣднихъ числахъ января; онъ дѣйствительно выговаривалъ патріарху Никону по многимъ пунктамъ разныхъ его челобитныхъ; замѣчалъ ему, зачѣмъ онъ держитъ у себя лишнихъ людей въ кельяхъ и на службахъ, „какая ему въ этомъ прибыль; отъ того только молва рождается и многіе переговоры“, и предлагалъ ему держать въ услуженіи 5, 6, а по нуждѣ не болѣе 7 человѣкъ; замѣчалъ и о запросахъ его съ монастырей, чтобы онъ не запрашивалъ лишняго противъ установленной росписи, иначе „и впредь отъ него станутъ плакать и переговаривать; особенно онъ наводитъ на себя худую славу тѣмъ, что вмѣсто запасовъ беретъ деньги, да спрашиваетъ осетровъ живыхъ мѣрою по 2 аршина съ четью, какихъ въ Шекснѣ

[1]) Дворцовые разряды т. III, стр. 1209.

въ уловѣ не бываетъ". Лопухину поручено было „тайно осмотрѣть и на чертежъ начертить строенье", начатое Никономъ, хотя и велѣть достроить то, что у него не достроено. Впрочемъ борьба двухъ направленій, всегда шедшихъ рядомъ въ дѣлѣ патріарха Никона, сказалась и въ этой присылкѣ Лопухина: вмѣстѣ съ суровыми замѣчаніями и выговорами, Лопухинъ привезъ Никону и царскую денежную милость на его расходы, для отправленія церковнаго правила привезъ ему отъ царя серебряные церковные сосуды съ покровами, облаченія для служащихъ іеромонаховъ и кругъ богослужебныхъ книгъ. По порученію государя Лопухинъ въ этотъ же пріѣздъ составилъ на мѣстѣ и новую подробную роспись того, что должно было идти съ монастырей на содержаніе патріарха и на его хозяйство [1]); „для скотнаго двора записано давать 90 мѣрныхъ копенъ сѣна, да къ кельямъ и поварнѣ 70 саженъ дровъ; да съ монастырей быть у него, Никона, 2 служкамъ съ лошадьми для посылокъ, псаломщику, повару, 2 приспѣшникамъ, портному мастеру, келейнику, всего 8 человѣкамъ; а съ Ѳерапонтовскаго монастыря хлѣбныхъ и съѣстныхъ запасовъ, сѣна и дровъ, и изъ большого Кириллова монастыря слугъ, служебниковъ, поваровъ, приспѣшниковъ и работниковъ ему не положено для того, что съ тѣхъ монастырей съ 1667 года всякіе запасы и люди иманы къ нему безпрестанно". При составленіи этой росписи Никонъ лично просилъ Лопухина, „чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ ему изъ Кириллова монастыря за всякіе столовые запасы и за питья брать деньгами для того, чтобъ впредь отъ этого монастыря не было на него роптанья, и потому еще, что тѣ запасы и питья привозятъ ему купленными со стороны, а покупаютъ не зная имъ цѣны и за худое платятъ дорого" [2]). Расслѣдованіе же по наказу патріарха Іоакима осложнилось слѣдующимъ обстоятельствомъ. Получивъ этотъ наказъ, кирилловскій архимандритъ Никита тотчасъ же отправилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь служку

---

[1]) Роспись эта помѣщена въ исторіи Соловьева XI, стр. 410, 411.

[2]) Госуд. архивъ.

Андрея Гостинщикова съ отпискою, въ которой власти этого монастыря, игуменъ Аѳанасій, келарь Пафнутій, казначей Іона, конюшій старецъ Лаврентій и другіе „нарочитые первые“ старцы вызывались на 28 января къ допросу въ Кирилловъ монастырь. Ѳерапонтовскія власти испугались, съ отпискою они отправились прежде въ келью къ патріарху Никону; тотъ послалъ эту отписку къ приставу Шайсупову съ приказомъ ѳерапонтовскихъ властей и старцевъ къ допросу не отпускать, къ окну своей кельи призвалъ кирилловскаго служку и тутъ же при немъ и въ присутствіи 40 людей болящихъ, окружавшихъ его келью, грамоту патріарха Іоакима обозвалъ „воровскою“, такъ какъ „ѳерапонтовъ монастырь приказано вѣдать въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, а не патріарху,“ самаго патріарха называлъ „патріаршишкомъ, своимъ чернецомъ и чернонедужнымъ,“ а стрѣльцамъ велѣлъ прогнать служку Гостинщикова дубьемъ изъ монастыря назадъ. Стрѣльцы не исполнили воли разгнѣваннаго Никона; ѳерапонтовскія власти 29 января въ Кирилловскомъ монастырѣ были допрашиваны „порознь со всякимъ пристрастіемъ“ и на допросахъ дали противорѣчивыя показанія: игуменъ Аѳанасій показалъ, что монаха Никона они святѣйшимъ патріархомъ не нарицаютъ и не пишутъ, а называли его въ письмахъ святѣйшимъ „бывшимъ“ патріархомъ; келарь Пафнутій называлъ Никона святѣйшимъ патріархомъ только въ разговорахъ, а не въ письмахъ; то же говорилъ и казначей Іона, прибавивъ, что такое названіе онъ слышалъ отъ мірянъ, монаховъ и отъ самого игумена; конюшенный старецъ Лаврентій называлъ такъ Никона „по его же монаха, Никона, приказанію“. Всѣ эти сказки были записаны, скрѣплены подписями допрошенныхъ лицъ и отправлены въ Москву; при чемъ кирилловскія власти доносили Іоакиму и о „непстовыхъ словахъ“ монаха Никона, которыми онъ обезчестилъ патріарха, послали въ Москву и служку Гостинщикова для личнаго передопроса, буде онъ, святѣйшій патріархъ, изволитъ [1]). Но благодаря заступничеству царя Алексѣя Михайловича

[1]) Чтен. общ. истор. 1858, III, стр. 163—165

за опальнаго Никона, это новое разслѣдованіе по его дѣлу и донесеніе кирилловскихъ властей оставлены были безъ послѣдствій и получили силу уже послѣ смерти государя.

На дѣлѣ же оказалось, что январская посылка Лопухина въ Ѳерапонтовъ монастырь не только послужила къ оправданію многихъ челобитныхъ Никона, но указала на необходимость внимательнаго пересмотра статей его содержанія и приведенія ихъ въ болѣе стройный порядокъ и единство, чтобы ими можно было вполнѣ обезпечить нужды патріарха. Съ этою цѣлію въ мартѣ 1675 года отправлена была въ Ѳерапонтовъ монастырь особая коммисія, въ составъ которой входили думный дьякъ стрѣлецкаго приказа Иларіонъ Ивановъ, того же приказа старый подъячій, да два молодыхъ подъячихъ для письма [1]). Посланная коммисія собрала на мѣстѣ массу справокъ о томъ, что въ разное время съ разныхъ монастырей шло на содержаніе заключеннаго патріарха, и представила эти справки въ Москву, гдѣ тогда же приступили къ выработкѣ опредѣленной нормы содержанія патріарха и переводу всѣхъ статей этого содержанія на наличныя деньги, которыя должны быть разложены на девять бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей по числу ихъ вотчинъ и крестьянскихъ дворовъ. Такъ какъ всѣхъ дворовъ въ этихъ монастыряхъ числилось тогда 6592 и съ каждаго двора предположено взимать по 4 алтына, то круглымъ счетомъ предполагалось выдавать патріарху наличными деньгами 812 рублей въ годъ [2]). Пока эта смета содержанія разсма-

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 1289.

[2]) Дѣла въ госуд. архивѣ Приводимъ здѣсь роспись монастырей съ означеніемъ числа дворовъ и предположеннаго съ нихъ денежнаго расхода на содержаніе патріарха Никона: 1) «съ большаго Кирилловскаго монастыря 469 рублей (дворовъ 3813); 2) съ Спасскаго прилуцкаго 74 р. (дворовъ 598); 3) Спасокаменнаго 51 р. 30 алтынъ (дворовъ 429); 4) Троицкаго на устьѣ Шексны 27 р. 6 алт. 4 д. (дворовъ 219); 5) Кириллова новоезерскаго 14 р. 23 алт. 2 денги (дворовъ 119); 6) Никитскаго (дворовъ 38) и 7) Благовѣщенскаго (дворовъ 14)—съ обоихъ 6 р. съ полтиною; 8) Корнильева 86 р. 30 алт (дворовъ 704) и 9) Павловскаго 81 р. 10 алт. (дворовъ 658); всего съ 9 монастырей и 6592 дворовъ имѣется со двора по 4 алтына, да сверхъ того съ 10 дворовъ по алтыну съ полуденгою».

тривалась и утверждена была правительствомъ, прошло около года До тѣхъ поръ жизнь патріарха Никона текла по прежнему въ хлопотахъ объ окончательной постройкѣ и отдѣлкѣ своихъ келій, въ снабженіи ихъ и надворотней церкви необходимою утварью, въ лѣченіи отовсюду стекавшихся къ нему больныхъ и въ неперестававшихъ, даже постепенно усиливавшихся просьбахъ Никона къ государю о своихъ нуждахъ и недостаткахъ въ содержаніи.

Въ апрѣлѣ Никонъ отправилъ государю обширное письмо, въ которомъ подробно разбиралъ распоряженія Козмы Лопухина, сдѣланныя имъ въ январѣ. „Какъ нынѣ пріѣзжалъ ко мнѣ съ твоимъ государевымъ жалованіемъ Козма Лопухинъ и онъ мнѣ объявилъ, что людей, кому у меня быть, дрова и сѣно про мой обиходъ велѣно мнѣ брать съ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей опричь Ѳерапонтова. И онъ велѣлъ высылать мнѣ съ Новоезерскаго монастыря псаломщика, съ Никитскаго и Благовѣщенскаго келейника, а у этихъ монастырей своихъ людей никого нѣтъ, живутъ только пришлые люди; съ Павлова монастыря написалъ взять портнаго мастера, и отсюда присланъ портной швечишко неумѣющій, кромѣ шубнаго и сермяжнаго сшить и скроить самъ ничего не умѣетъ; платьемъ и обувью я съ братіею обносился, а сшить некому. А съ Кирилловскаго монастыря онъ, Козма, ни одного человѣка не написалъ для своей корысти. А сѣна сказалъ брать на лошадь по 4 мѣрной копны, на корову по 3, на быковъ и нетелей по 2, на малыхъ телятъ по копнѣ мѣрной въ годъ; а въ мѣрную копну кладется по 4 воза, а въ возу по 5 копенъ волоковыхъ; а какова копнѣ мѣрная вервь, про то не сказалъ и далъ въ монастыри о присылкѣ того сѣна росписи. А изъ монастырей привозятъ къ нему вмѣсто мѣрной копны по остожку небольшому и тѣмъ сѣномъ скотъ ему не прокормить. Да и хлѣбные и столовые запасы и дрова и сѣно положилъ онъ, Козма, на монастыри безъ разсмотрѣнія не противъ ихъ вотчинъ, и тѣхъ запасовъ ему не везутъ; оттого ему настало оскуденіе. А за Ки-

рилловымъ монастыремъ многія вотчины, а столовыхъ запасовъ на нынѣшній годъ отсюда ему не присылаютъ, прислали однихъ грибовъ такихъ негодныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ѣсть ихъ не станутъ; вмѣсто осетровъ прислали чалбыши, и то сухой, только голова да хвостъ; вязига прислана плохая; хмѣль съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится. И такіе присланные запасы онъ отправилъ къ Москвѣ за печатью для подлиннаго свидѣтельства. Власти Кириллова монастыря вопреки указу государеву келей ему также не строютъ, а у старыхъ его келей трубы и печи разломаны и нагрѣвать ихъ нельзя. У него же, Никона, оловянная, мѣдная и желѣзная посуда и бочки поиздержались, а на Бѣлоозерѣ и Вологдѣ, кому бы ту посуду починить, такихъ мастеровъ нѣтъ и бочекъ купить негдѣ; въ Кирилловомъ монастырѣ много всякихъ мастеровъ, но власти во всемъ ему отказываютъ и говорятъ, что Козма Лопухинъ ничего не велѣлъ давать имъ сверхъ росписи. По этому патріархъ проситъ, чтобы великій государь велѣлъ положить ему всякіе хлѣбные и столовые запасы, сѣно и дрова на монастыри по писцовымъ книгамъ, рыбу и мясо принимать по вѣсу, чтобы въ монастыряхъ изъ-за присылки тѣхъ запасовъ было не мятежно, кирилловскимъ властямъ приказать кельи его достроить, посуду его починить и для того мастеровъ своихъ присылать, и скоту его высылать кормъ и сѣно мѣрными копнами". Въ концѣ этой челобитной Никонъ проситъ государя о присылкѣ колокола для Ѳерапонтова монастыря. Въ другой челобитной Никонъ описываетъ нужды своей надворотней богоявленской церкви, проситъ государя о возвратѣ взятыхъ прежде, во времена его патріаршества, изъ келейной его казны нѣкоторыхъ серебряныхъ сосудовъ, и опять протестуетъ противъ Козмы Лопухина. „Съ этимъ стряпчимъ присланы мнѣ для церковнаго правила сосуды серебряные, покровы, ризы и новыя печатныя книги, я принялъ ихъ радостною душею, и для церковнаго правила учинилъ себѣ ходъ въ церковь Богоявленія Господня. А въ той церкви срачица на престолѣ и покровъ на жертвенникѣ крашенин-

ные, а у царскихъ дверей нѣтъ завѣсы, также нѣтъ у мѣстныхъ иконъ пеленъ, у дьякона стихаря, нѣтъ паникадила и колоколовъ, а царскія двери и мѣстныя иконы письма самаго плохаго; а на Бѣлоозерѣ и во всемъ бѣлозерскомъ уѣздѣ нѣтъ иконописцевъ". По этому Никонъ проситъ государя прислать ему въ ту церковь царскія двери и къ нимъ матеріи на запону, а къ мѣстнымъ иконамъ на пелены, также дьяконскій стихарь, еще кубокъ, въ чемъ хранить пречистое тѣло Господне отъ великаго четверга на весь годъ, серебряную чашку, чѣмъ бы укропъ во святую чашу класть, курганъ, въ чемъ бы держать святую воду, паникадило и колокола; а мѣстныя иконы и деисусъ велѣть написать иконникамъ Крестнаго монастыря Михаилу и Артемію. При этомъ дѣлается напоминаніе государю: „когда онъ пришелъ къ Москвѣ изъ-подъ Вильны, тогда ему поднесенъ былъ патріархомъ съ церковнымъ виномъ серебряный сосудъ — воронецъ, и того воронца ключники ему не возвратили; да у него же, Никона, взяты при встрѣчѣ грузинской царицы для лампады два стройныхъ серебряныхъ кубка и также не возвращены". Въ заключеніи этой челобитной Никонъ проситъ государя впредь не посылать къ нему Козмы Лопухина съ своими государевыми указами, такъ какъ этотъ стряпчій не исполняетъ царскихъ указовъ „для своихъ корыстей". Жалуясь на властей Кириллобѣлозерскаго монастыря, патріархъ Никонъ всегда отстаивалъ нужды монастыря Ѳерапонтовскаго. Передъ лѣтомъ 1675 года въ этотъ монастырь прислано требованіе о доставкѣ доимочныхъ денегъ (283 рублей 23 алт. 2 деньги) на жалованье ратнымъ людямъ; по этому поводу Никонъ сряду же пишетъ новую челобитную, въ которой, указывая на прежнія свои просьбы о нуждахъ монастырскихъ и на неисполненіе этихъ просьбъ, заявляетъ, что во вниманіе къ нуждамъ и бѣдности Ѳерапонтовскаго монастыря онъ шлетъ въ уплату наложеннаго на него долга свои 200 рублей изъ тѣхъ денегъ, которыя зимою привезены были ему Лопухинымъ отъ государя. Но деньги эти тогда же были возвращены Никону обратно

изъ Москвы [1]) Въ іюнѣ Никонъ вновь напоминаетъ государю о недоставкѣ запасовъ изъ Кириллобѣлозерскаго монастыря и въ случаѣ невыполненія его просьбъ грозитъ государю обращеніемъ къ суду Божію. Приводимъ изъ этой челобитной собственныя слова Никона, въ которыхъ онъ описываетъ и матеріальное свое положеніе, и душевное настроеніе за это время. „Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ! помилуй меня богомольца своего, не вели, государь, меня гладною смертью уморить; вели государь свой милостивой указъ учинить, чѣмъ мнѣ, бѣдному, безмятежно питатися; десятый мѣсяцъ гладною смертію помираемъ, купить нечашто, а взять негдѣ, и чтобъ мнѣ богомольцу твоему для ради моей бѣдности къ Господу Богу моленія на тя не сотворить, якоже пишется, аще не насытятся и нороищутъ, и алчною и жадною смертію не умереть, о нихже Господь рече, иже алчныхъ не кормятъ, и жадныхъ не поятъ: елико не сотвористе, меньшихъ моихъ братій, ни мнѣ сотвористе. А азъ грѣшный за мои грѣхи затворенъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, достоянія и доходу никаково себѣ не имѣю нигдѣ, и испросити милостыни ни отъ кого не имѣю, потому что никто не приближается къ мѣсту тому отъ славныхъ, идѣже затворенъ есмь. А по твоему великаго государя указу изъ Кириллова монастыря столовыхъ запасовъ десятый мѣсяцъ никакихъ не даютъ и помираю гладною смертію. Увы и горе мнѣ! Господа ради умилосердися о мнѣ грѣшномъ и не даждь въ смятенье ноги твоея, да не воздремлетъ храняй тя Господь. Господа ради смилуйся“ [2]).

На всѣ эти жалобы и просьбы Никона изъ Москвы требовали объясненій и отвѣтовъ отъ властей Кирилловскаго монастыря и пристава Шайсупова. Кирилловскія власти старались оправдать свои отношенія къ Никону и съ своей стороны писали жалобы на Ни-

[1]) Выписки изъ этихъ трехъ челобитныхъ для доклада государю находятся въ госуд. архивѣ; нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ исторіи Соловьева т. XI, стр. 411.

[2]) Подлинникъ этого письма Никона въ госуд. архивѣ.

кона. Они доносили, что по росписи, данной имъ Козмою Лопухинымъ въ 1674 году, они всегда посылали всѣ хлѣбные и столовые запасы, но Никонъ требуетъ у нихъ такихъ запасовъ, какіе въ росписи не положены; и нынѣ 23 марта 1675 г. они отправили Никону запасы годовые, но онъ изъ тѣхъ запасовъ взялъ только осетра, который поменьше, и пучекъ вязиги, а остальныхъ осетровъ, вязиги, хмѣлю и мяса принять не велѣлъ, будто они худы. Шайсуповъ въ своей отпискѣ подтверждалъ показанія кирилловскихъ властей, описывалъ, какъ Никонъ посылалъ его осматривать присылаемые запасы и, отдѣливши небольшую часть этихъ запасовъ, тутъ же запечаталъ и отправилъ ихъ къ Москвѣ съ своимъ чернымъ дьякономъ Мардаріемъ; при этомъ Шайсуповъ сообщалъ: „Никонъ присылаетъ къ нему безпрестанно жалобы на то, что изъ монастырей годовые запасы возятъ къ нему не сполна и то худые, тѣ запасы велитъ перемѣнять, а для недовозныхъ велитъ посылать въ монастыри стрѣльцовъ для правежу; и монастырскихъ слугъ, кто ему не годенъ, велитъ перемѣнять; для письма подъячихъ и бумагу, для караула сальныя свѣчи велитъ брать съ вологодскихъ и бѣлозерскихъ монастырей; а ему, приставу, указа о томъ никогда не было и Лопухинъ въ росписи о томъ не написалъ; по этому и кирилловскія власти въ подъячихъ отказываютъ, бумаги и свѣчь не выдаютъ“ [1]). Въ одной изъ посланныхъ затѣмъ трехъ челобитныхъ власти Кирилловскаго монастыря указывали государю, что Никонъ проситъ такихъ рыбныхъ запасовъ, какихъ у нихъ въ уловѣ не бываетъ [2]); въ другой челобитной заявляли, что для покупки недостающихъ у нихъ столовыхъ запасовъ и красныхъ питей они посылаютъ всегда въ Москву, въ другіе города, даже на Украйну и расходуютъ на то большія деньги, и когда пришлютъ ихъ Никону, онъ все то хулитъ и не принимаетъ; въ третьей челобитной жаловались госу-

---

[1]) Выписки изъ этихъ двухъ отписокъ кирилловскихъ властей и пристава Шайсупова въ государственномъ архивѣ.

[2]) Челобитная о томъ помѣщена въ Чтен. общ. истор стр. 167.

дарю, что Никонъ въ нынѣшнемъ 1675 году совсѣмъ пересталъ принимать отъ нихъ запасы „и пишетъ на насъ тебѣ, будто мы посылаемъ ему непотребное; мы угодить ему никакъ не можемъ, ибо онъ на насъ гнѣвается и хвалится разореньемъ. Вели, государь, за всѣ эти запасы давать ему деньгами, какъ ты укажешь“ [1]).

Патріархъ Никонъ съ своей стороны протестовалъ противъ этихъ заявленій кирилловскихъ властей. Въ сентябрѣ 1675 г. онъ писалъ государю: „еще отъ бѣднаго своего прошенья къ тебѣ не престану, яко червь отъ древоточенія, понеже утробою стѣсняемъ отъ Кириллова монастыря, что противъ твоего указа архимандритъ съ братіею никакихъ столовыхъ запасовъ не присылаетъ съ 182 по 184 годъ по 20 день сентября; питаюсь я твоимъ государевымъ жалованьемъ, покупаючи столовые запасы дорогою цѣною, да и купить стало негдѣ, пустое мѣсто и отъ города удалѣло; а нынѣ осень настаетъ, а у меня клячишка свои есть и коровенка, а скотинныхъ кормовъ, сѣнъ и иныхъ нѣтъ; а ближе Кириллова монастыря иныхъ монастырей нѣтъ. А въ Кирилловѣ монастырѣ смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы пріѣлъ. А нынѣ священникъ, дьяконъ и простой старецъ просятся отъ меня прочь скудости ради нищныя, потому что мнѣ ихъ кормить стало нечѣмъ, и келейнаго ради безпокойства, потому что печей нѣтъ... Господа ради вели печи сдѣлать, а не велишь, братья разбредутся розно и я останусь одинъ. Охъ увы мнѣ, что буду!“ Въ другой челобитной онъ писалъ: „бьютъ челомъ тебѣ кирилловскіе старцы, будто посылаютъ они на Украйну покупать для меня вишни; и то буди тебѣ вѣдомо, что ни едина мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня; только на прошлой 182 годъ за вишни деньги дали, и на 183 годъ строитель говорилъ, чтобъ имъ платить черемховымъ морсомъ за вишни, потому что черемха родилась; собрали великое множество того морса съ вотчинъ, и мнѣ не дали ни единой капли; да на прошлой же

[1]) Обѣ эти подлинныя челобитныя безъ даты находятся въ государ. архивѣ.

183 годъ собрали кирилловскіе крестьяне малины не малое число ведеръ, а мнѣ не дали ни единой капли. Бьютъ тебѣ челомъ, что отъ меня Кирилловъ монастырь разоряется; но мнѣ разорять его нечѣмъ, я мало могу и ходить отъ старости. Слышится намъ, что они сами Кирилловъ монастырь пустошатъ и съ крестьянъ денежные поборы частые сбираютъ, посылаютъ къ Москвѣ и говорятъ: стало де намъ челобитье на Никона тысячи въ двѣ, а хотя станетъ и въ пять тысячь, и намъ будетъ отбиваться; и тѣмъ тебя, великаго государя, безчестятъ, будто про площадной приказъ говорятъ безстрашно. А на мнѣ милость твоя не по челобитью, ни по дачамъ, но по твоей милости и разсмотрѣнью. Воистинну скуднѣе и нищѣе насъ нынѣ нѣтъ. Сотвори милость, пожалуй рыбки и икорки, да умилосердись надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ Самойломъ (Шайсуповымъ), вели перемѣнить его; онъ со всякія нужды помираетъ, да и меня уморилъ, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ" [1]). 16 декабря 1675 г. патріархъ Никонъ опять доносилъ государю, что „кирилловскій архимандритъ Никита и строитель Исаія заявили его Никоновымъ старцамъ, что они безъ братскаго приговора не смѣютъ давать ему, Никону, никакихъ запасовъ; а братія давать ничего не велятъ; а въ томъ, государь, монастырѣ настоящей братіи только два старца Корнилій Затворниковъ и Іосифъ Собакинъ, они-то и бунтуютъ; а остальная братія все схожая (со стороны) и почесть некого; и не пристойно имъ, кирилловскимъ властямъ, предпочитать братскіе приговоры государеву указу. Да кирилловскій архимандритъ говорилъ его Никоновымъ старцамъ, что о всемъ томъ, что онъ Никонъ къ государю не напишетъ, они всегда знаютъ, у нихъ про все то есть вѣдомость" [2]).

---

[1]) Эти двѣ челобитныя патріарха Никона приведены въ исторіи Соловьева, XI, стр. 413—414.

[2]) Докладъ объ этой челобитной патріарха Никона находится въ синодальномъ свиткѣ № XII. По поводу этой челобитной п. Іоакимъ велѣлъ прилуцкому архимандриту Исаіи разслѣдовать въ Кирилловскомъ монастырѣ и допросить архимандрита, строителя и двухъ бунтовавшихъ старцевъ и ихъ ра-

Черезъ мѣсяцъ, послѣ отправки этой послѣдней челобитной Никона на имя государя, произошла развязка всѣмъ его просьбамъ и пререканіямъ между нимъ и Кириллобѣлозерскимъ монастыремъ. 26 января 1676 г. къ Никону отправленъ былъ тотъ же стряпчій Козма Лопухинъ съ милостивымъ государевымъ указомъ; согласно прежнимъ просьбамъ патріарха государь теперь указалъ брать ему на содержаніе съ девяти сѣверныхъ монастырей, вмѣсто столовыхъ запасовъ, сѣна и дровъ, наличными деньгами ежегодно 839 рублей, и если этихъ денегъ окажется Никону мало, то государь обѣщалъ присылать ему въ прибавку изъ своей казны по 100 рублей, только бы у него запросовъ съ монастырей больше не было. При этомъ присланы Никону и подарки: отъ государя 100 рублей, отъ царицы два мѣха соболій и бѣличій хребтовый, 10 полотенъ, 15 полотенецъ, отъ царевича 100 рублей, 5 бѣлугъ, 10 осетровъ, 10 лососей, по пуду икры зернистой и паюсной, разныя сласти [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ государя присланы были для церкви Никона дополнительная ризница, церковные сосуды и три небольшихъ колокола всѣ вѣсомъ въ 2 съ четвертью пуда [2]).

Но патріарху Никону не суждено было воспользоваться новою къ нему царскою милостію; въ ночь съ 29 на 30 число генваря

спросныя рѣчи немедленно прислать къ Москвѣ. Въ распросѣ архимандритъ Никита отрицалъ за себя и свою братію справедливость жалобы Никона въ послѣдней челобитной и объяснилъ, что когда Никонъ не принималъ присылаемыхъ изъ Кириллова монастыря запасовъ, осуждая ихъ и гнѣваясь на то, что не присылали запасовъ сверхъ росписи Лопухина и не даютъ ему на его потребы и хоромное строенье, то вмѣсто запасовъ онъ взялъ въ 182 году у нихъ деньги на большую сумму и тѣмъ причинилъ монастырю большіе убытки; объ этомъ они писали государю еще въ прошломъ 183 году, просили разрѣшенія выдавать Никону деньгами, но что разрѣшенія на то до сихъ поръ не послѣдовало. То же показали и строитель Исаія и старцы Затворниковъ и Собакинъ (донесеніе о томъ прилуцкаго архимандрита и сказки допрошенныхъ имъ лицъ въ подлинникахъ сохранились въ томъ же синодальномъ свиткѣ).

[1]) Подробная роспись этихъ подарковъ и раскладка денежнаго жалованья на монастыри приведена въ исторіи Соловьева, т. XI, стр. 414.

[2]) Чт. общ. ист., стр. 142, 167.

царь Алексѣй Михайловичъ неожиданно скончался къ великой скорби для всего русскаго государства и въ частности для патріарха Никона. Передъ смертію государь вспомнилъ о бывшемъ своемъ „собинномъ другѣ"; въ оставленной имъ духовной грамотѣ, которая по обычаю того времени читалась вслухъ при отпѣваніи, государь, испрашивая церковнаго разрѣшенія въ своихъ грѣхахъ, прежде всего проситъ прощенія себѣ отъ патріарха Никона и открыто называетъ его по прежнему „своимъ отцемъ, святѣйшимъ іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ" [1]). Съ извѣстіемъ о смерти государя отправленъ къ Никону особый гонецъ, стрѣлецкій голова Иларіонъ Лопухинъ; въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ онъ засталъ еще прежняго царскаго посла Козму Лопухина и вмѣстѣ съ нимъ просилъ Никона дать письменное прощеніе умершему государю. Никонъ, видя, что теперь онъ лишился главной себѣ поддержки для возстановленія своихъ прежнихъ правъ, чести и свободы и опасаясь могущихъ возникнуть большихъ для себя затрудненій, отказалъ въ письменномъ прощеніи умершему государю, съ болью въ сердцѣ и слезами на глазахъ онъ отвѣтилъ посланнымъ: „воля Господня да будетъ, если государь здѣсь на землѣ передъ смертію не успѣлъ получить прощенія съ нами, то мы будемъ судиться съ нимъ во второе страшное пришествіе Господне; по заповѣди Христовой я его прощаю и Богъ его проститъ, а на письмѣ прощенія не дамъ, потому что онъ при жизни своей не освободилъ насъ изъ заключенія" [2]). Опасенія Никона, руководившія имъ при этомъ отвѣтѣ, оправдались; ему пришлось выслушать новыя, болѣе

---

[1]) Приводимъ подлинныя слова въ духовной государя: «при семъ же азъ прощенія прошу и разрѣшенія отъ церкви Божіей и отъ слугъ ея, отъ отца моего великаго господина святѣйшаго Никона іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не суть нынѣ на престолѣ семъ Богу тако изволившу: такожде разрѣшенія прошу отъ святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи и у преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и у отца моего духовнаго протопопа Андрея Савиновича и у всего освященнаго собора и монашескаго чина» (Рукопись библіотеки с.-петербургской духовной академіи № 426 л. 11).

[2]) Шушерина, стр. 90—91.

несправедливыя обвиненія и испытать болѣе трудное и суровое заключеніе на новомъ мѣстѣ.

По смерти царя Алексѣя Михайловича на россійскій престолъ вступилъ четырнадцатилѣтній сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ, рожденный имъ отъ первой супруги Маріи Ильиничны Милославской. При новомъ государѣ произошли большія перемѣны въ правящихъ придворныхъ сферахъ: Нарышкины и ихъ приверженцы отошли на второй планъ, а ближайшія первыя къ царю мѣста заняли Милославскіе и ихъ сторонники. Эти перемѣны отразились сначала на судьбѣ сторонниковъ опальнаго патріарха, сильныхъ при прежнемъ государѣ. Другъ патріарха Никона Артамонъ Матвѣевъ, завѣдывавшій посольскими дѣлами, былъ отправленъ въ ссылку, а враги Никона Богданъ Хитрово, Родіонъ Стрѣшневъ и патріархъ Іоакимъ вошли въ большую силу и получили исключительное вліяніе на дѣла. Лишь только отправлены были сорочины по усопшемъ государѣ, начался судъ надъ царскимъ духовникомъ, благовѣщенскимъ протопопомъ, Андреемъ Савиновичемъ, однимъ изъ тайныхъ приверженцевъ патріарха Никона. Патріархъ Іоакимъ давно преслѣдовалъ царскаго духовника, но покойный государь всегда защищалъ его; теперь же, 14 марта 1676 года, Савиновичъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеозерскій монастырь на черную работу съ запрещеніемъ ему стоять въ самой церкви вмѣстѣ съ вѣрными [1]). Сряду за осужденіемъ Савиновича приступили и

---

[1]) Судебное слѣдствіе и соборное опредѣленіе по дѣлу Андрея Савиновича находятся въ московской синодальной библіотекѣ, первое въ отдѣлѣ свитковъ за № 14, второе въ непереплетенномъ сборникѣ за № 1 л. 567 — 585. На соборѣ въ ряду многихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Савиновича означены и два слѣдующіе: 1) что онъ, пользуясь близостію къ государю, постоянно поддерживалъ вражду между государемъ и патріархомъ Іоакимомъ, 2) что онъ при погребеніи государя протестовалъ противъ врученія усопшему разрѣшительной молитвы патріархомъ Іоакимомъ, а не имъ духовникомъ, «и напыщенъ гордостію своею и зѣльною злобою возмути всѣмъ царскимъ домомъ и противися во всемъ власти нашей (патріаршей), лживыя своя глаголы возсѣя, яко усопшій царь прощенія не получи, и глаголаше, яко не допусти ми патріархъ вручити цареви прощальныя грамоты». О болѣе раннихъ непріязнен-

къ опальному Никону. Бывшій при немъ долгое время приставъ князь Самойло Шайсуповъ смѣненъ 29 марта новымъ приставомъ Иваномъ Ивановымъ Ододуровымъ, которому при отправкѣ данъ наказъ съ новыми подробными статьями о строгомъ береженьи Никона. Прибывъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, Ододуровъ сряду же сталъ сурово относиться къ патріарху, запретилъ свободный выходъ ему и его старцамъ изъ келій, совершенно запретилъ ходить къ нему постороннимъ лицамъ, даже болящимъ для молитвы и исцѣленій, окружилъ кельи его стрѣльцами, и въ своемъ донесеніи въ Москву отъ 18 числа апрѣля, описывая подробно эти кельи, сообщалъ, что для охраны ихъ присланныхъ съ нимъ стрѣльцовъ весьма недостаточно. Передъ пріѣздомъ Ододурова Никонъ возбудилъ одно слѣдственное дѣло, которое при подозрительныхъ и непріятныхъ отношеніяхъ новаго правительства къ опальному патріарху сряду же было истолковано не въ его пользу и послужило началомъ новыхъ обширныхъ и гнусныхъ обвиненій противъ него самого. Никонъ подалъ Шайсупову челобитную на имя государя съ извѣтомъ на служку Игнатія Башковскаго и дворовую его женщину Киликейку, обвиняя ихъ въ государевомъ дѣлѣ, просилъ отправить ихъ въ Москву для допроса и въ этой челобитной по прежнему обыкновенію назвалъ себя патріархомъ. Челобитная Никона подана государю 13 апрѣля; государемъ передана патріарху Іоакиму; завязалось новое слѣдственное дѣло, принявшее вскорѣ огромные размѣры и имѣвшее печальныя послѣдствія для Никона. Игнатій Башковскій и дворовая его Киликейка были допрошены и для своего оправданія сообщили нѣсколько мелкихъ ложныхъ фактовъ изъ жизни Никона въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, касавшихся преимущественно лѣченія имъ больныхъ. Къ допросу привлеченъ былъ прибывшій теперь изъ Ѳерапонтова въ Москву прежній приставъ Шайсуповъ; его обвиняли за послабленіе Никону, и въ свое оправданіе онъ также представилъ массу жалобъ

ныхъ отношеніяхъ патріарха Іоакима къ Савиновичу см. Дворцовые разряды (т. III стр. 1104—1106. 1116. 1155—1156).

на прежнія личныя отношенія къ нему патріарха и на отношенія Никона къ правительству, къ соборному о немъ опредѣленію восточныхъ патріарховъ и русскихъ архіереевъ, описывалъ отношенія его къ своимъ старцамъ и служкамъ и не удержался отъ гнусныхъ клеветъ на больного и престарѣлаго патріарха, обвиняя его въ нетрезвой и нечистой жизни. Такъ какъ большая часть донесеній Шуйсупова основывалась на слухахъ и показаніяхъ другихъ второстепенныхъ лицъ, то къ слѣдственному дѣлу и допросамъ привлечены въ качествѣ свидѣтелей и извѣтчиковъ стрѣлецкій сотникъ Андрей Есиповъ, долгое время жившій съ Шайсуповымъ при Никонѣ, и двое келейныхъ служекъ Никона—Ивашка Кривозубъ и Никитка Исаевъ, отъ которыхъ допытывали свѣденія, касавшіяся преимущественно келейной жизни Никона, закрытой отъ взоровъ постороннихъ лицъ. 29 апрѣля Ододуровъ прислалъ въ Москву новаго свидѣтеля противъ Никона, келейнаго его старца Іону серебряка, занимавшагося подѣлкою серебряныхъ сосудовъ и вырѣзывавшаго на нихъ извѣстныя надписи и вензеля по порученію Никона. Этотъ старецъ Іона, отличавшійся пьянствомъ, сварливостью, неуживчивостію и не одинъ разъ наказанный Никономъ за свои проступки, теперь, когда на Никона отовсюду сыпались доносы, рѣшился подать свой извѣтъ на патріарха; извѣтъ его является самымъ рѣзкимъ, исполненъ самыми гнусными клеветами и набросилъ самыя густыя тѣни на честь и личность патріарха Никона. Иванъ Шушеринъ, описывая это злополучное для патріарха Никона время, обходитъ всѣхъ другихъ извѣтчиковъ и останавливаетъ свое исключительное вниманіе на клеветахъ Іоны [1]). Подробныхъ правильныхъ разслѣдованій по всѣмъ этимъ доносамъ не производилось; не считали нужнымъ допрашивать другихъ лицъ, которыя могли бы подтвердить или ослабить силу сдѣланныхъ доносовъ и которыя сами по этимъ доносамъ являлись потерпѣвшими отъ Никона. При производствѣ этого слѣдственнаго дѣла ограни-

---

[1]) Шушеринъ, стр. 89, 91.

чивались тѣмъ, что снимали и записывали показанія нерѣдко въ присутствіи самого государя, бояръ и патріарха; дѣлали справки въ донесеніяхъ прежнихъ приставовъ при Никонѣ и посланныхъ къ нему прежде въ разныя времена царскихъ гонцовъ; выписки по этимъ справкамъ передавались теперь патріарху и по нимъ составлялось заключеніе о виновности Никона въ томъ или другомъ поступкѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ возбужденномъ теперь слѣдствіи по дѣлу патріарха Никона производилась оцѣнка жизни и дѣятельности его за все время десятилѣтняго заключенія его въ Ѳерапонтовскомъ монастырѣ; пересматривались вновь бумаги и дѣла по тѣмъ обвиненіямъ и вопросамъ, которые давно уже были рѣшены при прежнемъ государѣ или оставлены были имъ безъ послѣдствій, и которые теперь выставлялись пунктами новыхъ обвиненій противъ Никона и поводомъ къ его осужденію.

15 мая 1676 г. въ Духовъ день [1]) въ Москвѣ происходили окончательныя соборныя засѣданія по дѣлу Никона; на соборѣ присутствовали царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, патріархъ Іоакимъ, митрополиты — новгородскій Корнилій, ростовскій Іона, сарскій Варсонофій, рязанскій Іосифъ, нижегородскій Филаретъ, архіепископы — вологодскій Симонъ, смоленскій Симеонъ, суздальскій Стефанъ, тверской Симеонъ, коломенскій Павелъ, низшія духовныя власти и бояре. На соборѣ патріархомъ Іоакимомъ представленъ былъ обширный докладъ по дѣлу патріарха Никона [2]). Докладъ

---

[1]) Акты соборныхъ засѣданій неизвѣстны, но о состоявшихся соборныхъ опредѣленіяхъ узнаемъ по наказамъ, даннымъ патріархомъ Іоакимомъ 16 мая на имя разныхъ лицъ; такъ какъ съ датою отъ 15 мая сохранилась одна наказная память государя по поводу состоявшагося опредѣленія, а 14 число мая въ 1676 г. падало на Троицынъ день (Строева «Выходы царей» М. 1844, стр. 621), когда въ этотъ день и наканунѣ совершалось всегда торжественное служеніе патріарха въ соборахъ Архангельскомъ и Успенскомъ, то закрытіе соборныхъ засѣданій по дѣлу патріарха Никона и составленіе окончательнаго приговора о немъ мы относимъ къ 15 мая въ Духовъ день, который въ древней Руси торжественно не праздновался и церковныхъ служеній патріарха въ этотъ день никогда не было.

[2]) Докладъ этотъ приведенъ въ черновомъ спискѣ наказной грамоты па-

этотъ начинался краткимъ описаніемъ соборнаго опредѣленія 1666 г. по дѣлу Никона, какъ бывшіе тогда на соборѣ восточные патріархи „со усердіемъ“ просили царя Алексѣя Михайловича, „чтобъ то ихъ соборное дѣяніе было соблюдено безъ всякаго нарушенія, для того, что по истинному ихъ свидѣтельству его Никоново злоковарствіе на св. восточную церковь и на него, великаго государя, объявилось многое, чего и мыслити ему не годно“. Затѣмъ въ докладѣ сообщалось, что „блаженной памяти государь царь Алексѣй Михаиловичъ указалъ всему тому быти такъ, какъ въ соборномъ дѣяніи вселенскихъ патріарховъ и всего освященнаго собора написано, и послать его монаха Никона съ Москвы въ Ѳерапонтовъ монастырь и удоволити всякими довольствы, чтобъ ни въ чемъ ему никакія нужды не было; а что ево, Никона монаха, коварствъ и неправды по ихъ соборному истинному свидѣтельству объявилось предъ нимъ, великимъ государемъ, и того онъ, государь, для милосердія Божія къ себѣ, государю, *воспоминати не изволилъ*, желая того, дабы тѣмъ своимъ государскимъ милосердіемъ обратити его, Никона монаха, къ совершенному смиренію. И онъ, Никонъ монахъ, тое ево государскую милость надъ нимъ показанную ни во что вмѣнилъ, и судъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріарховъ и всего освященнаго собора вмѣнилъ быти неправедно, и вмѣсто смиренія показалъ гордость, и вмѣсто покоренія противность; и въ той своей гордости и противности паки учалъ прилагати злобу къ злобѣ и коварство къ коварству, и такія дѣла на соблазнъ людемъ учалъ вымышлять и хулу и укоризну на святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и на весь освященный соборъ приносить, чего и простолюдину мыслить ненадобно, и учалъ чинить послѣднее горше первыхъ. И какъ о всемъ томъ вѣдомо учинилося блаженныя памяти государю, и тогда онъ, великій государь, увидя его противленіе на соборное изло-

---

тріарха Іоакима отъ 16 мая на имя чудовскаго архимандрита Павла (Синод. свитокъ № XII).

женіе и на его государское милосердіе, совѣтовавъ въ Дусѣ съ нимъ, великимъ господиномъ святѣйшимъ Іоакимомъ патріархомъ, и говоря съ своими государевыми бояры, указалъ прежнее соборное изложеніе подтвердить вновь своимъ государевымъ указомъ [1]), и указалъ для подкрѣпленія приставамъ, которымъ быти у него, Никона, дать вновь статьи, чтобы онъ, Никонъ, отъ всѣхъ своихъ злыхъ замысловъ и противныхъ дѣлъ отсталъ и ктому бы не имяновался быти другимъ московскимъ патріархомъ, чего слышати не годится: правильно то святыми отцы отречено и отлучено. И въ нынѣшнемъ 184 (1676) году по указу великаго государя съ тѣми статьями на перемѣну прежнему приставу князь Самойлу Шайсупову посланъ Иванъ Ивановъ сынъ Ододуровъ, а велѣно ему о всемъ чинить противъ того, какъ въ статьяхъ написано".

Затѣмъ слѣдуетъ подробный докладъ о тѣхъ извѣстіяхъ и донесеніяхъ на патріарха Никона, какіе поступили въ Москву послѣ назначенія пристава Ододурова, съ описаніемъ порядка допросовъ и розысковъ по этимъ донесеніямъ и съ указаніемъ разныхъ обвиненій противъ Никона. Приводимъ этотъ докладъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ въ нашемъ документѣ, исключая только немногихъ мѣстъ, оскорбительныхъ для слуха и для памяти святѣйшаго патріарха Никона. Изложеніе этого доклада весьма необходимо, потому что въ немъ заключается вся основа для слѣдовавшаго за тѣмъ соборнаго опредѣленія по дѣлу опальнаго патріарха; на выставленныя здѣсь обвиненія патріархъ Никонъ даетъ потомъ свои отвѣты и объясненія; а самый докладъ о сущности полученныхъ извѣтовъ и ходѣ розысковъ по нимъ наглядно характеризуетъ степень безпристрастія извѣтчиковъ, слѣдователей и судей.

По отправкѣ Ододурова „великій государь царь Ѳедоръ Алексѣевичъ о Святомъ Дусѣ отцу своему и богомольцу святѣйшему

[1]) Въ черновомъ спискѣ наказной грамоты патріарха Іоакима на имя архимандрита Павла на этомъ мѣстѣ между строкъ были надписаны и опять зачеркнуты слѣдующія слова: «чтобъ за то отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ на великаго государя пореченія и клятвы, а соборное бъ изложеніе поругано не было».

Іоакиму патріарху изволилъ возвѣстить, что апрѣля въ 13 день къ нему, великому государю, писалъ изъ Ѳерапонтова монастыря прежній приставъ князь Самойло Шайсуповъ: говорилъ де ему, князь Самойлу, Никонъ монахъ, чтобъ взять Игнатья Башковскаго и дворовую его жонку Киликейку; а онъ де Никонъ вѣдаетъ на него, Игнатья, великаго государя великое и страшное дѣло, а сказать де ему нельзя; и прислалъ ему челобитную, а въ той челобитной онъ Никонъ написался патріархомъ; а о дѣлѣ великаго государя ничего не написалъ, какъ въ словесномъ своемъ извѣтѣ сказалъ, а написалъ на Игнатья Башковскаго о своемъ дѣлѣ, и чтобъ великій государь пожаловалъ его, велѣлъ про то спросить тѣхъ людей, которые у него Игнатья слышали; а какое дѣло, и то писано ниже сего. А Игнатій на Москвѣ въ томъ не заперся, а сказалъ, что онъ такія слова слышалъ отъ дворовой жонки своей Киликейки, о которой въ челобитьѣ Никоновѣ написано. Да онъ же Игнатей сказалъ, что Никонъ Кириллова монастыря крестьянина лѣчилъ, и тотъ крестьянинъ отъ ево лекарства умеръ. Онъ же Никонъ изъ пищали стрѣляетъ, и изъ кельи своей застрѣлилъ птицу баклана. Къ нему же, Никону, пріѣзжаютъ многіе сродники ево съ Курмыша, и побывавъ у него отъѣзжаютъ.

А князь Самойло Шайсуповъ допрашиванъ на Москвѣ, для чево онъ ево Никона монаха, попустилъ такія противности чинить. И князь Самойла въ сказкѣ за своею рукою написалъ, что онъ ево ни въ чемъ не слушалъ и никому слушать ево князя Самойла не велѣлъ; а какія противности Никонъ чинилъ и въ чемъ государское повелѣніе презиралъ, и то написалъ въ сказкѣ своей имянно: монахъ Никонъ велѣлъ себя называть и въ письмахъ писать святѣйшимъ патріархомъ; а онъ князь Самойла патріархомъ ево называть и въ письмахъ писать заказывалъ, и онъ Никонъ за то ево бранилъ и называлъ воромъ. Онъ же Никонъ на озерѣ и по дорогѣ на крестахъ подписалъ подписи: животворящій крестъ Христовъ поставилъ смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь на Бѣ-

лоозерѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ въ тюрмѣ; и на судахъ ево подписывано также. Онъ же, Никонъ, изъ своей кельи стрѣлялъ по птицѣ бакланѣ, обрапилъ и велѣлъ у ней крылья и голову и ноги отсѣчь за то, что она поѣдала у него рыбу; а сказывалъ ему про то сотникъ Андрей Есиповъ; а сотникъ про то сказалъ же. Онъ же Никонъ на кого осердится, и тѣхъ людей стрѣльцы и монастырскіе служки били палками и плетьми; а сотникъ сказалъ, что тѣ палки, чѣмъ били людей, лежали у кельи за карауломъ всегда. А что онъ, Никонъ, про воровство Стеньки Разина князь Самойлу говорилъ, и о томъ де всемъ блаженной памяти къ великому государю писалъ онъ, князь Самойла, и противъ той ево отписки присыланъ былъ къ Никону монаху изъ приказу тайныхъ дѣлъ голова московскихъ стрѣльцовъ Ларіонъ Лопухинъ, и то де писано у него, Ларіона, въ статьяхъ.

И противъ той ево сказки сысканы въ приказѣ тайныхъ дѣлъ статьи, каковы даны Ларіону Лопухину, а въ нихъ о томъ дѣлѣ противъ князь Самойловы сказки написано: Никонъ монахъ гововорилъ князь Самойлу Шайсупову, какъ де пріѣзжалъ къ нему окольничій Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ отъ блаженныя памяти великаго государя съ милостынею, и онъ де, Никонъ, тому окольничему Родіону Матвѣевичу о смятеніи и о разореніи отъ воровъ и измѣнниковъ казаковъ, чему впредь быти назначилъ; а ему де будто было назначено отъ Господа Бога; и то ево гаданье противно Господу Богу и христіанскому жительству, для того, что впредь будущее кромѣ Его Божія смотрѣнія вѣдать некому и въ христіанскомъ законѣ святыми отцы отречено. Да онъ же говорилъ ему, князь Самойлу, что при Степанѣ Наумовѣ въ Ѳерапонтовъ монастырь приходили три человѣка казаковъ—Ѳедька, да Еѳтюшка, а третьему имя припамятовалъ, а звали де ево, Никона, съ собою, чтобъ съ ними шелъ къ Кириллову монастырю, а ихъ де пришло по него 200 человѣкъ, а есть де готово и 5,000 человѣкъ, и чтобъ Степана Наумова убить до смерти и Кирилловъ монастырь разорить и съ тою бъ казною и съ пушки и съ за-

пасы идти на Волгу. И потому ево намѣренію знатно, что то извѣщеніе ему не отъ самого Господа Бога, а знатно — то дѣло ему стало вѣдомо отъ тѣхъ же воровскихъ людей, которые къ нему пріѣзжали; и чаятъ, что то смятеніе и кровопролитіе содѣяся отъ нихъ; а только онъ Никонъ хотѣлъ всякаго добра по Христовымъ заповѣдемъ, и онъ бы про такое великое дѣло не умолчалъ и тѣхъ воровскихъ казаковъ, которые къ нему приходили, велѣлъ ихъ переймать и къ государю къ Москвѣ прислать; а трехъ человѣкъ мочно было ему кѣмъ поймать; государевы служилые люди безпрестанно въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ для остереганья ево, Никона, были. А какъ милостію Божіею и заступленіемъ пресвятыя Богородицы и святыхъ московскихъ чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и Филиппа и преподобнаго отца Сергія Радонежскаго чудотворца моленіемъ, и блаженныя памяти великаго государя праведною молитвою то злое дѣло разрушилось, и враги подъ ноги его государскіе покорились, отступникъ и крестопреступникъ и измѣнникъ Стенька Разинъ и съ товарищи пойманы и смертію казнены, и только послѣ того онъ приходъ къ себѣ воровскихъ людей, какъ къ нему приходили [illegible] звали на воровство, объявилъ великому государю чрезъ [illegible] Шайсупова, только и то закрытымъ дѣломъ; а [illegible] сибирскихъ странѣхъ о томъ совѣтовали, и какіе люди къ [illegible] собирались, и гдѣ 200 человѣкъ донскихъ козаковъ стояли, и какихъ чиновъ 5,000 человѣкъ у нихъ было приготовлено и въ которыхъ мѣстахъ, и кто у нихъ такому воровству были имяны заводчики, про то не сказалъ; и то ево злое начинаніе къ великому государю и ко всему московскому государству, а не доброхотство. Да на тожъ его зломысліе и въ дѣлѣ явилось; какъ Стенька Разинъ привезенъ къ Москвѣ, и въ то время въ распросѣ у пытки и со многихъ пытокъ и съ огня сказалъ: пріѣзжалъ къ Сибирску старецъ отъ него, Никона, и говорилъ ему, чтобъ ему идти вверхъ Волгою, а онъ Никонъ въ свою сторону пойдетъ для того, что ему тошно отъ бояръ, да бояре же де переводятъ государскія сѣмена; и тотъ де

старецъ изъ подъ Синбирска ушолъ; а сказывалъ де ему тотъ старецъ, что у Никона есть готовыхъ людей съ 5,000 человѣкъ, а тѣ де люди у него готовы на Бѣлѣозерѣ, и тотъ старецъ на бою былъ, исколол своими руками сына боярского при немъ, Стенькѣ. А товарищъ ево, Стенькинъ, Лазорка въ распросѣ жъ и съ пытокъ и съ огня сказалъ, что старецъ отъ Никона къ Стенькѣ приходилъ на Царицынъ и былъ подъ Синбирскомъ; а для чего приходилъ, того не вѣдаетъ; а отъ Степьки слышали всѣмъ войскомъ, что старецъ отъ Никона былъ съ тѣми словами, что писано выше сего; да и братъ Стенькинъ Фролка съ пытокъ говорилъ тѣ же рѣчи.

Да какъ по указу блаженныя памяти великаго государя были у него, Никона, Козма Лопухинъ, да дьякъ Перфилей Оловенниковъ для его государевыхъ дѣлъ, и въ то время говорилъ имъ онъ, Никонъ, что у него въ туркахъ живутъ свойственные 4 человѣка стряпчихъ и денги къ нимъ посланы, и цареградскій патріархъ проклялъ патріарховъ, которые ево, Никона, судили, и бранилъ патріарховъ вселенскихъ и называлъ ворами.

Онъ же Никонъ писалъ блаженныя памяти къ великому государю и прислалъ роспись, что онъ излѣчилъ мужеска полу и женска и дѣвокъ много число, а какимъ лѣкарствомъ, про то имянно не написалъ; а Козмѣ Лопухину и Перфилью Оловенникову сказывалъ, что ему было видѣніе: отнято де у тебя патріаршество, и тебѣ за то дана чаша лѣкарственная, лѣчи болящихъ. А сказывалъ де имъ бѣлозерецъ Игнатей Башковскій, что отъ того лѣкарства многіе помираютъ. А Игнатей сказалъ, что отъ Никонова лѣкарства помирали многіе, а никово не объявилось, чтобъ излѣчились.

Да на него жъ, Никона, подалъ на Москвѣ Ѳерапонтова монастыря служка Ивашко за своею рукою извѣтное письмо; а въ письмѣ написалъ: во 183 (1674) году на праздникъ Рождества пресвятыя Богородицы приходили къ нему, Никону, ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасей, да казначей Іона съ образомъ, а на немъ на

поляхъ написаны преподобные отцы Ѳерапонтъ, да Мартиніанъ; и онъ, увидя тотъ образъ, на нихъ кричалъ и говорилъ, что за мужики написаны, и велѣлъ ихъ скресть и той иконы у нихъ не принялъ. Онъ же Никонъ, по преставленіи блаженныя памяти великаго государя царя Алексѣя Михаиловича во всю четыредесятницу пилъ до пьяна, и напився монастырскихъ всякихъ чиновъ людей мучилъ безвинно, и по ево приказу стрѣльцы служекъ и крестьянъ били плетьми, а иные сидятъ на чѣпяхъ; да по его жъ приказу старца Паѳнотія били на правежѣ недѣлю въ четыредесятницу жъ. Онъ же, Никонъ, билъ своими руками ѳерапонтовскаго слушку Ѳомку Обросимова водянымъ деревомъ, и отъ тѣхъ побой онъ умре. Въ 183 году въ день Благовѣщенья пресвятыя Богородицы по ево жъ Никонову приказу келейные ево люди били палками конюшеннаго старца Лаврентія; и послѣ того на свѣтлой недѣлѣ онъ, Никонъ, того старца запоилъ виномъ сильно и онъ отъ того питья умре. Въ благовѣщеньевъ же день по ево жъ Никонову приказу стрѣльцы били палками дьячка Сенку Богданова. Онъ же, Никонъ, у себя въ кельи билъ своими руками слушку Ганку Микифорова. Въ день Алексѣя человѣка Божія по ево жъ Никонову приказу стрѣльцы и келейники ево били его, извѣтчика Ивашку, палками и плетьми трожды и покинули его замертво. Въ тотъ же день по ево жъ приказу стрѣльцы и служебники били плетьми дьячка Андрюшку Филиппова. Къ нему жъ, Никону, приходятъ ѳерапонтовской игуменъ съ братіею и слушки и служебники въ свѣтлое Христово воскресенье и въ иные праздники, и онъ сидя въ креслахъ даетъ имъ цѣловать въ руку. Онъ же Никонъ учинилъ у себя приказъ и губу, а судьею у него черный дьяконъ Мардарій, а въ подъячихъ монастырскій слушка Ѳомка Матвѣевъ. Въ нынѣшнемъ 184 году марта въ 5 день къ нему жъ, Никону, пріѣзжала вотчины Кириллова монастыря крестьянская дочь дѣвка 20 лѣтъ съ братомъ съ малымъ ребенкомъ для лѣчбы, и онъ ту дѣвку запоилъ до пьяна и она отъ того умре.

Да апрѣля въ 18 день писалъ къ великому государю Иванъ

Ододуровъ, что у Никона монаха построены кельи многіе житей съ 25, а изъ тѣхъ келей подѣланы сходы и всходы и окна большіе въ монастырь и за монастырь, а живущихъ въ тѣхъ кельяхъ всякихъ чиновъ люди человѣкъ съ 10; да у него жъ де сдѣланы переходы по монастырской стѣнѣ черезъ сушильные полаты къ церквамъ, что на святыхъ воротѣхъ, на 30 саженяхъ, а по тѣмъ переходамъ подѣланы окна большіе—на монастырь и за монастырь; а стрѣльцовъ съ нимъ послано мало и въ такомъ великомъ мѣстѣ карауловъ тѣми стрѣльцы обнять не мочно.

Да апрѣля жъ въ 29 день писалъ къ великому государю онъ же, Иванъ Ододуровъ, и прислалъ къ Москвѣ Никонова келейника старца Іону серебряка, для того, что онъ сказалъ за собою государево дѣло. А въ распросѣ онъ, Іона, сказалъ, государево де дѣло за нимъ то: монахъ Никонъ живетъ не по монашески, въ церковь ходитъ мало и за великаго государя и за святѣйшаго патріарха Бога не молитъ, и священникамъ, которые живутъ у него, тожъ чинить приказалъ; и когда бываетъ въ церкви, и въ то время никово не пущаетъ; а причащается въ олтарѣ у престола съ служащимъ попомъ Варламомъ вмѣстѣ; а отца де духовнаго не имѣетъ у себя четвертый годъ; а на эктеніяхъ только поминаетъ себя патріархомъ московскимъ; и государево жалованье присланное къ нему ни вочто ставитъ и ногами топчетъ, и всякими непстовыми словами великаго государя злословитъ, о чемъ и помыслить страшно.

Да передъ великимъ государемъ и передъ святѣйшимъ патріархомъ князь Самойло Шайсуповъ сказалъ [1]): Никонъ монахъ говорилъ ему, Шайсупову, что явился ему Христосъ и далъ чашу со всякимъ благовоніемъ лѣчить людей. Онъ же говорилъ, что надобно освященнымъ масломъ всѣ уды помазывать, а... гдѣ живот-

---

[1]) Эти слова въ рукописи вставлены вмѣсто слѣдующихъ зачеркнутыхъ: «да отъ великаго государя къ святѣйшему патріарху изъ извѣту князь Самойла Шайсупова прислана въ его Никоновыхъ непристойныхъ словахъ и дѣлахъ выписка, а въ ней написано».

ворящимъ крестомъ не заграждено и масломъ не помазано, бѣсъ вселяется. Онъ же, Никонъ, лѣчитъ мужескъ полъ и женскъ въ крестовой кельѣ и молитвы надъ ними говоритъ и масломъ помазуетъ. Къ нему жъ, Никону, приходятъ жонки и дѣвки будто для лѣкарствъ, а онъ съ ними сидитъ одинъ на одинъ, и обнажаетъ ихъ донага будто для осмотру больныхъ язвъ; а отъ ево лѣкарства многіе помирали. Онъ же дѣвокъ и молодыхъ вдовъ называетъ дочерми и сговариваетъ ихъ замужъ у себя въ кельи, а послѣ вѣнчанья приходятъ къ нему въ келью... и сидятъ у него до полуночи. Онъ же жонку... служню жену выдалъ замужъ въ неволю, а женихъ на ней не хотѣлъ жениться, и онъ, Никонъ, того жениха билъ плетьми и женилъ въ неволю. Онъ же, Никонъ, говорилъ Козмѣ Лопухину да Ѳеоилью Оловенникову, что Игнатья Башковскаго жонка извѣщала ему, будто онъ, Игнатій, живетъ съ нею блудно; а онъ де, Никонъ, давъ ей рубль, отпустилъ... Онъ же на сырныхъ и свѣтлой недѣляхъ и въ иные праздники дѣлаетъ пиры частые на слободскихъ жонокъ и поитъ ихъ допьяна, и въ слободу отвозятъ ихъ на монастырскихъ подводахъ замертво. Онъ же постригъ Козлову дѣвку Марѳутку бѣляну и вкладъ за нее далъ. Онъ же дѣвкамъ и молодымъ жонкамъ даетъ милостыню большую алтынъ по 20 человѣку, а старымъ по денгѣ... Да къ нему же въ келью ходитъ безпрестанно ѳерапонтовскаго крестьянина Микиткина жена чекмаря, а про то извѣтчику Ивашку сказывалъ того жъ монастыря слушка Микитка Исаевъ. Да къ нему же пріѣзжала по часту маіора Алимпіева жена Валутина Настасья... Онъ же, Никонъ, въ гости ѣздитъ къ Петру Рудневу, къ Сергѣю Кузмину къ Козлову и къ князю Самойлу ѣздилъ же" [1]).

Такова сущность обвинительнаго акта, представленнаго и читаннаго на соборѣ 1676 года по дѣлу патріарха Никона. Насколько были справедливы эти обвиненія, увидимъ ниже изъ отвѣ-

---

[1]) Большая часть мѣстъ изъ извѣтовъ Іоны и пристава Шайсупова, которыя здѣсь пунктированы точками, приведена въ исторіи Соловьева (т. XIII, стр. 378 примѣчаніе 190),

товъ и обясненій на нихъ самого патріарха. Теперь же приводимъ состоявшееся по поводу этихъ обвиненій соборное опредѣленіе. „И великій господинъ святѣйшій Іоакимъ патріархъ московскій и всея Русіи слыша [1]) о тѣхъ ево Никоновыхъ непристойныхъ и неистовыхъ дѣлехъ, которыя писаны выше сего [2]), разсуждалъ соборнѣ съ преосвященными митрополиты и архіепископы, что онъ, Никонъ монахъ, ни въ чемъ соборному дѣянію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и всему освященному собору не повинуется и, забывъ долготерпѣніе и милость блаженныя памяти великаго государя царя Алексѣя Михайловича, вымышляетъ многія коварства на соблазнъ людемъ и ко всякому злу, зѣло о томъ болѣзноваше, что онъ, Никонъ, нимало отъ прежней своей злобы не престанетъ, и ради милосердія Божія и для памятованія блаженныя памяти великаго государя царя Алексѣя Михайловича, памятуя его государскую къ нему, Никону, милость и долготерпѣніе, не яростне о немъ, Никонѣ, противъ злотвореній его разсуждаетъ, но тщательнѣ и по разсужденію святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ и всего освященнаго собора паки усердствуетъ, дабы его, Никона, отъ всякаго злаго его намѣренія отлучить и въ совершенное отчаяніе его не допустить, чтобы онъ прежнее и нынѣшнее свое согрѣшеніе покаяніемъ очистилъ и приложеніе добродѣтелемъ пріялъ и спасенія сподобился; изволилъ о тѣхъ всѣхъ его противностяхъ совѣтовать паки съ великимъ государемъ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, и говорили съ его государевыми бояры, и окольничими и думными людьми; и присудиша изъ того Ѳерапонтова монастыря вывести его въ Кирилловъ монастырь, для того, что онъ жилъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ своею волею въ небреженіи о душѣ своей, а въ Кирилловѣ монастырѣ жити ему подъ волею того монастыря безъисходно, аще и не хотящу ему своего спасенія, обаче держати къ нему, Никону, великое призрѣніе къ обращенію его и къ покаянію прилежно; а на злыя дѣла ево не

---

[1]) Въ черновой рукописи зачеркнуты слова: «отъ великаго государя царя».

[2]) Также зачеркнуты здѣсь слова: «и слушавъ изъ извѣтнаго писма князя Самойла Шайсупова выписки».

попускать, а нищею и одеждою ево довольствовать изобильно, токмо того брещи, да не дерзаетъ паки тоящде творити, яже о немъ извѣстися выше сего. И для того послать въ Ѳерапонтовъ монастырь отъ великаго государя отъ его царскаго синклита, ково онъ, великій государь, укажетъ, а отъ него, святѣйшаго патріарха, послати духовнаго чина потомужъ, ково онъ святѣйшій патріархъ благоволитъ."

Тогда же государь по совѣту и благословенію патріарха Іоакима указалъ послать въ Ѳерапонтовъ монастырь думнаго дворянина Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго и съ нимъ дьяка Семена Румянцева для тѣхъ дѣлъ, которыя подлежали его государскому суду, а патріархъ благоволилъ отъ себя послать чудовскаго архимандрита Павла для тѣхъ дѣлъ, которыя подлежали суду патріаршему. 15 мая отъ имени государя послана память въ ямской приказъ о заготовкѣ подводъ архимандриту и Желябужскому [1]); а 16 мая выдана и та наказная грамота патріарха Іоакима на имя чудовскаго архимандрита Павла съ подробнымъ изложеніемъ соборнаго приговора по дѣлу опальнаго Никона, изъ которой приведены изложенныя свѣденія о составѣ членовъ собора и о бывшихъ на немъ разсужденіяхъ [2]). Къ этой наказной грамотѣ приложена подробная инструкція, которой архимандритъ Павелъ и Желябужскій должны были держаться при выполненіи даннаго имъ порученія и по которой они должны были опредѣлить жизнь Никона въ Кирилловомъ монастырѣ. Въ инструкціи предписывалось имъ по пріѣздѣ въ Ѳерапонтовъ монастырь прежде всего идти въ соборную церковь и изъ ней послать пристава къ Никону съ объявленіемъ, что прибыли къ нему отъ государя и патріарха особыя лица для великаго дѣла и чтобы онъ шелъ къ нимъ въ соборную церковь. По приходѣ Никона въ

---

[1]) Черновой списокъ этой памяти въ синодальномъ свиткѣ.

[2]) Того же содержанія, но не съ такимъ подробнымъ изложеніемъ дѣла двѣ грамоты патріарха Іоакима отъ 16 мая выданы и на имя властей Кирилловскаго и Ѳерапонтовскаго монастырей (черновые списки ихъ въ синод. свиткѣ, тутъ же и память патріарха въ казенный патріаршій приказъ о выдачѣ архимандриту Павлу прогонныхъ денегъ, 8 р. 25 алт. 2 денги).

соборъ архимандритъ долженъ объявить ему то же самое и потомъ приказать дьяку честь изъ наказа, что въ немъ написано выше, о томъ, какъ о немъ судили прежде вселенскіе патріархи съ освященнымъ соборомъ и какъ онъ потомъ ихъ осужденіе пренебрегъ. По прочтеніи наказа архимандритъ обязанъ предложить Никону вопросные пункты для его отвѣта, а именно: „лѣкарственная чаша, о которой ты сказывалъ Козмѣ Лопухину и Оловенникову, будто тебѣ было видѣніе, явился тебѣ Христосъ и сказалъ: отнято отъ тебя патріаршество, такъ въ замѣнъ того дана чаша лѣкарственная, лѣчи болящихъ, въ которое время и какимъ образомъ дадеся, и гдѣ она у тебя нынѣ? и отъ той чаши мужескъ и женскъ полъ какимъ лѣкарствомъ лѣчилъ? и кто тебя тому лѣкарству училъ? въ прошломъ году присланы тобою царю Алексѣю Михаиловичу росписи будто ты многихъ вылѣчилъ, и по той росписи многіе изъ лѣчимыхъ тобой нынѣ уже умерли, и объявилось, что ты ихъ запаивалъ до смерти. Да ты въ челобитныхъ и письмахъ прежде называлъ и до нынѣ называешь себя патріархомъ, и возлагаешь на себя панагію и сказываешь, что это панагія св. Петра митрополита; а государю, патріарху и собору то сумнительно. потому что въ прошломъ 1666 году ты вполнѣ отлученъ отъ патріаршаго сана и сталъ простымъ монахомъ, и послѣ тебя престолъ содержали патріархи Іаосафъ, Питиримъ, а нынѣ держитъ Іоакимъ". Архимандритъ Павелъ долженъ говорить ему и овсѣхъ его проступкахъ, изложенныхъ въ наказѣ, за тѣмъ объявить о рѣшеніи собора, что жить ему въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ по своей воли болѣе не удобно и что велѣно отослать его въ Кирилловъ монастырь. А если Никонъ въ церковь къ нимъ не пойдетъ, то имъ самимъ идти къ нему въ келью; если и здѣсь онъ учинитъ своеволіе, и въ церковь не пойдетъ и въ келью не пуститъ, то архимандриту говорить ему многократно и „милостивно," что они присланы отъ великаго государя и патріарха по важному дѣлу и чтобы онъ Никонъ противности имъ не чинилъ. А въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ осмотря всѣ его кельи извнутри и укрѣпя замками, двери всѣ запечатать архимандриту

и думному дворянину своими печатями и приказать монастырскимъ властямъ поставить къ нимъ крѣпкій караулъ; а келейныхъ Никоновыхъ старцевъ, попа и дьякона и иныхъ черпецовъ, взять въ Кирилловъ монастырь, весть ихъ туда порознь и въ Кирилловомъ монастырѣ такъ же держать ихъ „въ крѣпи" порознь Въ Кирилловомъ монастырѣ приказать властямъ очистить кельи, въ которыхъ жилъ строитель Матвѣй и взять у властей двухъ старцевъ искусныхъ и добрыхъ, кому можно вѣрить, и велѣть имъ жить съ Никономъ монахомъ въ тѣхъ кельяхъ и воздавать ему подобающую честь, ничѣмъ его не безчестить, всякую келейную потребу ему исполнять, пищу и питье передъ нимъ поставлять; а иныхъ иноковъ и мирскихъ людей въ келью къ нему не пускать, и никакихъ писемъ писать ему не велѣть, чернилъ и бумаги ему не давать; а книги печатныя исправленныя, почему бы отправлять церковное и келейное правило, у него держать; а когда за немощь ему въ церковь идти будетъ не возможно, то властямъ велѣть отпускать къ нему искуснаго священника и псаломщика. А въ церкви Никону стоять съ молчаніемъ, чтобы отъ него не было никакого церковнаго мятежа. За монастырь же никогда его не выпускать и никакого припошенія къ нему не принимать. Пищу и питье для него держать излишнія противъ братіи, въ разрѣшенные дни давать изъ живыхъ рыбъ, а въ постные дни прибавочныя постныя кушанья, также и питье, пиво и медъ выдавать добрыя, чтобъ было ему по потребѣ. Да изъ того же монастыря дать ему трехъ служекъ, да повара и приспѣшника добрыхъ, кому можно вѣрить. А кирилловскимъ властямъ объявить, что за нарушеніе всѣхъ этихъ наказовъ имъ грозитъ отъ патріарха жестокое смиреніе. Устроивъ такъ въ Кирилловомъ монастырѣ, архимандриту и дворянину ѣхать опять въ Ѳерапонтовъ монастырь, взявъ съ собою и келейныхъ старцевъ Никона, и здѣсь въ кельяхъ Никона, и въ сушилахъ, на погребахъ и дѣловыхъ дворахъ все переписать; сушиленные запасы и питья отправить въ Кирилловъ монастырь и держать тамъ для потребъ Никона; деньги, платье и посуду, на которой нѣтъ его подписей, описавъ по статьямъ,

отвесть туда же и отдать въ казну подъ росписку. А поставленные Никономъ кресты съ надписями со всѣхъ мѣстъ снять честно и внесть въ Ѳерапонтовъ монастырь, и тѣ подписи срѣзать, а кресты положить въ сокровенное мѣсто, куда никто не входитъ; а суды по росписи отдать въ казну Кириллова монастыря. Печатныя книги, взятыя Никономъ изъ монастырей, возвратить, откуда взяты; а письма, писанныя скорописью и уставомъ Никоновой руки или чьи другія, привесть въ Москву. Келейныхъ старцевъ Никона распросить „съ великимъ пристрастіемъ," не посылалъ ли Никонъ какихъ либо писемъ въ другіе монастыри или къ мірскимъ людямъ, не раздавалъ ли онъ денегъ ѳерапонтовскимъ старцамъ или мірянамъ, и не спрятаны ли у него деньги въ землѣ или въ какомъ либо скрытномъ мѣстѣ. Всѣ Никоновы лѣкарства, коренья, травы, водки, мази, сжечь на огнѣ и бросить въ рѣку, чтобы отъ него ничего не осталось. Попа Варлаама и дьякона Мардарія послать въ Крестный монастырь и, сдавъ ихъ тамошнему архимандриту, держать подъ крѣпкимъ началомъ, чтобы не ушли оттуда; Кузмѣ же старцу, если онъ лежитъ въ разслабленіи, позволить остаться въ больницѣ Ѳерапонтова монастыря, а если здоровъ, привесть его къ Москвѣ. Лошадей и другой скотъ, взятый изъ монастырей, возвратить на прежнее мѣсто подъ росписку; а что изъ скота куплено на келейныя Никоновы деньги, отдать въ Кирилловъ монастырь. Кельи Никона всѣ запечатать. Исполнивъ все по наказу, архимандриту Павлу и Желябужскому ѣхать къ Москвѣ и всѣ свои переписныя книги представить патріарху Іоакиму.

Напрасны были опасенія встрѣтить сопротивленіе со стороны Никона при переводѣ его изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кирилло-бѣлозерскій. Архимандритъ Павелъ представилъ подробное донесеніе объ этомъ переводѣ и въ донесеніи обращалъ особенное вниманіе на описаніе дѣйствій Никона за это время [1]). Архимандритъ Павелъ и Желябужскій прибыли въ Ѳерапонтовъ монастырь

[1]) Донесеніе архимандрита Павла о выполненіи даннаго ему порученія въ подлинникѣ находится въ синодальномъ свиткѣ № XII.

утромъ 4 іюня; когда они вошли въ соборъ, тамъ только что началась обѣдня: они отправили пристава Ивана Ододурова и стрѣлецкаго сотника Кирилла Кокошева къ Никону съ приглашеніемъ прибыть въ соборную церковь; Никонъ сряду же далъ согласіе явиться къ нимъ, только спрашивалъ о времени, когда ему идти. Послѣ литургіи къ нему посланы кирилловскій архимандритъ Никита съ келаремъ старцемъ Гедеономъ и ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій съ сотникомъ Кокошевымъ для провода его въ церковь; Никонъ пришелъ сюда вскорѣ и указъ великаго государя и патріарха выслушалъ „со смиреніемъ и безъ всякаго прекословія", какъ нарочно записано о томъ въ донесеніи. Думный дворянинъ Желябужскій вначалѣ сталъ грубо обращаться съ опальнымъ патріархомъ, по словамъ Шушерина, онъ „рыкнувъ яко левъ свирѣпо на блаженнаго и нача пески неистовыя слова износити", но сряду же остановленъ былъ спокойнымъ замѣчаніемъ патріарха на неумѣстность его обличеній [1]). Выслушавъ указъ, патріархъ давалъ на предложенные ему вопросы свои объясненія и отвѣты, которые тутъ же записаны были дьякомъ Румянцевымъ и послѣ вошли въ составъ донесенія архимандрита. Хотя въ письменной передачѣ эти отвѣты и должны были утратить нѣсколько изъ своихъ первобытныхъ чертъ, но они не утратили своей внутренней силы, поразительной простоты и убѣдительности, которыми отличались всѣ рѣчи, письма и сочиненія патріарха Никона. Въ этихъ отвѣтахъ мы видимъ того же великаго Никона, хотя и много испытавшаго въ жизни, изстрадавшагося въ заключеніи, но не утратившаго своей энергіи. Въ своихъ отвѣтахъ онъ побѣдоносно опровергъ всѣ злобно направленныя противъ него клеветы и обвиненія. Теперь, въ послѣдній разъ въ жизни своей, онъ оправдывался и говорилъ: „которые козаки у него были, ихъ присылалъ къ нему Степанъ Наумовъ съ стрѣльцами; а говорили ему тѣ козаки: есть де у нихъ въ сборѣ человѣкъ съ 200 и больши

---

[1]) Шушер., стр. 92.

въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, а какіе люди и гдѣ они стояли, того ему не сказали; а изымать ему тѣхъ людей не кѣмъ; а къ Разину въ Симбирскъ старца никаково не посылалъ и про 5000 человѣкъ не приказывалъ и вверхъ Волгою Разина звать не велиналъ. Козмѣ Лопухину онъ такихъ словъ не говаривалъ, что у него въ Царьградѣ есть стряпчіе и деньги къ нимъ посланы; и про цареградскихъ патріарховъ, которые его судили, про проклятіе не сказывалъ и вселенскихъ патріарховъ не бранилъ; а говорилъ только, что у него въ Царьградѣ есть знакомые гречане, и онъ прежъ сего имъ писывалъ и посылалъ къ нимъ изъ Воскресенскаго монастыря племянника своего; и тотъ ево племянникъ изыманъ въ черкасскихъ городѣхъ и про то извѣстно блаженныя памяти царю Алексѣю Михаиловичу; а опричь того онъ не писывалъ и съ Козмою Лопухинымъ про цареградскую посылку больше того не говорилъ. А что онъ, Никонъ, писалъ къ царю Алексѣю Михаиловичу и прислалъ роспись людей, ково онъ лѣчилъ [1]), и у тѣхъ

---

[1]) Краткій списокъ исцѣленныхъ п. Никономъ лицъ, присланный имъ государю, сохранился въ государственномъ архивѣ. Въ рукописяхъ библіотекъ (Воскресенскаго монастыря № 129 л 147—158, румянцевскаго музея изъ собранія Ундольскаго № 415 л. 379—403, Императорскій публичной Q I № 612 л. 67—81) сохранились подробныя записи объ исцѣленіяхъ, совершенныхъ п. Никономъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, съ указаніемъ не только именъ и званія лицъ исцѣленныхъ, но и времени исцѣленія ихъ отъ той или другой болѣзни. Записи эти носятъ заглавіе: «Дѣла святѣйшаго Никона патріарха, паче же рещи чудеса врачебная, яже содѣяше живъ сый во изгнаніи въ Ѳерапонтовѣ и въ Кирилловѣ монастырехъ». Предисловіе къ этимъ записямъ издано въ печати (Историческій Вѣстникъ, 1880, августъ, стр. 793 — 794). Всѣхъ исцѣленныхъ по этимъ записямъ, за время отъ 1673 по 20 марта 1676 года, значится 132 человѣка, въ числѣ ихъ 68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ; большинство больныхъ было изъ бѣлозерскаго края, но много лицъ приходило изъ дальнихъ мѣстъ изъ-за Вологды, Заонежья, Ярославля, Костромы, Москвы, Твери, Новгорода. По сословіямъ большинство исцѣленныхъ происходило изъ крестьянъ (до 80 человѣкъ), но были лица изъ торговыхъ и посадскихъ людей, боярскихъ дѣтей и дворянъ, изъ духовныхъ (въ числѣ послѣднихъ два приходскихъ священника). Разнообразны и виды болѣзней, отъ которыхъ исцѣлялъ п. Никонъ: падучая (38 случаевъ), страхованія отъ бѣсовъ (15), забывчивость, мнительность, безуміе (13), порча (3), «черная болѣзнь» (12), «галичская» (11), разслабленіе членовъ (10), язвы — «волосатикъ» (3),

де людей онъ лѣчилъ больныя мѣста, помазывалъ масломъ и говорилъ надъ ними молитвы, и отъ того ево лѣкарства милость Божія и исцѣленіе многимъ людемъ бывала, а про то онъ не слыхалъ, чтобъ отъ ево лѣкарства кто умеръ. Дѣвка де и малой къ нему приходили больные, одержимы были нечистымъ духомъ, и онъ говорилъ надъ ними молитвы; и дѣвка де отъ той болѣзни умре, а не отъ ево опойства и лѣкарства, а онъ де той дѣвкѣ никакихъ напивковъ не давалъ. Угодниковъ Божіихъ онъ мужиками не называлъ; а который образъ онъ не принялъ, и онъ де говорилъ, для чего де Ѳерапонта и Мартиніана пишутъ на иконахъ, а они де не свидѣтельствованы [1]). Крестьянина Ѳомку онъ водянымъ деревомъ не бивалъ и отъ ево побою онъ не умирывалъ; а умеръ онъ своею смертію; а остались де послѣ его жена и дѣти, и они де вѣдаютъ, какъ онъ умеръ. Старца конюшеннаго онъ не опаивалъ; а умеръ онъ не отъ ево питья, а онъ де пьяница былъ вѣдомой. Ивашка де Кривозуба, который на него

«трясавица и гнетеница» (6), слѣпота (3 случая); было по одному случаю исцѣленія горбатой, отъ зубной боли, кровотеченія, килы, «проходъ занимался», «тайная болѣзнь»; младенцы исцѣлялись отъ «зыбашника». При исцѣленіяхъ читались молитвы, больные помазывались елеемъ, окроплялись св. водою и благословлялись патріархомъ. Изъ другихъ данныхъ извѣстно, что больнымъ давались и лѣкарства, которыя составлялъ самъ патріархъ изъ травъ и солей, выписанныхъ имъ изъ Москвы; патріархъ былъ знакомъ не только съ народною, но и научною медициною; въ маѣ 1658 г. инокъ Епифаній Славинецкій перевелъ для него «дохтурскую книгу», за что получилъ 10 рублевъ (Расходная книга патріаршаго казеннаго приказа въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи № 43 л. 251).

[1]) На московскомъ соборѣ 1549 года установлено только мѣстное чествованіе преподобныхъ Ѳерапонта и Мартиніана бѣлозерскихъ; по этому поводу агіографъ, писавшій житія ихъ, высказываетъ свое недовольство на такое опредѣленіе собора и предсѣдательствовавшаго на немъ московскаго митрополита Макарія: изображенія этихъ святыхъ въ XVII вѣкѣ внесены были въ «иконописные подлинники» и писались на отдѣльныхъ иконахъ. (*Барсукова* Источники русской агіографіи, Спб. 1882 г., стр. 355. 614); въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ устроенъ былъ придѣлъ во имя преп. Ѳерапонта, основателя монастыря. Патріархъ Никонъ въ своихъ завѣщаніяхъ о чествованіи преп. Ѳерапонта и Мартиніана былъ правъ, когда смотрѣлъ на это чествованіе какъ только мѣстное, необязательное для всей русской церкви.

извѣщалъ, за ево воровство по сыску били онъ, Никонъ, съ игуменомъ и съ священники вмѣстѣ; и подалъ архимандриту Павлу сыскное дѣло про него, Ивашка, а сказалъ: все де ево Ивашкино воровство въ семъ дѣлѣ объявится. Въ руку свою онъ, Никонъ, неволею цѣловать никому не веливалъ; а которые люди къ нему прихаживали, и онъ имъ въ руку цѣловать давалъ. Губы де онъ у себя не заводилъ, а сыскивали де они съ игуменомъ вмѣстѣ про Ивашка, про котораго выше сего сказано. Кельи ево строены по указу великаго государя царя Алексѣя Михаиловича, а тотъ государевъ указъ о строеньи келей сказалъ Козма Лопухинъ; а въ церкви, что на воротахъ, ходилъ онъ по указу великаго государя; а по его челобитью для его приходу къ той церкви государь пожаловалъ для службы церковные сосуды и ризы и стихари и всякую церковную утварь. А за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ въ церкви Божіей и въ келейномъ правилѣ повсечастно онъ Бога молитъ, а за Іоакима патріарха онъ Бога не молитъ, потому что писалъ вологодскій архіепископъ въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за патріарха, потому что отъ него Іоакима всякое зло учинилось и нынѣ его губитъ; а понамъ де онъ за патріарха Іоакима Бога молить не заказывалъ. Съ служащимъ онъ съ священникомъ Варлааномъ причащался у престола въ олтарѣ, а у отца де духовнаго онъ не бывалъ года три, потому что отецъ его духовной кирилловскій архимандритъ къ нему, Никону, не ѣздитъ. А на эктеніяхъ священники и дьяконы какъ хотятъ, такъ его поминаютъ, а онъ де имъ не заказывалъ; а московскимъ патріархомъ онъ себя называть не веливалъ и никого къ такому дѣлу не принуживалъ. Которые де присыльщики пріѣзжали отъ великаго государя царя Алексѣя Михаиловича и его, Никона, называли великимъ святымъ отцемъ. Государева жалованья, что къ нему присылано, онъ ногами не топталъ и принималъ всякую посылку съ благодареніемъ и великаго государя ничѣмъ не злословилъ и поносныхъ словъ никакихъ не говаривалъ. Больныхъ де женокъ и дѣвокъ до стыдныхъ мѣстъ не

обнаживалъ, и эти мѣста самъ не помазывалъ, а давалъ имъ тѣ больныя мѣста мазать самимъ и говорилъ де молитвы надъ ними. А Ивашко де Ивановъ, который на него извѣщалъ, самъ къ нему, Никону, приходилъ, а сказывалъ на себѣ болѣзнь, что приходятъ къ нему бѣси; и онъ де ево масломъ помазывалъ; и Ивашко послѣ помазыванья ему, Никону, сказывалъ, что та болѣзнь отъ того у него миновалась. [1]) А при князь Самойлѣ Шайсуповѣ для лѣкарства къ нему хаживали, и онъ князь Самойло для лѣкарства и милостыни къ нему ходить всякимъ людемъ не заповѣдывалъ [2]); а только бъ де отъ него, Самойла, заказъ былъ, и онъ бы къ себѣ никого не пущалъ; а какъ де Иванъ Ододуровъ пріѣхалъ и не велѣлъ ему къ себѣ никого пускать, и онъ съ того времени никому къ себѣ ходить не велѣлъ. Въ крестовой де кельи онъ, Никонъ, надъ болящими молитвы говаривалъ и масломъ помазывалъ. Въ кельи онъ, Никонъ, женокъ и дѣвокъ у себя замужъ не сговаривалъ, и послѣ вѣнчанья въ кельи къ себѣ ихъ не имывалъ, и доньяна ихъ не напивалъ, и до полуночи у него не сиживали; а дѣвкамъ де и жонкамъ бѣднымъ, сиротамъ, и всякимъ скуднымъ людемъ на пропитаніе и на платье денги и хлѣбъ давалъ при стрѣльцахъ. Жонки де брюхатой сильно онъ замужъ выдавать не веливалъ, и жениха ея плетьми не бивалъ. Игнатьевой жонкѣ Башковскаго рубль денегъ далъ для ея бѣдности, а не для (худого) дѣла; да и самому Игнатью для его бѣдности денги давывалъ [3]). Келейникъ Никитка жены своей къ

---

[1]) Въ записяхъ исцѣленныхъ патріархомъ въ январѣ 1675 года значится и Ѳерапонтова монастыря служка Иванъ Кривозубъ, «боленъ былъ, бѣсовскій шумъ слышалъ и хотѣли задушить, молитвы говорены и сталъ здравъ».

[2]) Въ записяхъ значится и одна изъ прислугъ пристава Шайсупова: 1674 г. «апрѣля въ 30 день князя Самуила Шайсупова раба дѣвка Анна болѣла забытною болѣзнію, молитвы говорены, здрава стала».

[3]) Имя Игнатія Башковскаго встрѣчается два раза въ подробныхъ записяхъ исцѣленій Никона. Въ сентября 1673 г. патріархъ исцѣлилъ женщину изъ села его: «Игнатія Башкова съ Дитятева Калитина жена Ксенія слѣпа была 7 лѣтъ, по воли Божіей видѣть стала молитвами преподобнаго». 22 января 1675 г. патріархъ исцѣлилъ дочь его: «бѣлозерца Игнатія Башковскаго дочь отроковица Марія больна была, по ночамъ не спала, демонъ давилъ; молитвы надъ нею говорены, стала здрава».

нему въ келью не приваживалъ, а приходила де жена его въ день съ дочерью отъ болѣзни для лѣкарства [1])... На слободскихъ де жонокъ пировъ никакихъ не дѣлывалъ и допьяна ихъ не паивалъ и на подводахъ въ слободы не отсылывалъ; а кормливалъ де онъ всякихъ чиновъ людей на господскіе праздники вмѣсто милостыни за работы ихъ. А дѣвку де онъ Марѳутку бѣляну Козлову не постригалъ; а какъ де она захотѣла постричься, и онъ де для бѣдности ея далъ за нее въ монастырь вкладъ 17 рублевъ; а постригилъ де тое дѣвку черной попъ, а кто имянно, того не упомнитъ; а отпустили де ее постричься отецъ и мать [2]). Дѣвкамъ де и жонкамъ скуднымъ для замужества на приданое давалъ по рублю и по два; а милостыню де убогимъ давалъ, какъ кому доведется, а не выборомъ. Микиткина де жена чекмарева одна къ нему не хаживала, а хаживала для милостыни съ иными нищими. Алимпіева жена Валутина для своей болѣзни пріѣзжала къ нему съ мужемъ не въ одну пору, а иное де пріѣзжала съ дѣтьми, да съ жонками, а одна къ нему не пріѣзживала. Къ Петру Рудневу, да къ Сергѣю Козмину онъ, Никонъ, не ѣзживалъ; а князь Самойло Шайсуповъ зазвалъ его къ себѣ, какъ шелъ рыбу ловить; и онъ де къ нему ненадолго зашелъ, а ничего у него не пилъ. Являлся де ему, Никону, Христосъ часто въ церкви тѣмъ образомъ, какъ пишется на иконѣ, и подалъ де ему благодать чаши лѣкарственной; и онъ де по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лѣкарства исцѣлялъ, и отъ того его лѣкарства Богъ отъ болѣзней многихъ людей избавлялъ а больши

---

[1]) Въ концѣ записей объ исцѣленіяхъ младенцевъ при п. Никонѣ значится, что жена истопника Никиты Никитина приходила съ больною дочерью, а жена дьячка Михаила Исакова приходила съ своимъ младенцемъ; надъ больными читаны также молитвы, помазаны елеемъ и они исцѣлялись.

[2]) Въ январѣ 1674 г. по записямъ значатся исцѣленною дочь крестьянина вотчины Ѳерапонтова монастыря деревни Бѣлоусова Самуила Никифорова дѣвка Марфа: «больна была, страшилась и бѣсовъ видѣла, стала здрава». Случай постриженія въ монашество исцѣленныхъ приведенъ въ записяхъ только одинъ подъ 11 числомъ февраля 1675 г. когда жена портного Никиты Грязевскаго, Акилина Панкратьева «больна была, безумствовала, и того ради пострижена, преименована Антонида, здрава стала».

того его никто лѣкарству не учивалъ. Прежде сего блаженныя памяти къ великому государю царю Алексѣю Михаиловичу въ отпискахъ и челобитныхъ и въ иныхъ письмахъ патріархомъ онъ, Никонъ, писывался потому что ему отъ великаго государя запрещенія въ томъ не бывало; а присыльные люди отъ великаго государя Иванъ Образцовъ и Козма Лопухинъ и иные присыльщики его, Никона, называли великимъ святымъ отцемъ; да ему же изъ тѣхъ присыльщиковъ сказывали, что великій государь не заповѣдываетъ его патріархомъ называть; а кто изъ нихъ государевъ указъ ему сказывалъ, Лопухинъ или Образцовъ, того не упомнитъ. Панагію онъ на себя кладывалъ съ первыхъ лѣтъ, какъ пріѣхалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь; а та панагія Петра митрополита; а привезъ ее онъ съ собою съ Москвы, потому что та панагія у него не взята; а какъ де къ нему пріѣзжали по посохъ Петра митрополита въ село Черево Павелъ митрополитъ крутицкій, да чудовскій архимандритъ Іоакимъ, и онъ де имъ про ту панагію сказывалъ, и они де ему сказали, что велѣно взять одинъ посохъ, а о панагіи указу имъ нѣтъ; а какъ де онъ, Никонъ, былъ на соборѣ и на немъ де было двѣ панагіи, и съ него верхнюю панагію сняли, а та де панагія осталась на немъ и нынѣ она у него. Кресты де по мѣстамъ велѣлъ ставить и подписывать имя свое: „смиренный Никонъ патріархъ будучи въ заточеніи за слово Божіе", потому что де было ему отъ пристава Степана Наумова утѣсненіе великое, посаженъ былъ въ худыя кельи, и у тѣхъ келей окна были закованы желѣзными рѣшетками, и изъ кельи никуды ево приставъ не пущалъ; и онъ де себѣ то и ставилъ въ заточеніе, и на судахъ де оловянныхъ и на деревянныхъ имя свое патріархомъ подписывать велѣлъ; а подписывалъ де тѣ подписи на крестахъ и на судахъ старецъ Іона серебряникъ по ево, Никонову, велѣнью."

Въ тотъ же день патріархъ Никонъ былъ перевезенъ въ Кирилловъ монастырь; здѣсь къ нему приставлены два „искусныхъ" келейныхъ старца, три человѣка служекъ, особый поваръ и присѣшникъ [1]). 5-го іюня на отъѣздѣ изъ Кириллова монастыря

[1]) Вотъ имена этихъ лицъ: старцы Авраамій и Иринархъ, служки Петръ

архимандритъ Павелъ, думный дворянинъ Желябужскій и дьякъ Румянцевъ были приглашены въ келью Никона, и здѣсь предъ ними „со слезами" билъ челомъ великому государю и патріарху Іоакиму монахъ Никонъ, чтобы прежнихъ его келейныхъ старцевъ, попа Варлаама и дьякона Мардарія, не отнимали отъ него на новомъ мѣстѣ его жительства и не ссылали ихъ въ Крестный монастырь, потому что „они къ нему пріобытчились и онъ къ нимъ". Но эта слезная просьба престарѣлаго и больнаго опальнаго патріарха оставлена безъ удовлетворенія. Архимандритъ же Павелъ успѣлъ воспользоваться этой просьбой для своихъ цѣлей. Еще наканунѣ, въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, когда Никонъ заявилъ свое личное неудовольствіе на патріарха Іоакима и отказъ молиться за него, архимандритъ и Желябужскій въ церкви и по дорогѣ изъ нея убѣждали Никона „всякими мѣрами" измѣнить свои отношенія къ патріарху Іоакиму, но Никонъ тогда оставался непреклоннымъ. Теперь при прощаньи съ Никономъ они опять возобновили съ нимъ переговоры и просьбы по тому же вопросу; „и Никонъ монахъ по многимъ разговорамъ отъ злой своей мысли уклонился и говорилъ, чтобы де святѣйшій патріархъ къ нему былъ милостивъ и не велѣлъ бы его здѣсь напрасною смертію отъ тѣсноты уморить, и онъ де за него Бога молить и патріархомъ именовать учнетъ". При этомъ Никонъ напомнилъ о прежнемъ своемъ расположеніи къ Іоакиму и указалъ, что когда покойный государь велъ съ нимъ переговоры въ Воскресенскомъ монастырѣ по поводу удаленія его съ патріаршаго престола и спрашивалъ его мнѣнія о выборѣ ему преемника на патріаршество, и тогда онъ, Никонъ, указывалъ царю, „что за смиреніе въ патріархахъ быть мочно ему Іоакиму" [1]). Затѣмъ архимандритъ и Желябужскій возвратились въ Ѳерапонтовъ монастырь, произвели опись Никонова имущества,

---

Исаковъ, Василій Волковъ, Богданъ Макарьевъ, поваръ Андрюшка Мегорскій и приспѣшникъ Ивашка Луковка (синод. свитки).

[1]) Изъ донесенія архимандрита Павла патріарху Іоакиму.

сдѣлали распоряженія объ его употребленіи [1]) и по данной имъ инструкціи допрашивали трехъ келейныхъ Никоновыхъ старцевъ. Іеромонахъ Варлаамъ въ распросѣ показалъ, что „Никонъ никакихъ писемъ къ Москвѣ и въ иные монастыри и къ мірскимъ людямъ не посылалъ, ѳерапонтовскимъ монахамъ ихъ не давалъ и въ землю ихъ не хоронилъ; женщины, дѣвки и младенцы больные къ нему пріѣзжали, но никакихъ зазорныхъ лицъ у него въ кельяхъ для нашивковъ не бывало". Больной старецъ Козма повторилъ то же самое. Интереснѣе показаніе дьякона Мардарія; онъ сказалъ, что не одинъ разъ ѣздилъ въ Москву съ отписками и челобитными Никона на имя государя и передавалъ ихъ въ свое время царскому духовнику Андрею Савиновичу и дьяку приказа тайныхъ дѣлъ Данилу Полянскому, привозилъ этимъ лицамъ раз-

---

[1]) Изъ этого имущества вся церковная утварь, присланная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по челобитной патріарха Никона, была 7 іюня принята на храненіе ѳерапонтовскимъ игуменомъ Аѳанасіемъ подъ его роспиской 8 іюня происходила опись трехъ садовъ съ огородами и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ и амбарахъ. При описи оказалось: хлѣба въ житницахъ 12 четь, конопель и ядръ всякихъ на толокно 10 четь, ржи 200 четь, овса 130, крупъ овсяныхъ 5 четь, да въ монастырской житницѣ въ двухъ закромахъ 10 четь пшеницы, на мельницѣ по 3 чети муки ржаной и овсяной и 2 чети муки ячневой въ амбарѣ монастырскомъ 8 четь гречневыхъ крупъ, 10 конопля, 4 гороху, въ садкахъ живая рыба, 50 сажень березовыхъ дровъ добрыхъ, бревенъ сосновыхъ амбарныхъ безъ счету. Келейные образа, печатныя и письменныя книги (въ числѣ послѣднихъ книга писменная въ десть, въ ней слова избранныя разныхъ святыхъ, вторая половина Никона, апостолъ толковый писменный, книга коричая писменная, книга Григорія чудотворца писменная, книга многосложнаго посланія писменная, разныя росписки патріарха Никона и дѣловыя бумаги, посуда мѣдная и серебряная, разныя кухонныя принадлежности, шкатулки, боченки съ провизіей и напитками, медъ, вино, пиво, холстъ, сукна, мѣха, камки, бархатъ, одежда и кроватныя принадлежности, пищаль, пара попорченныхъ пистолей, два рога съ порохомъ, 6 мериновъ, жеребецъ и кобыла, все это отправлено въ Кирилловъ монастырь и 9 іюня принято подъ роспискою кирилловскаго казначея старца Павла Кикина. Изъ этихъ вещей тогда уже переданы были въ келью Никона 2 слѣдованныхъ псалтири, библія—печать литовская, ряски, кафтаны, пуховикъ, сапоги и башмаки, бѣлье, посуда, коробочка очковъ и часы столовые съ ключемъ (подлинныя росписки въ полученіи этихъ вещей въ синодальномъ свиткѣ № XII).

ные подарки, но отъ нихъ Никону никакихъ писемъ не привозилъ; кромѣ того онъ покупалъ въ Москвѣ Никону для лѣкарства деревянное масло, росный ладонъ, скипидаръ, траву чечуй, целибиху, звѣробой, нашатырь, квасцы, купоросъ, комфару и камень безуй; а какъ Никонъ соединялъ эти травы и составлялъ изъ нихъ лѣкарства, какъ онъ помазывалъ болящихъ, обнажалъ ли ихъ донага, того онъ не видалъ; а больные мужчины и женщины съ дѣтьми приходили часто, и онъ, Мардарій, по приказу Никона приводилъ ихъ къ нему въ крестовую келью и много разъ видалъ, какъ Никонъ надъ больными читалъ молитвы по потребнику; онъ приносилъ ему въ это время кадило и свѣчи, а ничего худого никогда не замѣчалъ, и кромѣ больныхъ никто изъ зазорныхъ лицъ къ нему не приходилъ [1]). Послѣ допросовъ Варлаамъ и Мардарій тотчасъ же отправлены были въ Крестный монастырь подъ строгій надзоръ тамошняго архимандрита Герасима, гдѣ они и пробыли до 1680 года; а старецъ Козма, какъ больной, оставленъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ въ больницѣ, гдѣ онъ вскорѣ и скончался. Исполнивъ въ точности наказъ по всѣмъ статьямъ, архимандритъ Павелъ и Желябужскій возвратились въ Москву и представили отчетъ объ исполненіи данныхъ имъ порученій.

---

[1]) Сказки Варлаама и Мардарія за собственноручною ихъ подписью, а сказка больного старца Козмы за подписью духовника его Діонисія находятся въ синод. свиткѣ.

Патріархъ Никонъ прожилъ въ кирилловскомъ заключеніи слишкомъ пять лѣтъ (съ 4 іюня 1676 года до августа 1681 года). Жизнь его здѣсь была самая тяжелая. Хотя и отведено было ему помѣщеніе въ деревянныхъ кельяхъ бывшаго монастырскаго строителя Матвѣя [1]), но это помѣщеніе оказалось неудобнымъ, угарнымъ отъ худыхъ печей и помѣщенной въ немъ для Никона поварни; головныя боли, которыми страдалъ патріархъ отъ ушибовъ, полученныхъ въ дорогѣ при перевозкѣ его въ Ѳерапонтовъ монастырь, давали чувствовать себя сильно. Объ этомъ неудобствѣ помѣщенія словесно донесено было патріарху Іоакиму архимандритомъ Павломъ сряду при возвращеніи изъ Кириллова монастыря [2]). По этому поводу патріархъ писалъ кирилловскому архимандриту: „вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ кельяхъ,

---

[1]) «Роспись келейному строенію матвѣевскимъ кельямъ: Двѣ кельи деревянныя теплыя, въ нихъ 4 чулана съ подволоки. Межъ тѣми кельями сѣни теплые, въ нихъ поставъ. Позади тѣхъ сѣней сѣни жъ холодные, въ нихъ 2 чулана забраны тесомъ съ подволоки. Три чулана, въ одномъ подволока брусяная, а въ двухъ чуланахъ подволоки бревенные. Да въ тѣхъ же сѣняхъ 8 окошекъ большихъ съ оконницы. Верхнихъ житей: двѣ вышки теплыхъ, въ нихъ подволоки забраны тесомъ, два постава. Противъ тѣхъ вышекъ сѣни холодные, забраны тесомъ, въ нихъ 6 окошекъ большихъ съ оконницы. Три чулана рублены изъ бревенъ, въ нихъ подволоки забраны тесомъ» («Синод. свитокъ № XII).

[2]) Шушер. стр. 93.

въ которыхъ велѣно жить монаху Никону, печи кирпичныя и отъ нихъ угаръ бываетъ, и мы указали вамъ въ тѣхъ кельяхъ сдѣлать печи образчатыя ценинныя, чтобъ угару отнюдь не было; да позади тѣхъ келей, гдѣ пристойно, по близку, высмотря съ нимъ Никономъ, для его потребъ сдѣлать ему особную поварню каменную съ трубою, а трубу вывесть выше деревяннаго строенія, чтобъ отъ огня не было опасно; хотя будетъ иное какое строенье въ тѣхъ мѣстахъ, которое не нужно, отставить, а поварню, буде возможно, построить; и вы бы учинили по сему указу нашему не замотчавъ и чертежъ его кельямъ и всему старому и новому строенью прислали бы къ намъ въ разрядъ" [1]). Но это распоряженіе не было исполнено въ точности; кирилловскія власти отвѣчали патріарху, что въ кельѣ Никона печь изразцовую ценинную они построили, стѣны поновили, сдѣлали вновь подволоку и окна красныя, двери и переходы въ вышку, какъ ему угодно; но особенной каменной поварни близъ его кельи построить невозможно по тѣснотѣ мѣста, такъ какъ эта поварня можетъ закрыть свѣтъ въ братскую больницу; потому испрашивали разрѣшенія построить ее въ братской кельѣ, сосѣдней съ кельями Никона [2]). Изъ тѣхъ вещей, которыми была обставлена келейная жизнь Никона въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, въ новомъ заключеніи передана ему въ келью для употребленія только незначительная часть; даже изъ довольно обширной келейной библіотеки его даны ему на руки только двѣ слѣдованныхъ псалтири и Библія; остальныя вещи положены были на храненіе въ кирилло-бѣлозерскую казну. Въ Ѳерапонтовскомъ монастырѣ оставались хлѣбные и столовые его запасы въ амбарахъ, житницахъ, на огородахъ, засѣянныхъ поляхъ и живорыбныхъ садкахъ; запасы эти предназначались для содержанія Никона въ

---

[1]) Грамота патріарха Іоакима съ этимъ наказомъ отъ 5 іюля издана въ «Начертаніи житія патріарха Никона» архимандрита Аполлоса. М. 1846 г. 2-е изд. стр. 154 и въ Арх. Экспед. IV № 213.

[2]) Содержаніе этой отписки кирилловскихъ властей отъ 27 іюля приведено въ Чтен. общ. истор. 1858 кн. III стр. 131 и 165.

Кирилловскомъ монастырѣ; но вскорѣ послѣдовало новое распоряженіе патріарха Іоакима объ отдачѣ этого хлѣба въ пользу Ѳерапонтовскаго монастыря, а изъ огородныхъ овощей и рыбы велѣно посылать Никону только „небольшое“ [1]). Такимъ образомъ

---

[1]) По челобитью ѳерапонтовскихъ властей и указу п. Іоакима 30-го іюля 1676 г. прибылъ изъ Кириллова монастыря въ Ѳерапонтовъ новый назначенный сюда строитель Исаія для управленія хозяйствомъ, оставшимся послѣ Никона; 8 августа Исаія доносилъ въ Москву о состояніи и нуждахъ Ѳерапонтова монастыря: въ немъ «на церквахъ и каменныхъ палатахъ (казенной сушиленной и поваренной) всѣ кровли сгнили и послѣ пожара 1666 г. въ монастырѣ кельи и около монастыря ограда до сихъ поръ не построены, а остальное строенье (кельи, службы и мельницы) все обвалилось и сгнило; въ монастырской казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба онъ не нашелъ; братія и служки въ монастырѣ и по селамъ питаются овсянымъ хлѣбомъ, занятымъ въ долгъ; самъ онъ (строитель) занялъ въ Кирилловомъ на расходъ 30 четь ржи и 20 четь солоду на квасъ; ржаной хлѣбъ до 8 августа еще не сѣянъ по бѣдности монастыря». Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ Исаія отправилъ къ п. Іоакиму челобитную ѳерапонтовскихъ властей, въ которой онѣ подробно описывали свои расходы на содержаніе Никона, его старцевъ, служекъ, приставовъ, стрѣльцовъ, на отправленіе разныхъ для него повинностей и подѣлокъ; заявляли, что отъ Никона монастырь ихъ пришелъ въ крайнюю скудость и разореніе; и въ заключеніи просили выдать имъ въ видѣ уплаты за расходы то имущество, которое осталось у нихъ послѣ Никона. Представленная при этомъ особая подробная роспись расходовъ на Никона и его приставниковъ въ большей своей части есть буквальное воспроизведеніе неправильной росписи расходовъ, представленной прежнимъ игуменомъ Аѳанасіемъ, и подъ конецъ только дополнена данными о расходахъ за послѣдующее время до смѣны пристава Шайсупова. Въ этой челобитной приведены интересныя указанія на участіе ѳерапонтовскихъ властей въ постройкѣ келій для Никона; по этому поводу власти писали: «Въ 182 (1674) году по указу великаго государя велѣно вологодскимъ и бѣлозерскимъ монастырямъ построить ему, Никону, кельи и служебную, поваренную и приспѣшную съ сѣнми на погребахъ и съ сушиломъ въ одной связи, да два хлѣбные амбара; и по Никонову велѣнью тѣ кельи имъ игуменъ съ братьею построить подрядились; а подрядъ за то строенье съ вологодскихъ и бѣлозерскихъ монастырей взяли 672 р. 26 алт. 4 денги; и кельи ему, Никону, и амбаръ у келей его построили, какъ ему годно, а другого амбара строить онъ, Никонъ, не велѣлъ. А вмѣсто того подряднаго амбара взялъ онъ себѣ у насъ монастырскіе два хлѣбные амбара съ сѣнми въ одной связи; и въ тѣхъ амбарахъ нынѣ хлѣбные запасы описанные стоятъ запечатаны. Изъ тѣхъ подрядныхъ денегъ издержали мы въ ево келейное внутряное строенье на всякую подѣлку кромѣ плотничьево найму 41 рубль 19 алтынъ 4 денги; а плотникамъ давали наемъ изъ монастырской

главная часть расходовъ на содержаніе Никона падала по прежнему на средства Кириллобѣлозерскаго монастыря, который съ давнихъ поръ роптал на эти расходы и велъ изъ-за нихъ большую полемику съ опальнымъ патріархомъ. Теперь же Никонъ со всѣми своими нуждами и желаніями всецѣло отданъ былъ въ полное распоряженіе властей монастырскихъ. Прежніе довѣренные его старцы, иноки Варлаамъ и Мардарій, съ которыми онъ могъ бы дѣлить бесѣды и воспоминанія о прошломъ прожитомъ, были отъ него отняты; новые же приставленные къ нему старцы были ему незна-

---

казны и съ крестьянъ; а достальныя подрядныя деньги 631 р. 7 алтынъ Никонъ взялъ себѣ, а на тѣ деньги хотѣлъ купить въ монастырь колоколъ, да желѣза бѣлаго на церковное строенье, главы у церквей поять; и покупокъ онъ не сдѣлалъ и денегъ въ казну не возвратилъ». По этому случаю ѳерапонтовскія власти и просили у п. Іоакима разрѣшенія изъ описной никоновской денежной казны взять монастырск'я казенныя деньги 631 рубль 7 алтынъ недоплаченныя за постройку Никону келій, а хлѣбные запасы 480 четвертей, опечатанные въ житницахъ, и хлѣбъ, засѣянный на поляхъ въ пустомъ Лещевѣ, отдать имъ въ монастырь на пропитаніе вмѣсто того хлѣба, что прежде взятъ у нихъ на Никона у приставовъ, и объ описанныхъ овощахъ и огородахъ учинить милостивый указъ (Донесеніе строителя Исаіи, челобитная ѳерапонтовскихъ властей и роспись расхода на Никона въ подлинникахъ сохранились въ синодальномъ свиткѣ). На эти просьбы п. Іоакимъ въ особой грамотѣ отъ 25 августа того же 1676 г. предписывалъ ѳерапонтовскимъ властямъ засѣянный хлѣбъ Никона и огородныя овощи взять себѣ на обиходъ, а изъ овощей по требованію Никона посылать ему «небольшое», рыбу ловить изъ своихъ прудовъ про себя «кромѣ его никоновой саженой»; а о хлѣбѣ, запечатанномъ въ амбарахъ, обѣщалъ прислать особой наказъ (черновой отпускъ этой грамоты въ синод. свиткѣ, а подлинная грамота описана въ Чтен. общ. ист. 1858 III стр. 166). Въ двухъ другихъ челобитныхъ ѳерапонтовскія власти писали патріарху: въ первой—что грамота его получена въ монастырѣ 11 сентября, что рыбы въ двухъ прудахъ послѣ Никона осталось очень мало и то рыба небольшая, все караси, а въ другихъ садкахъ рыба уснула, что овощей изъ огородовъ много отправлено Никону въ Кирилловъ монастырь, а хлѣбъ на полосахъ они сжали на себя; въ другой челобитной они просили отдать имъ въ монастырь всю церковную утварь, присланную государемъ Никову для бывшей надворотной Богоявленской церкви, отдать имъ и хлѣбъ, запечатанный въ амбарахъ и позволить разобрать имъ кельи и строенье Никона для своего обиходу (обѣ эти челобитныя въ подлинникахъ и первая съ помѣтою о полученіи ея въ Москвѣ 8 октября находятся въ синодальномъ свиткѣ). Церковную утварь патріархъ велѣлъ оставить въ Ѳерапонтовѣ (Акт. Арх. Эксп. IV № 217).

комы и къ нему „не пріобытчились". Заводить знакомство съ другими лицами ему было запрещено; въ келью къ нему закрытъ былъ входъ не только мірянамъ, но и инокамъ самаго Кириллова монастыря; выходъ изъ кельи ему дозволенъ только въ церковь, гдѣ предписывалось ему стоять „съ молчаніемъ" въ избѣжаніе всякаго церковнаго мятежа, а пускать его за монастырскія ворота ни въ какомъ случаѣ не дозволялось. Бумаги и чернилъ ему не выдавали, чтобы не заводить ненужной переписки, и тѣмъ закрыта была ему возможность подавать просьбы и челобитныя на имя государя. И кому онъ могъ писать теперь о себѣ и о своихъ нуждахъ? Всѣ близкія расположенныя къ нему и вліятельныя лица по смерти царя Алексѣя Михаиловича были въ опалѣ. Новый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ еще молодъ и находился подъ вліяніемъ нерасположенныхъ къ нему лицъ; у патріарха Іоакима, по удачному выраженію Шушерина „многихъ ради духовныхъ и мірскихъ правленій и вседневныхъ докукъ", были свои заботы, которыя и оставляли Никона въ „забвеніи". Патріархъ Іоакимъ не забылъ только отобрать отъ Никона съ давнихъ поръ оставшіяся у него панагію и двѣ серебряныхъ печати, одну его собственную именную съ изображеніемъ воскресенія Христова, устроенную имъ по удаленіи съ патріаршаго престола въ Воскресенскій монастырь, другую малую складную печать патріарха Іосифа [1]); другихъ распоряженій и указовъ патріарха Іоакима, сколько нибудь клонившихся къ облегченію участи опальнаго Никона за все время заключенія его въ Кирилловомъ монастырѣ, въ актахъ не сохранилось. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ за это время онъ намѣренно оставленъ былъ въ забвеніи; отъ низшихъ сферъ, отъ выраженія сочувствія къ нему со стороны народа, уважавшаго его за благотворительность и помощь въ болѣзняхъ, равно и со стороны многихъ привязанныхъ къ нему иноковъ, его постриженниковъ, онъ былъ удаленъ и сокрытъ въ суровомъ кирилловскомъ заключеніи. Отъ того мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о

[1]) Шушер. 93.

жизни патріарха, о душевномъ настроеніи и занятіяхъ его за это время; даже ближайшій его жизнеописатель, Иванъ Шушеринъ, не могъ собрать этихъ свѣдѣній и ограничился только общими замѣчаніями, что патріархъ Никонъ въ это время терпѣлъ всякія нужды и озлобленія не менѣе, чѣмъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, и оставался въ своей кельѣ безъисходно, исключая выходовъ къ церковной службѣ. Зная сильную волю и энергическій характеръ патріарха, можемъ сказать безъ ошибки, что теперь въ суровомъ заключеніи онъ страдалъ душою сильно и долженъ былъ переносить эти страданія уединенно, молчаливо, при полномъ безъучастіи окружавшихъ его лицъ и въ полной безвѣстности для общества. Къ душевнымъ его страданіямъ присоединились и тѣлесные недуги. Еще въ первые годы ѳерапонтовскаго заключенія онъ жаловался, что у него въ лѣвой рукѣ боль настала и онъ нисколько владѣть ею не можетъ, что онъ опыжалъ весь и одряхлѣлъ; теперь отъ недостатка движенія на свѣжемъ воздухѣ, отъ душныхъ и угарныхъ келій эти болѣзни должны еще болѣе усилиться; а тяжелыя жизненныя потрясенія и старость брали свое; они окончательно сломили могучую натуру и быстро вели къ смертному одру, съ котораго потомъ не могло поднять и оживить его неожиданно проявившееся сердечное расположеніе къ нему молодого государя.

Три года патріархъ томился въ заключеніи и никто за это время не оказалъ ему существенной помощи. Правда въ царскомъ дворцѣ жила ревностная почитательница его общественныхъ заслугъ, царевна Татіана Михаиловна, тетка государя; но въ первые годы управленія молодого государя изъ-за интригъ придворныхъ она стояла въ отдаленіи и не могла просить за уважаемаго ею опальнаго патріарха. Только съ 1678 года у царя Ѳедора Алексѣевича съ теткой Татьяною Михаиловной устанавливаются взаимныя добрыя отношенія [1]); съ этихъ поръ она оказываетъ на

[1]) 12 генваря въ день именинъ Татьяны Михаиловны, какъ уважаемой царевны, государь всегда дѣлалъ выходъ къ ней въ церковь для всенощнаго:

царя вліяніе, которое сряду же отражается и на ознакомленіи его съ дѣлами патріарха Никона. Въ сентябрѣ этого года государь со всею своею семьею, въ которой преобладалъ женскій элементъ, въ первый разъ совершаетъ поѣздку въ Воскресенскій монастырь, гдѣ прожилъ три дня, распрашивалъ о порядкахъ и уставѣ монастырской службы при Никонѣ, приказалъ записать этотъ уставъ и прислать ему для просмотра, и потомъ такъ заинтересовался этимъ уставомъ, что вскорѣ же 5 декабря вновь прибылъ въ этотъ монастырь и выдалъ ему жалованную грамоту на двѣ соляныя варницы въ Камскомъ усольѣ [1]). На судьбѣ Никона эти двѣ поѣздки государя отразились тѣмъ, что государь въ бесѣдахъ съ своею теткою и властями Воскресенскаго монастыря пріобрѣлъ живыя свѣтлыя представленія о дѣятельности патріарха и проникнулся состраданіемъ къ злополучной его долѣ; потому 12 марта слѣдующаго 1679 года передъ Пасхою отправилъ къ нему стольника Ивана Артемьева Матюхина съ денежною милостынею, такъ что Никонъ послѣ того имѣлъ возможность, по случаю сбора денегъ съ церковныхъ вотчинъ на жалованье ратнымъ людямъ въ турецкую войну, дать взаймы Кирилловскому монастырю значительную сумму своихъ денегъ—149 руб. 12 алтынъ 2 деньги [2]). По словамъ Шушерина, враги Никона желали помѣшать сношеніямъ государя съ опальнымъ патріархомъ и часто съ настойчивостію отклоняли его отъ поѣздокъ въ Воскресенскій монастырь [3]); но царь оставался непреклоннымъ. 29 ноября 1679 г. онъ въ третій разъ посѣтилъ этотъ монастырь опять съ царевною Татьяною Михаиловною, осматривалъ начатыя, но неоконченныя Никономъ постройки соборной церкви, издалъ указъ объ окончаніи этой постройки и

но въ 1677 году онъ не дѣлалъ по поводу именинъ ея обычнаго праднаго стола и не посылалъ съ именинымъ пирогомъ; въ 1678 онъ устроилъ то и другое (Царскіе выходы стр. 634. 650).

[1]) Описаніе Воскресенскаго монастыря архим. Леонида въ Чтен. общ. ист. 1874 г. кн. III, стр. 32—35.

[2]) Чтен. общ. ист. 1858 кн. III стр. 130—131 примѣчаніе и стр. 133 и 166.

[3]) Шушер. стр. 95.

для лучшаго устройства монастыря подчинилъ его вѣдѣнію мастерской палаты приказа своего большаго дворца и чрезъ то дѣлалъ его своимъ царскимъ богомольемъ [1]). Облегченіе печальной участи патріарха Никона и возвращеніе его изъ ссылки являлись необходимымъ слѣдствіемъ такого вниманія государя къ Воскресенскому монастырю; этого желалъ и государь. Но выполненіе этого желанія обставлено было различными препятствіями. На первый разъ государь могъ освободить изъ заточенія только двухъ келейныхъ старцевъ Никона, иноковъ Варлаама и Мардарія, которые въ 1680 г. и возвратились изъ Крестнаго монастыря въ Воскресенскій, конечно не безъ согласія патріарха Іоакима, хотя и вопреки желанію послѣдняго. Въ концѣ 1680 года государь опять совершаетъ двѣ поѣздки въ Воскресенскій монастырь; въ первую поѣздку (съ 14 по 18 сентября) онъ выслушиваетъ краснорѣчивыя „орацін" изъ устъ архимандрита и клирошанъ; во вторую поѣздку (2 декабря), приказавъ братіи избрать себѣ настоятеля на мѣсто умершаго архимандрита Варсонофія, самъ предлагаетъ ей просить о возвращеніи Никона въ основанный, но недостроенный имъ монастырь для окончательнаго его устройства [2]).

Съ этихъ поръ вопросъ о возвращеніи Никона изъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря и снятіи съ него соборнаго запрещенія принимаетъ открытый характеръ и переходитъ на юридическую почву. За подписью 60 иноковъ Воскресенскаго монастыря подано государю особое прошеніе, въ которомъ они, описывая царскія милости къ себѣ, по примѣру израильтянъ, вынесшихъ кости Іосифа изъ Египта, и жителей Царяграда, умолившихъ царя Ѳеодосія о возвращеніи Іоанна Златоустаго изъ Команъ, просили государя довершить зданіе новоіерусалимской церкви возвращеніемъ основателя и пастыря ея патріарха Никона, какъ нѣкогда возвращенъ былъ изъ заключенія Игнатій патріархъ цареградскій, умоляли извести

[1]) Описаніе монастыря въ Чтен. общ. ист. 1874 г. кн. III стр. 35—37. 56, 57. 60—61 кн. IV стр. 190—221.

[2]) Тамже кн. III стр. 38—41.

изъ темницы душу его, чтобы и онъ насладился отъ богатыхъ царскихъ щедротъ и возвеселился въ своей старости [1]). Получивъ эту просьбу, государь сряду же заявилъ патріарху Іоакиму о своемъ желаніи освободить изъ заточенія Никона съ тою единственною цѣлію, чтобы онъ могъ остатокъ дней своихъ прожить въ основанномъ имъ Воскресенскомъ монастырѣ и довершилъ начатое имъ зданіе великой соборной церкви. Патріархъ Іоакимъ отказался исполнить волю государя, ссылаясь на то, что осужденіе Никона совершено московскимъ соборомъ въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ и безъ согласія ихъ не можетъ быть измѣнено. По настоянію государя тогда же составленъ соборъ изъ русскихъ архіереевъ, на которомъ государь предъ всѣми заявлялъ свое желаніе и просьбу освободить Никона, представилъ собору и просьбу иноковъ воскресенскихъ; многіе изъ русскихъ іерарховъ соглашались на исполненіе царскаго желанія; но патріархъ Іоакимъ оставался непреклоннымъ и соборныя засѣданія не имѣли успѣха. Государь не одинъ разъ приглашалъ патріарха Іоакима къ себѣ во дворецъ и вмѣстѣ съ царевной Татьяной Михаиловной лично настойчиво убѣждалъ его освободить Никона изъ заточенія; но патріархъ по прежнему отказывался измѣнить соборное о немъ опредѣленіе безъ согласія вселенскихъ патріарховъ. Съ канонической точки зрѣнія патріархъ Іоакимъ былъ правъ въ своихъ отвѣтахъ; но въ отказѣ его немедленно освободить опальнаго патріарха изъ суроваго заточенія государь видѣлъ упорство и личныя непріязненныя отношенія его къ Никону и тѣмъ былъ весьма опечаленъ. Не смотря на то государь не переставалъ дѣйствовать въ пользу Никона и рѣшился прямо отъ своего имени просить восточныхъ патріарховъ о снятіи наложеннаго на него запрещенія, объ освобожденіи его въ Воскресенскій монастырь изъ ссылки и возвращеніи ему патріаршаго имени и сана. Для этой цѣли государь вос-

[1]) Текстъ посланія приведенъ у Шушерина (стр. 96—97), а съ подписями воскресенской братіи изданъ въ «Начертаніи житія Никона» Аполлоса (стр. 155—158) и въ «Описаніи Воскресенскаго монастыря» Леонида (стр. 40—43).

пользовался отправкою своихъ пословъ, окольничаго и олонецкаго намѣстника Ильи Ивановича Чирикова и дьяка Прокофія Возницына, къ турецкому султану Махмеду для подписанія окончательнаго мирнаго договора, заключеннаго между Россіею и крымскимъ ханомъ Муратомъ Гиреемъ. Дьяку Прокофію Возницыну поручено было передать восточнымъ патріархамъ двойныя царскія грамоты, подписанныя въ Москвѣ 26 іюня 1681 года. Въ первыхъ изъ этихъ грамотъ государь извѣщалъ патріарховъ о заключеніи мира своего съ Крымомъ и султаномъ и по поводу этой радости посылалъ свои денежныя милостыни патріархамъ [1]); во вторыхъ грамотахъ онъ писалъ собственно по дѣлу патріарха Никона [2]). Эти вторыя грамоты царя Ѳедора Алексѣевича къ восточнымъ патріархамъ весьма замѣчательны. Въ нихъ государь даетъ безпристрастную оцѣнку дѣятельности патріарха Никона, опредѣляетъ степень его виновности, вызвавшей соборное о немъ запрещеніе, и характеризуетъ жизнь его въ заключеніи. По царскому увѣренію патріархъ Никонъ за все время управленія русскою церковію оставался непоколебимымъ столпомъ благочестія, искуснѣйшимъ оберегателемъ и ревнителемъ священныхъ догматовъ вѣры, церковныхъ каноновъ и преданій; онъ осужденъ былъ не за нарушеніе этихъ догматовъ и правилъ благочестія, но за другія „извѣстныя прощенія достойныя вины"; по малодушію онъ, какъ человѣкъ, поддался гнѣву и унынію, оставилъ свою паству и патріаршество; тѣмъ произвелъ смуты въ церкви и государствѣ и раздоръ съ го-

---

[1]) Черновые отпуски этихъ грамотъ сохранились въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ (греческія дѣла 7189 г. № 9); здѣсь находятся грамоты къ патріархамъ цареградскому Іакову, іерусалимскому Досиѳею, александрійскому Прохору; всѣ грамоты одинаковаго содержанія и съ датою отъ 26-го іюня; первому патріарху посылалось милостыни 5 сороковъ соболей, а остальнымъ по 4 сорока.

[2]) Списки этихъ вторыхъ грамотъ намъ неизвѣстны; но о содержаніи ихъ узнаемъ изъ отвѣтовъ восточныхъ патріарховъ, приводившихъ изъ нашихъ грамотъ по мѣстамъ буквально тожественныя выписки; патріархи сообщали, что они получили двойныя царскія грамоты одновременно съ денежною милостынею.

сударемъ. Осужденный соборомъ, онъ искупилъ свои вины своими страданіями въ заключеніи, своимъ смиреніемъ, воздержаніемъ, молитвами и покаяніемъ; достигнувъ глубокой старости, подвергшись тяжкимъ болѣзнямъ, онъ только и видитъ и помышляетъ объ одномъ возвращеніи въ свой Воскресенскій монастырь, гдѣ бы онъ могъ исполнить свое обѣщаніе и умереть спокойно съ покаяніемъ. Объ этомъ онъ, Никонъ, умолялъ со слезами его, государя, и въ своихъ винахъ просилъ прощенія предъ царскимъ синклитомъ и освященнымъ соборомъ. О такомъ возвращеніи и прощеніи его помышлялъ и покойный государь царь Алексѣй Михаиловичъ. Теперь же государь Ѳедоръ Алексѣевичъ, видя близкую кончину Никона, испрашиваетъ прощенія и разрѣшенія ему отъ вселенскихъ патріарховъ, чтобы они разсудили между собою на соборѣ, возможно ли и справедливо ли будетъ дать ему такое разрѣшеніе и возстановить его патріаршеское достоинство за его великое смиреніе, страданія въ заключеніи и за его покаяніе.

Государь такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ задуманнаго имъ дѣла, что передъ посылкою къ восточнымъ патріархамъ онъ отправилъ и къ Никону особое собственноручное письмо, въ которомъ, вопреки повторенному при немъ же соборному опредѣленію, называлъ Никона патріархомъ и своимъ отцемъ, просилъ у него благословенія и утѣшалъ его извѣстіемъ о непремѣнномъ и скоромъ его возвращеніи изъ ссылки. Государь писалъ: „О Святомъ Дусѣ отцу нашему Никону патріарху грѣшный царь Ѳеодоръ и съ супругою своею поклонъ сотворяемъ, и чести твоей возвѣщаю, аще Богъ повелитъ сему писанію вручитися тебѣ, и ваша честность да вѣсть, что, надѣяся на Бога, преведеніе твое не умедлитъ быти, и имаши обитати самъ въ Новомъ Іерусалимѣ, и имать (онъ тобою) совершенство свое воспріяти. И посемъ я грѣшный царь Ѳеодоръ и съ женою своею благословенія вашего при свиданіи вашемъ съ нами и чрезъ писаніе желаемъ. Аминь“ [1]). Царское

[1]) Списокъ съ этого письма въ рукописномъ сборникѣ румянцевскаго музеума изъ собранія Е. Увдольскаго за № 415 л. 415 об. и 416. По этому спи-

письмо обрадовало Никона, на время возбудило въ немъ одряхлѣвшія силы и оживило давнюю завѣтную его мечту возвратиться въ любимый свой монастырь. Но прошло болѣе мѣсяца по полученіи этого письма; въ томительномъ ожиданіи освобожденія изъ ссылки мѣсяцъ этотъ Никону показался за годъ. Долгое невыполненіе царскаго обѣщанія вновь обдало все существо престарѣлаго и больного патріарха мертвеннымъ холодомъ; въ немъ, какъ въ искусственно возбужденномъ слабомъ больномъ, за временнымъ возбужденіемъ слѣдовалъ новый и большій упадокъ силъ, быстро приведшій его къ краю могилы. Въ послѣднихъ числахъ іюля онъ писалъ въ Воскресенскій монастырь: „Благословеніе Никона патріарха сынамъ нашимъ архимандриту и всей братіи; да будетъ вамъ вѣдомо, что я боленъ болѣзнью великою, вставать не могу; на дворъ выйти не могу, лежу въ гноищи, исходящее изъ меня подъ себя (извергаю). Была ко мнѣ милость великаго государя, писалъ онъ своею рукою, что хотѣлъ меня взять по вашему челобитью, но прошло уже много времени, а милостиваго его указа о томъ еще нѣтъ; придется мнѣ умереть внезапно. Пожалуйте меня, дѣти мои, побейте еще челомъ о мнѣ великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертью погибнуть, уже приходитъ конецъ моей жизни; а каковъ я, о томъ подробно скажетъ вамъ Иванъ, который отъ васъ живетъ въ селѣ Богословскомъ (въ бѣлозерскомъ уѣздѣ)“. Каковъ былъ патріархъ Никонъ за это время, о томъ имѣемъ свѣдѣнія и изъ другого источника; духовникъ его, кирилловскій архимандритъ Никита, особо доносилъ патріарху Іоакиму, что Никонъ весьма изнемогъ и близокъ къ смерти, принялъ уже схиму и особорованъ; на случай смерти архимандритъ спрашивалъ патріарха, какъ и кому погребать его, какъ поминать его при отпѣваніи, и гдѣ похоронить его? Патріархъ Іоакимъ съ поспѣшностію, не доложивъ даже государю, отвѣчалъ, что архимандритъ самъ долженъ совершить отпѣваніе надъ Никономъ про-

ску письмо царя издано въ «Описаніи Воскресен. мон.» (Чт. общ. ист. 1875 кн. III стр. 759), но съ пропускомъ первыхъ важныхъ словъ письма.

стымъ монашескимъ чиномъ и похоронить его въ церковной паперти Кирилловскаго монастыря. Когда государь узналъ о такомъ распоряженіи патріарха и о письмѣ Никона, присланномъ въ Воскресенскій монастырь, снова обратился къ патріарху и архіереямъ съ усердной и настойчивою просьбой немедленно, не дожидаясь отвѣта отъ восточныхъ патріарховъ, возвратить Никона изъ заточенія, указывая на близость его смерти. На этотъ разъ патріархъ Іоакимъ и духовныя власти уже не противорѣчили царскому желанію, и государь наскоро отправилъ своего дьяка Ивана Чепелева съ наказомъ привесть Никона живого или мертваго въ монастырь Воскресенскій. Патріархъ же Никонъ такъ сильно ждалъ своего освобожденія изъ Кирилловскаго заточенія, что не смотря на свою слабость и полное изнуреніе силъ нѣсколько дней сряду велѣлъ поднимать себя съ постели, одѣвать въ дорожную одежду и въ креслахъ выносить въ сѣни и на крыльцо, чтобы скорѣе отправиться въ путь; окружающіе его, ничего не зная о состоявшемся царскомъ распоряженіи, приписывали такія приказанія и дѣйствія Никона его сильной скорби и безпамятству и были очень удивлены, когда въ одинъ изъ такихъ сборовъ Никона прибылъ посланникъ съ милостивымъ царскимъ наказомъ. Наскоро приготовлены были струги для перевозки Никона изъ Кириллобѣлозерскаго монастыря по рѣкамъ Шекснѣ и Волгѣ въ монастырь Воскресенскій. Больной патріархъ съ трудомъ былъ посаженъ въ сани, которыя съ осторожностію тянули волокомъ по землѣ до берега; здѣсь Никонъ, простившись съ кириллобѣлозерскою братіею, перенесенъ былъ на судно и, послѣ пятнадцатилѣтняго заключенія, отправился въ путь. Не доѣзжая 20 верстъ до Волги, онъ встрѣченъ былъ іеромонахомъ Варлаамомъ, долгое время добровольно раздѣлявшимъ съ нимъ заключеніе въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, и іеродіакономъ Серафимомъ, бывшимъ его подьякономъ; эти лица отправлены воскресенскою братіею привѣтствовать возвращавшагося къ ней патріарха. Когда струги приплыли на Волгу, патріархъ приказалъ плыть внизъ къ Ярославлю тѣмъ самымъ пу-

темъ, какимъ онъ въ 1652 году ѣхалъ съ мощами святителя Филиппа. Раннимъ утромъ 16 августа, не доѣзжая полверсты до толгскаго монастыря, патріархъ велѣлъ пристать къ берегу; изнемогая отъ сильной боли и чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ здѣсь напутствовать себя въ загробную жизнь и причастился запасными дарами отъ рукъ своего духовника, архимандрита Никиты. Послѣ полудня онъ остановился у толгскаго монастыря, гдѣ на встрѣчу ему вышли мѣстный игуменъ съ братіею и жившій здѣсь подъ началомъ бывшій спасоярославскій архимандритъ Сергій, тотъ самый, который послѣ суда надъ Никономъ передъ отправкой его въ Ѳерапонтово нанесъ ему много личныхъ оскорбленій; Сергій теперь припалъ къ ногамъ Никона, испросилъ у него прощеніе и предъ всѣми исповѣдалъ о чудесномъ явленіи ему во снѣ патріарха. На другой день Никонъ приплылъ къ Ярославлю и остановился противъ Спасскаго монастыря; масса горожанъ съ воеводою и архимандритъ со всею братіею вышли къ нему на встрѣчу и готовы были оказать ему всевозможныя услуги. Но минуты жизни великаго патріарха были сочтены; Никонъ не могъ уже говорить никому ни слова, только глазами и движеніями руки выражалъ благодарность за оказанное ему сочувствіе; народъ тѣснился къ нему на судно цѣловать его руку. Но чтобы не утомить умирающаго патріарха, архимандритъ Никита и дьякъ Чепелевъ приказали отвесть судно на противоположный берегъ рѣки. Раздался звонъ соборнаго колокола къ вечернѣ; Никонъ, озираясь вокругъ и какъ бы встрѣчая пришедшихъ къ нему, началъ оправлять свою бороду, лице и одежду; духовникъ прочелъ надъ нимъ отходныя молитвы; и 17 августа 1681 года въ 4 часа по полудни святѣйшій патріархъ Никонъ мирно скончался уже на свободѣ, на широкомъ просторѣ рѣки Волги противъ Ярославля и Туговой горы, проплывъ свое многотрудное и бурное житейское море въ 76 лѣтъ, 2 мѣсяца и 24 дня отъ рожденія.

Тѣло его было опрятано въ схиму; положено въ дубовый гробъ, поставлено на нарочно устроенныя „крѣпкія возила“ и сухимъ пу-

темъ отправлено въ Воскресенскій монастырь. Во всю дорогу отъ Ярославля гробъ его былъ встрѣчаемъ и провожаемъ мѣстнымъ населеніемъ съ честію и любовію къ умершему первосвятителю; народъ со слезами цѣловалъ его гробъ, духовенство со всѣхъ церквей и монастырей по дорогѣ выходило къ нему со крестами и иконами и совершало надъ нимъ панихиды; до троицкосергіевой лавры провожалъ его кириллобѣлозерскій архимандритъ Никита; а отсюда, за вызовомъ его въ Москву къ государю, мѣсто его замѣнилъ троицкосергіевскій архимандритъ Викентій. Погребеніе Никона государь желалъ обставить насколько возможно торжественно, приглашалъ на него патріарха Іоакима со всѣмъ освященнымъ соборомъ; но такъ какъ патріархъ соглашался лично совершить погребеніе Никона только простымъ монашескимъ чиномъ и отказывался называть его при погребеніи патріархомъ, на что никакъ не хотѣлъ согласиться государь, то отпѣваніе Никона поручено было совершить новгородскому митрополиту Корнилію; отпуская митрополита, патріархъ впрочемъ велѣлъ ему во всемъ исполнять волю государя и слагалъ съ себя всякую отвѣтственность въ случаѣ нареканій восточныхъ патріарховъ за нарушеніе прежнихъ соборныхъ опредѣленій о Никонѣ [1]). Къ вечеру 25 августа прибыли въ Воскресенскій монастырь государь, вдовствующая царица Наталья Кирилловна, братъ государевъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ, царевна Татьяна Михаиловна и семь сестеръ государя. Къ этому же времени было привезено и тѣло патріарха Никона; за версту до Воскресенскаго монастыря, оно внесено въ келью на монастырскомъ мельничномъ дворѣ для переоблаченія; съ тѣла его сняли схиму, прежнюю свитку, власяницу и вериги, и надѣли на него новую одежду: бѣлую греческую суконную изъ верблюжьихъ волосъ свитку, которую Никонъ заготовилъ для своей смерти еще раньше своего заточенія, поверхъ ея рясу таусиннаго бархата, архіерейскую мантію съ источниками и скрижалями, украшенную золотомъ и дорогими камнями яшмовую панагію съ прорѣзнымъ

[1]) Шушеринъ стр. 100—106.

изображеніемъ Богоматери и Предвѣчнаго Младенца, омофоръ и клобукъ. Тѣло его оказалось нетлѣннымъ [1]), опять положено въ дубовый гробъ, въ которомъ оно привезено изъ Ярославля. 26 августа въ Воскресенскомъ монастырѣ по особенному церемоніалу происходили торжественная встрѣча и погребеніе тѣла патріарха Никона. Утромъ цѣлый часъ раздавался благовѣстъ соборнаго колокола, потомъ начался перезвонъ къ крестному ходу; государь съ митрополитомъ Корниліемъ, съ тремя архимандритами—кирилловскимъ, савинскимъ и воскресенскимъ, со множествомъ нисшаго духовенства и народа съ крестнымъ ходомъ и при пѣніи пѣвчими стиха „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра"... вышелъ изъ монастыря къ большому каменному кресту (на горѣ Елеонской), гдѣ троицкосергіевскій архимандритъ съ тѣломъ патріарха уже ожидалъ прибытія крестнаго хода и государя. Здѣсь служащимъ и народу розданы были особо приготовленныя на царскій счетъ восковыя свѣчи чернаго цвѣта и разной величины, отъ полъ-аршина до сажени длиною. Послѣ краткой литіи гробъ съ тѣломъ патріарха несенъ былъ до монастыря на рукахъ священниковъ и дьяконовъ попеременно, а кругомъ гроба шли 12 отроковъ царскихъ пѣвчихъ съ саженными свѣчами въ рукахъ, одѣтыхъ въ дорогія узорчатыя смирнаго цвѣта рясы, сшитыя нарочно по этому случаю на подобіе стихарей. Началась литургія, на ектеніяхъ которой, по приказанію государя, Никона поминали патріархомъ; за литургіей слѣдовало отпѣваніе, на которомъ государь самъ читалъ каѳизму и апостолъ и пѣлъ надгробныя церковныя пѣсни вмѣстѣ съ своими пѣвцами. При прощаніи государь вынулъ изъ-подъ мантіи руку патріарха, цѣловалъ ее самъ и велѣлъ подходить къ цѣлованію ея всѣмъ членамъ своей семьи и всѣмъ присутствующимъ. Церковная служба продолжалась десять часовъ съ полови-

[1]) Шушеринъ на этотъ счетъ замѣчаетъ: «Тѣло его невредимо отнюдь отъ воня злосмрадныя, аще и десятидневно пребысть; въ толикое бо теплое время нимало повредися, но яко того часа преставися; лице же и плоть его ничѣмъ не измѣнися, но все тѣло его цѣло и тлѣнію не причастно бѣ» (стр. 111).

ною, включая сюда и время крестнаго хода для встрѣчи тѣла патріарха и время прощанія съ нимъ до погребенія тѣла въ могилу. Государь самъ вмѣстѣ съ митрополитомъ и духовными лицами несъ гробъ патріарха до могилы; деревянный гробъ его былъ опущенъ въ другой бѣлый каменный гробъ, устроенный еще самимъ патріархомъ въ предѣлѣ св. Іоанна Предтечи подъ Голгоѳою. По окончаніи погребенія былъ поминальный столъ въ монастырской трапезной; государь одарилъ митрополита Корнилія вещами изъ монастырской ризницы Никона, далъ ему лучшій бѣлый алтабасный серебряный саккосъ, золотой алтабасный омофоръ, лучшую митру съ драгоцѣнными камнями и 100 рублей деньгами; всѣмъ духовнымъ, участвовавшимъ въ погребеніи, роздана была соотвѣтствующая милостыня; монастырю на церковное строенье выдана 1000 рублей; царевна Татьяна Михаиловна отъ себя принесла въ даръ монастырю богатыя ризы. На другой день, 27 августа, утромъ царская семья, отслуживъ панихиду на гробѣ патріарха, выѣхала изъ Воскресенскаго монастыря. Въ Москвѣ государь также раздавалъ архіереямъ вещи изъ архіерейскихъ облаченій Никона, привезенныхъ съ Воскресенскаго монастыря; патріарху Іоакиму посланы дорогая митра и саккосъ Никона для поминовенія; но когда патріархъ не принялъ ихъ, то митра отдана была смоленскому митрополиту Симеону [1]).

Теперь оставалось ждать вѣстей съ Востока. Царскія грамоты восточнымъ патріархамъ по дѣлу Никона дошли по назначенію; но только весною 1682 года, по подписаніи окончательнаго мирнаго договора Россіи съ Турціею, патріархи могли приступить къ составленію отвѣтныхъ грамотъ государю. Константинопольскій патріархъ Іаковъ составилъ соборъ изъ подвластныхъ ему архіереевъ и 5 числа мая подписалъ съ ними грамоту на имя московскаго царя. Въ половинѣ мая такія же грамоты составлены и остальными восточными патріархами, александрійскимъ Пароеніемъ, іерусалимскимъ Досиѳеемъ, проживавшими тогда въ Цареградѣ, и двумя

[1]) Шушер. стр. 106—110. Описаніе Воскрес. монаст въ Чтен. общ. ист. 1874 г. кн. III стр. 51—55 кн. IV стр. 197. 198. 216. 314. 317—319. 325.

антіохійскими патріархами, прежнимъ Неофитомъ и новымъ Кирилломъ, жившими въ городѣ Финикіи. Согласно съ двойнымъ характеромъ царскихъ грамотъ и отвѣтныя грамоты на нихъ восточныхъ патріарховъ также были двойныя. Однѣ изъ нихъ имѣютъ характеръ частныхъ писемъ государю, въ которыхъ патріархи извѣщаютъ государя о полученіи его грамотъ, описываютъ ихъ содержаніе, благодарятъ за царскіе подарки, высказываютъ готовность исполнять волю государя и сообщаютъ о своихъ разныхъ нуждахъ. Другія грамоты патріарховъ имѣютъ оффиціальный церковный характеръ; всѣ онѣ назначались для прочтенія при гробѣ Никона, четыре изъ нихъ содержатъ болѣе или менѣе буквально сходное изложеніе соборнаго опредѣленія всѣхъ переписавшихся между собою восточныхъ патріарховъ о снятіи съ Никона запрещенія, наложеннаго на него московскимъ соборомъ 1666 года. Въ основу этого опредѣленія приняты какъ извѣщенія государя о страданіяхъ, доброй непорочной жизни и покаяніи Никона въ заключеніи, такъ и присущій Христовой церкви даръ и право прощать раскаявшагося грѣшника, особенно если онъ успѣлъ загладить свои вины добродѣтельною жизнью; московскій соборъ 1666 года, осудившій Никона, говорятъ теперь восточные патріархи, мы не разрушаемъ, но по данной церкви божественной благодати только отмѣняемъ опредѣленіе его о Никонѣ и постановляемъ: да преподобной памяти возлюбленный нашъ братъ господинъ Никонъ, бывшій патріархъ московскій и всея Россіи, имѣетъ прощеніе и разрѣшеніе отъ наложеннаго на него соборнаго запрещенія и, воспріявъ духовный санъ архіерейства, да получитъ какъ патріархъ постоянное церковное поминовеніе съ остальными московскими патріархами въ священныхъ диптихахъ и во всѣхъ положенныхъ церковныхъ послѣдованіяхъ, и никто не долженъ противиться этому нашему соборному опредѣленію. Разрѣшительная грамота александрійскаго патріарха Парѳенія, какъ судіи вселенскаго и преемника патріарха Паисія, предсѣдательствовавшаго на московскомъ соборѣ по дѣлу Никона, отличается отъ грамотъ остальныхъ восточныхъ патріар-

ховъ; по своему содержанію и изложенію она представляетъ одну искусно составленную молитву къ Богу о прощеніи и разрѣшеніи почившаго патріарха Никона. Всѣ эти патріаршія грамоты привезены были дьякомъ Возницынымъ въ Москву и переведены въ посольскомъ приказѣ 9 сентября 1682 г. [1]). Царя Ѳедора Алексѣе-

---

[1]) Подлинныя разрѣшительныя грамоты восточныхъ патріарховъ, писанныя на греческомъ языкѣ, сохранились въ московской синодальной библіотекѣ въ отдѣлѣ свитковъ и грамотъ: грамота цареградскаго патріарха Іакова съ привѣсною свинцовою печатью за № 27, александрійскаго Парѳенія за № 25, прежняго антіохійскаго патріарха Неофита за № 23, новаго антіохійскаго патріарха Кирилла за № 24, іерусалимскаго Досиѳея съ висящею печатью въ искусной мѣдной оправѣ за № 29. Черновые переводы какъ этихъ пяти разрѣшительныхъ грамотъ, такъ и трехъ частныхъ посланій царю Ѳедору Алексѣевичу отъ патріарховъ цареградскаго, александрійскаго и іерусалимскаго сохранились въ греческихъ дѣлахъ московскаго иностраннаго архива за 7191 годъ № 2: въ черновыхъ и перебѣленныхъ переводахъ разрѣшительной грамоты александрійскаго патріарха этотъ патріархъ сначала называется Прохоромъ, но вскорѣ ошибка переводчика была замѣчена и вмѣсто Прохора онъ сталъ именоваться Парѳеніемъ. Разрѣшительныя грамоты патріарховъ въ переводѣ изданы въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ» ч. IV № 136—140. Изъ частныхъ посланій трехъ патріарховъ на имя государя изданы въ печати посланія только двухъ патріарховъ іерусалимскаго въ греческомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ (въ «собр. госуд. грам. и догов.» ч. IV № 135) и александрійскаго въ переводѣ (въ «описаніи воскресенской новоіерусалимской библіотеки» архим. Амфилохія М. 1875 г. стр. 89—91). Приводимъ содержаніе неизданной частной грамоты цареградскаго патріарха государю (дата ея 5 мая): сначала патріархъ благодаритъ государя за присылку грамотъ и даровъ, извѣщаетъ, что вмѣсто 5 сороковъ соболей онъ получилъ только 2 сорока: высказываетъ радость по поводу охотно даннаго на цареградскомъ соборѣ опредѣленія о прощеніи Никона, этого въ добродѣтеляхъ сіяющаго мужа; особенно же радуется заключенію дружбы между русскимъ государемъ и султаномъ, такъ какъ дружба эта благотворно отозвалась и на жизни цареградскихъ христіанъ: около Царяграда въ мѣстечкѣ Кандаскаліонъ давно сгорѣли 4 церкви, вслѣдствіе чего жившіе тамъ христіане оставались долго безъ церковной службы, много бѣдствовали, особенно зимой, когда черезъ море должны были переправляться въ столицу по своимъ религіознымъ нуждамъ, а султанъ не позволялъ имъ строить новой церкви; теперь же, по заключеніи мирнаго договора, благодаря ходатайству русскаго посла и царскаго переводчика Константина Христофорова, султанъ разрѣшилъ построить церковь и она начата уже строиться во имя Божіей Матери Елпида, сирѣчь Надежды. Вмѣстѣ съ грамотами восточныхъ патріарховъ на имя царя Возницынъ привезъ отъ нихъ грамоты и на имя мо-

вича въ это время не было уже въ живыхъ; онъ скончался 27 апрѣля 1682 г. 11 іюля того же года отъ имени государей Іоанна и Петра Алексѣевичей отправлены новыя грамоты восточнымъ патріархамъ извѣщавшія ихъ о перемѣнахъ на русскомъ престолѣ, при чемъ посламъ поручалось роздать на востокѣ духовнымъ властямъ денежные подарки отъ новыхъ государей и возобновить съ ними переговоры, начатые при прежнемъ государѣ [1]). Но пріѣздъ дьяка Возницына въ Москву долженъ былъ положить конецъ всѣмъ пре-

сковскаго патріарха Іоакима: 1) отъ цареградскаго патріарха Іакова (дата 5 мая); въ ней патріархъ благодаритъ Іоакима за письмо, присланное ему съ Возницынымъ, хвалитъ патріарха за вліяніе на царя въ дѣлѣ заключенія мирнаго трактата съ Турціей, извѣщаетъ о наступившемъ теперь мирномъ состояніи восточныхъ христіанъ и кратко говоритъ о долгахъ своей патріархіи послѣ бывшихъ передъ тѣмъ насилій отъ враговъ и тревогъ общественныхъ; о патріархѣ Никонѣ не говоритъ ни слова (переводъ этой греческой грамоты патріарха Іакова въ свиткѣ московской синодальной библіотеки за № 122); 2) отъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея (дата изъ Царяграда 15 мая 1682 г.); въ ней Досиѳей благодаритъ русскаго патріарха за память и за сдѣланные имъ вопросы о разрѣшеніи патріарха Никона, хвалитъ его за то, что онъ одинъ безъ сношенія съ восточными патріархами не далъ согласія царю разрѣшить Никона и убѣждаетъ его охранять русскую церковь отъ латинниковъ особенно въ устройствѣ школъ въ Москвѣ (подлинная греческая грамота Досиѳея тамже за № 28); 3) отъ александрійскаго патріарха Парѳенія; въ ней патріархъ извѣщаетъ о полученіи царскихъ грамотъ, посланныхъ съ дьякомъ Возницынымъ, заявляетъ, что грамоты эти получены имъ распечатанными, что вмѣсто 4 сороковъ соболей ему данъ только одинъ сорокъ, который и продалъ за 200 левковъ, и высказываетъ свое неудовольствіе на одного изъ довѣренныхъ лицъ п. Іоакима, писавшаго на востокъ, что если Парѳеній захочетъ прибыть въ Россію, то его или возвратятъ съ дороги назадъ, или по пріѣздѣ въ Россію пошлютъ въ ссылку: «и что сіе? патріарха александрійскаго въ заточеніе? и для чего? и что сотворилъ? или понеже есть убогъ и престолъ его убогій,.. и о семъ есмы извѣстны, святый брате, яко отъ такихъ облыгательныхъ словъ, мню, остудили благій разумъ блаженства твоего втолико, яко послалъ еси толикую малую милостыню; обаче и сіе пріемше благодаримъ; Господь Богъ да воздастъ блаженству твоему тмочисленно; аще и не чаяли, толико мало». (Грамота въ славянскомъ переводѣ безъ даты находится въ непереплетенномъ сборникѣ московской синодальной библіотеки № I л. 368—369).

[1]) Черновые отпуски этихъ грамотъ и наказовъ русскимъ посламъ сохранились не въ цѣломъ видѣ въ греческихъ дѣлахъ московскаго иностраннаго архива (7190 г. № 5).

реканіямъ по вопросу о возстановленіи чести и сана уже почившаго великаго русскаго патріарха. Когда переводъ съ разрѣшительнымъ грамотъ восточныхъ патріарховъ сообщенъ былъ патріарху Іоакиму, онъ на время и тутъ заявилъ было сомнѣніе въ подлинности и смыслѣ присланныхъ съ Востока грамотъ; но когда ему передали и подлинныя греческія грамоты восточныхъ патріарховъ, тогда Іоакимъ долженъ былъ всецѣло покориться новому соборному опредѣленію этихъ патріарховъ по дѣлу Никона [1]). 30 генваря слѣдующаго 1683 года въ новыхъ грамотахъ русскихъ государей къ восточнымъ патріархамъ высказывалась уже благодарность имъ за прощеніе Никона и снятіе наложеннаго на него запрещенія [2]).

Съ этихъ поръ настаетъ открытое возстановленіе чести и славы патріарха Никона въ Россіи. Имя его вносится въ церковные синодики не только въ Москвѣ, но и въ отдаленныхъ городахъ и мѣстахъ русскихъ [3]). Патріархъ Іоакимъ, такъ враждебно относившійся къ Никону въ прежнее время, теперь служитъ по немъ

---

[1]) Шушеринъ стр. 114.

[2]) Въ грамотѣ на имя цареградскаго патріарха Іакова государи сначала благодарятъ его за то, что «разрѣшительную и простительную грамоту свою для прошенія брата нашего не токмо ваше архипастырство прислать восхотѣли, но и братію свою вселенскихъ патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго соизволеніемъ своимъ такія же грамоты прислать присовокупили есте». Затѣмъ государи извѣщаютъ патріарха объ отправкѣ къ султану Махмету для обновленія дружбы своихъ пословъ, окольничаго и намѣстника ростовскаго Кирилла Осиповича Хлопова и дьяка Василія Посникова; съ ними послана патріарху заздравная милостыня соболями на 120 рублей. Такого же содержанія грамоты посланы и патріархамъ александрійскому Парѳенію, антіохійскому Кириллу и іерусалимскому Досиѳею; милостыня первому и послѣднему соболями по 100, а второму 70 рублей. На образцовой грамотѣ патріархамъ находится интересная помѣта думнаго дьяка Емельяна Украинцева: «191 г. генваря въ 10 д. великіе государи и *сестра ихъ* великая государыня благородная царевна сей грамоты образцовой слушавъ указали и *бояря приговорили* такову грамоту написавъ въ листъ и отпустить съ послы» (черновые отпуски этихъ грамотъ въ греческихъ дѣлахъ моск. иностр. архива 7191 г. № 4).

[3]) Въ синодикѣ курскаго знаменскаго монастыря еще въ XVII в. внесено имя «схимника Никона патріарха» (Курск. епархіал. вѣдом. 1884 г. № 11 стр. 575).

торжественныя панихиды не только въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, но ежегодно ѣздитъ для того и въ Воскресенскій монастырь [1]). Царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ теткою Татьяною Михаиловною, съ сестрою Софьею Алексѣевною, царицами и царевнами очень часто ѣздилъ туда же поклониться гробу патріарха и на мѣстѣ осмотрѣть окончаніе постройки великой новоіерусалимской церкви. Торжествен-

---

[1]) Въ записяхъ выходовъ патріарха Іоакима (рукоп. моск. синод. библ. № 428) отмѣчено: 13 февраля 1683 года во вторникъ на сырной недѣлѣ патріархъ передъ литургіею служилъ панихиду по п. Іоасафѣ, Никонѣ и митрополитамъ, литургію служилъ крутицкій митрополитъ, и въ крестовой у патріарха былъ поминальный столъ; на другой день 14 февраля послѣ утрени патріархъ отправился въ Воскресенскій монастырь, прибылъ туда въ три часа ночи; 15 числа передъ литургіею служилъ панихиду у гроба Никона, литургію служилъ въ голгоѳской церкви, а въ церкви Іоанна Предтечи, гдѣ погребенъ Никонъ, литургію служилъ богоявленскій архимандритъ со священники; поминальный столъ былъ въ монастырской трапезной, патріархъ кушалъ вмѣстѣ съ братіею и послѣ стола жаловалъ ее милостынею (л. 24 и об.). 24 августа того же года вечеромъ патріархъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ панихиду по патріархѣ Никонѣ, на другой день 25 числа въ субботу заупокойныя обѣдни служили въ соборѣ крутицкій митрополитъ, въ церкви трехъ святителей коломенскій архіепископъ, а въ церкви 12 апостоловъ новоспасскій архимандритъ; поминальный столъ въ крестовой патріаршей (л. 52). Въ 1684 году 19 августа патріархъ поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, прибылъ туда 23 числа, литургію слушалъ въ церкви Предтечи, послѣ литургіи служилъ панихиду по п. Никонѣ *въ тамошнемъ облаченіи* безъ митры въ камилавкѣ; въ походѣ съ нимъ былъ холмогорскій архіепископъ и воздвиженскій игуменъ; патріархъ кушалъ въ кельѣ, а не въ трапезѣ: на другой день отправился въ Москву; въ московскомъ же Успенскомъ соборѣ панихида по Никонѣ отправлена была 20 числа послѣ вечерни митрополитомъ бѣлгородскимъ (л. 97 и об.). 16 генваря 1685 г. вечеромъ патріархъ отправился въ Воскресенскій монастырь на освященіе (новой каменной) церкви Воскресенія, съ нимъ поѣхали крутицкій митрополитъ Варсонофій, вологодскій епископъ Гавріилъ, холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, архимандриты андроньевскій Пахомій, богоявленскій Амвросій, знаменскій Евфимій, игумены воздвиженскій Ефремъ и новинскій Аѳанасій (л. 131 об.—135 об.). 22 августа того же 1685 года патріархъ опять прибылъ въ Воскресенскій монастырь въ 12 часу дня, сряду же служилъ панихиду на гробѣ Никона и послѣ нея жаловалъ деньгами архимандритовъ и всю братію монастыря, всенощное и литургію 23 числа въ воскресенье служилъ въ новой церкви Воскресенія, поминальный столъ былъ въ монастырской трапезной, послѣ чего патріархъ въ тотъ же день отправился въ Москву (л. 185—187).

ное освященіе этой великой церкви 18 генваря 1685 года, совершенное патріархомъ Іоакимомъ съ соборомъ русскихъ архипастырей въ присутствіи царской семьи, многочисленной государевой свиты и народа, было торжествомъ и для памяти патріарха Никона; на гробѣ его вновь собралась тогда русская земля въ лицѣ всѣхъ своихъ высшихъ представителей и смиренно преклонялась при возношеніи имени его на литургіи и на торжественной панихидѣ, отслуженной на другой день по освященіи храма [1]). Величественный новоіерусалимскій храмъ, которому по красотѣ архитектуры нѣтъ равнаго во всей Россіи, до сихъ поръ остается лучшимъ памятникомъ надъ гробницей великаго патріарха, которому по силѣ энергіи, широтѣ и величію дѣлъ нѣтъ равнаго между остальными патріархами русской церкви [2]). Главнѣйшіе труды патріарха Никона, защита имъ правъ церкви и высокаго принадлежащаго ей положенія въ государствѣ, принятыя имъ основы въ дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ, останутся безсмертными въ нашей исторіи. Смуты въ церкви и русскомъ государствѣ, вызванныя появленіемъ раскола, клеветы раскольниковъ противъ жизни и дѣятельности патріарха Никона не могли поколебать и затмить его чести и славы; продолжительная борьба съ расколомъ только поддерживала въ обществѣ напряженное вниманіе къ имени и памяти великаго русскаго іерарха и по-

[1]) Записи о поѣздкахъ царскихъ лицъ въ Воскресенскій монастырь и о торжественномъ освященіи новоіерусалимскаго храма приведены въ «описаніи Воскр. мон.» (чтен. общ. ист. 1874 кн. 3 стр. 62—70 и 102—115.

[2]) На мѣстѣ кончины патріарха Никона въ Ярославлѣ ниже спасскаго монастыря на правомъ берегу Которосли былъ поставленъ деревянный крестъ еще въ XVII вѣкѣ («Книга большему чертежу» изд. 2 Спб. 1838 стр. 140), но отъ весеннихъ разливовъ Волги крестъ этотъ былъ размытъ и снесенъ водою. Въ 1700 году власти Воскресенскаго монастыря хлопотали о постройкѣ каменной церкви во имя пр. Александра Свирскаго на мѣстѣ снесеннаго креста и получили на то благословенную грамоту отъ ростовскаго митрополита Іоасафа (опис. Воскр. монаст. въ Чтен. общ. ист. 1875 кн. 3 стр. 755); но наступившія петровскія реформы не благопріятствовали постройкѣ новаго памятника въ честь патріарха Никона. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Ярославлѣ вновь было заявлено желаніе возстановить крестъ на мѣстѣ кончины патріарха, но это желаніе осталось безъ исполненія (Яросл. епарх. вѣдом. 1880 № 32 часть неоффиціальная стр. 254).

буждала къ всестороннему изученію его жизни и трудовъ. И по мѣрѣ того, какъ открывался болѣе свободный доступъ къ изученію и обнародованію подлинныхъ историческихъ документовъ по дѣлу Никона, клеветы противъ него стали терять подъ собою фактическую почву, личность и жизнь его стали получать болѣе правильную безпристрастную оцѣнку, и свѣтлыя стороны въ дѣятельности его стали выдѣляться въ болѣе ясномъ свѣтѣ и величіи. Громадная масса православнаго русскаго народа, непосвященная ни въ какіе церковно-іерархическіе споры и діалектическія тонкости, съ своей стороны давно составила и изрекла свой безхитростный, но замѣчательный отзывъ о патріархѣ Никонѣ: она считаетъ его святымъ и чудотворцемъ [1]) и какъ при жизни приходила къ нему за благословеніемъ, милостынею и исцѣленіемъ въ болѣзняхъ, такъ и по смерти его донынѣ стекается къ его могилѣ, служитъ по немъ панихиды и проситъ чрезъ него у Бога помощи и исцѣленій въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ скорбяхъ и нуждахъ. Въ этомъ народномъ почитаніи патріарха Никона заключается лучшая оцѣнка пастырскихъ трудовъ и жизни его какъ на патріаршемъ престолѣ, такъ и въ ссылкѣ и заключеніи.

---

[1]) Записи о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ при гробѣ патріарха Никона начались сряду послѣ его кончины. Древнія изъ такихъ записей уже изданы въ печати («Историческій вѣстникъ» 1880 августъ стр. 794—796). Записи чудесъ послѣдующаго и нынѣшняго времени въ Воскресенскомъ монастырѣ вносятся въ особую «книгу происшествій». Чудеса при гробѣ святѣйшаго патріарха Никона сильно смущаютъ раскольниковъ и вліяютъ на переходъ ихъ къ православной церкви («Душеполезное чтеніе» 1884 ч. III стр. 55—70).

2007111322